

КНЯЗЬ ОЛЕГЪ

Петербургъ
1915.

4212756
177

73

Свѣтлый Князь... Это слово неизмѣнно повторялось и во многихъ телеграммахъ, присланныхъ по поводу мученической кончины Князя Олега Константиновича, и въ стихотвореніяхъ и стапбяхъ, посвященныхъ его памяти. Дѣйствительно, трудно подыскать другое выраженіе, которое болѣе мѣтко обрисовывало бы Князя Олега: его *свѣтлое* доброе лицо, *свѣтлые* сосредоточенные глаза, *свѣтлый* жизнерадостный смѣхъ, *свѣтлый* пылливый умъ, *свѣтлая* душа невольно приковывали къ себѣ вниманіе уже при первой встрѣчѣ съ нимъ. И въ связи съ этимъ общимъ впечатлѣніемъ чего-то свѣтлаго, при ближайшемъ знакомствѣ раскрывался необычайно сложный духовный обликъ Князя Олега, его неощимья по своей привлекательности качества. Но много времени нужно было для того, чтобы хотя отчасти понять, какъ жила эта глубокая юная душа, чему она радовалась и чѣмъ спрадала, что любила, къ чему стремилась. Врядъ ли даже онъ былъ понятъ кѣмъ-нибудь сполна, во всей многогранности своего внутренняго міра. Только теперь, когда смерть позволила прочесть страницы его дневника, который онъ вель съ 8-лѣтняго возраста и въ которомъ наединѣ съ самимъ собою свободно изливаль волновавшія его думы, только теперь начинаешь чувствовать, какъ много пережито было безвременно погибшимъ юношей-героемъ.

Говорятъ, что исторія всякой человѣческой души представляетъ извѣстный интересъ. Но исторія *свѣтлой* души, помимо этого, учитъ еще духовному наслажденію любви, заставляетъ испытать своеобразную борьбу чувствъ и мыслей, нравственно поднимаетъ и очищаетъ.

Какъ ни кратковременна была жизнь Князя Олега, въ ней все-таки успѣла обнаружиться та вѣчная красота, которая

является неизмѣннымъ спутникомъ всѣхъ поднявшихся надъ уровнемъ житейской прозы и рвущихся въ безпредѣльную высъ правды и добра. Развѣ не удивительно то, что уже 12-лѣтнимъ мальчикомъ Князь Олегъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«Въ моей жизни случилось счастье: намъ разрѣшили носить медали Императора Александра III. Первая медаль въ жизни! Но «заслужилъ ли я ее?— Нисколько.— Отчего я ее получилъ?— За то, что я—лицо Царской Фамиліи. Значитъ, я долженъ за всѣ «эти привилегіи поработать. Хватитъ ли у меня на это силъ? Не знаю. Что надо для этого сдѣлать? Учусь. Итакъ, я приложу къ этому всѣ мои старанія». ¹⁾

Семью днями позже въ томъ же дневникѣ читаемъ:

«Намъ надо учиться, готовиться. Даже, можетъ быть, намъ надо готовиться больше, чѣмъ всѣмъ другимъ. Приходятъ трудныя времена. Къ труднымъ временамъ надо готовиться. Чѣмъ мы дальше уходимъ отъ Рождества Христова, тѣмъ труднѣе становится время. Чѣмъ труднѣе становится время, тѣмъ больше надо готовиться».

Это раннее, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясное сознаніе долга лежало въ основѣ всей дальнѣйшей жизни Князя Олега. Принадлежность къ Царской Фамиліи заставляла его усиленно думать, какимъ путемъ можно «сдѣлать много добра родинѣ, не запятнать своего имени и быть во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть Русскій Князь». ²⁾ «Нѣтъ! прошло то время», писалъ онъ въ дневникѣ не задолго до выпуска изъ Лицея, «когда можно было почитать на лаврахъ, ничего не зная, не дѣлать намъ, «Князьямъ. Мы должны высоко нести свой стягъ, должны «оправдать въ глазахъ народа свое происхожденіе». ³⁾ Мнѣ вспоминается крестъ, который мнѣ подарили на совершеннолѣтіе. Да, «моя жизнь—не удовольствіе, не развлеченіе, а крестъ»... ⁴⁾ «Боже! какъ мнѣ хочется работать на благо Россіи», восклицаетъ онъ 30 марта 1914 года.

Любовь къ родинѣ и ко всему русскому выражалась у Князя Олега чрезвычайно разносторонне: она распространялась и на

¹⁾ Запись 17 сентября 1905 года.

²⁾ Изъ письма къ Августѣйшему отцу 17 ноября 1912 года.

³⁾ Слова Императора Николая I.

⁴⁾ Запись 5 мая 1913 года.

его религиозное міросозерцаніе, и на родной языкъ и литературу, и на родное искусство, и на родную природу. Эта любовь нашла краснорѣчивое выраженіе въ предисловіи его къ неоконченной повѣсти, писанной въ 1912 г.:

«Я возвращался изъ-за границы... Многие изъ насъ, русскихъ, «испытывали это чувство радости, помпелельнаго ожиданія и «непонятнаго волненія, которое охватило меня, когда я подѣзжалъ къ русской границѣ. Я сидѣлъ въ вагонѣ Nord-Express'a. «Поездъ шель на всѣхъ парахъ, но, несмотря на это, мнѣ все «казалось, что онъ могъ бы идти еще скорѣе. Въ окнѣ тянулася «мимо меня однообразная нѣмецкая равнина... Она вся обрабо- «тана, вся засѣяна—нѣтъ живого мѣста, гдѣ глазъ могъ бы «отдохнуть и не видѣть всей этой, можетъ быть, перво- «классной, но скучной и назойливой культуры... Но вотъ скоро «Эйпкуненъ, эта скверная станція, которую и написать-то «грамотно не сумѣешь... Появятся чиновники съ сюртуками, за- «спегнутыми на всѣ пуговицы, съ узкими воротниками и длин- «ными шеями, появятся нѣмецкіе солдаты, съ длинными бѣлыми «брюками, деревянными движеніями и ппичвимъ выраженіемъ «лица; а вдобавокъ, нѣмецъ - разносчикъ, чтобъ лишній разъ «доказать прославленное расположеніе Германіи къ Россіи, под- «капитъ къ путешественнику свою телѣжку и предложитъ ку- «пить книги вроде «Тайнъ Зимняго дворца» или... да не стоить и «говорить.

«А поездъ пѣмъ временемъ мчится все дальше и дальше... «Вотъ уже два мѣсяца», думаю я, «какъ я уѣхалъ съ родины и «спранствую по чужимъ краямъ. Теперь я подѣзжаю къ милой «Россіи. Позади меня осталась Франція съ вѣчно-ликующимъ «славнымъ и талантливымъ народомъ, съ Парижемъ, Версалемъ «и гробницею Наполеона. Теперь я проѣзжаю по скучной Германіи «и долженъ черезъ часъ быть въ Россіи... Да, черезъ часъ я буду «въ Россіи, въ томъ краю, гдѣ все хранится еще что-то такое, «чего въ другихъ странахъ нѣтъ... Тамъ, гдѣ по лицу земли раз- «сыпаны церкви и монастыри... Тамъ, гдѣ въ таинственномъ «полумракѣ старинныхъ соборовъ лежатъ въ серебряныхъ ракахъ «русскіе Угодники, гдѣ строго и печально смотрятъ на моляща- «гося темные лики Святыхъ. Въ томъ краю, гдѣ сохранились еще «и дремучіе лѣса, и необозримыя степи, и непроходимыя болота...

«Отчего-то мнѣ вдругъ припомнилось въ связи съ этими мыслями
«стихотвореніе:

«Приди ты, немощный, приди ты, радостный,
Звонятъ ко всемошней, къ молитвѣ благостной»...

«Отъ этихъ стиховъ на меня такъ и пахнуло Русью, такъ
«и потянуло къ ней...

«Бываютъ минуты въ жизни, когда вдругъ, страстнымъ и
«сильнымъ порывомъ, поймешь, какъ любишь родину, какъ ее
«цѣнишь... Въ эти мгновенія такъ хочется работать, дѣлать
«что-нибудь, помочь чѣмъ-нибудь своей родинѣ»...

Въ сознаніи священнаго долга передъ родиной, полный горячей
любви къ ней, Князь Олегъ прошелъ весь свой жизненный путь,
павши смертью героя на полѣ брани за свободу и счастье Россіи.

Въ одной изъ учебныхъ тетрадей его находится выписка изъ
Victor Hugo, которую онъ часто повторялъ:

«Ceux qui vivent ce sont ceux qui luttent. Ce sont
Ceux dont un destin ferme emplit l'âme et le front.
Ceux qui d'un haut destin gravissent l'âpre cime,
Ceux qui marchent pensifs épris d'un but sublime
Ayant devant les yeux sans cesse nuit et jour
Ou quelque saint labeur, ou quelque grand amour».

Князь Олегъ зналъ и «святой трудъ» и «великую любовь».
Вотъ почему любившіе его рѣшили познакомить русское обще-
ство съ исторіей его недолгой жизни.

Мраморный дворецъ.

1892—1903

Князь Олегъ Константиновичъ, четвертый сынъ Великаго Князя Константина Константиновича и Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны, родился 15 ноября 1892 года въ Мраморномъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ. 3 января 1893 г. надъ нимъ совершено было таинство крещенія, причемъ воспріемниками были Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ ¹⁾).

Первые мѣсяцы за Княземъ Олегомъ ухаживала старушка-няня Варвара Петровна Михайлова, вынянчившая самого Великаго Князя Константина Константиновича и всѣхъ его дѣтей до Князя Олега. Въ августѣ 1894 года на службу во дворецъ поступила бонна Ангелика Клейнъ, а когда Князю Олегу исполнилось 3 года 5 мѣсяцевъ, въ помощницы ей пригласили няню, Екатерину Ѳеодоровну Спиридонову (нынѣ Чернобурова). Воспоминанія послѣднихъ двухъ лицъ даютъ возможность, съ одной стороны, ознакомиться

¹⁾ Кромѣ того, воспріемниками записаны: Великая Княгиня Александра Іосифовна, Королева Марія Греческая, Принцесса Марія Пруская, Герцогиня Саксонская, Принцесса Марія Максимилиановна Баденская, Владѣтельный Князь Адольфъ Шаумбургъ-Липпе, Принцъ Морицъ Саксенъ-Альтенбургскій, Герцогъ Саксонскій, Наслѣдная Принцесса Марія-Анна Шаумбургъ-Липпе, Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, Принцъ Эрнстъ Саксенъ-Мейнингенскій, Герцогъ Саксонскій, и Принцъ Фридрихъ Саксенъ-Мейнингенскій, Герцогъ Саксонскій.

съ самымъ раннимъ періодомъ жизни Князя Олега, съ другой—живо представитъ его нравственный обликъ въ дѣтскіе годы. Любопытно, что уже въ это время въ Князѣ Олегѣ съ достаточной опредѣленностью проявились тѣ черты, которыя такъ привлекали къ нему впослѣдствіи всѣхъ его знавшихъ.

Миниатюрный, блѣдненькій, тихій ребенокъ, Князь Олегъ, по словамъ Е. Θ. Чернобуровой, съ каждымъ годомъ „становился все живѣе и живѣе. Особенно рѣзко выступала его впечатлительность и любознательность: все его интересовало, все оставляло на немъ слѣдъ“. То же подтверждаетъ и Ангелика Клейнъ, рассказывая, какъ этотъ „безконечно милый, жизнерадостный“ мальчикъ уже на седьмомъ году отличался рѣдкой чуткостью къ картинамъ природы и вообще ко всему окружающему.

Дѣти обыкновенно ярче всего обнаруживаютъ тѣ или другія свойства характера въ играхъ. Вотъ почему съ особымъ интересомъ читается красочный рассказъ Е. Θ. Чернобуровой о дѣтскихъ играхъ Князей. „Олегъ Константиновичъ“, пишетъ она, „былъ инициаторомъ всѣхъ игръ, когда они играли вдвоемъ съ Игоремъ Константиновичемъ, который безпрекословно слушался старшаго брата... Игры ихъ были очень разнообразны, причемъ они всегда подражали тому, что видѣли: сгребали на дворѣ снѣгъ—и у насъ въ дѣтской шла уборка; выдвигались русскія сани, попоны изображали снѣгъ, и шла усердная работа. Замѣчали на крышѣ трубочиста—и на одной изъ скамеекъ тотчасъ появлялся бѣленькій трубочистъ, усердно наматывающій на руку вожжи... Одно время любимая игра ихъ была „въ Нансена“. Какъ разъ кому-то изъ Князей подарили игру „Путешествіе Нансена“—очень хорошо исполненныя металлическія фигуры людей, собакъ, сани, упряжку. Сначала играли въ эту игру на столѣ, а потомъ начали по-своему: Олегъ Константиновичъ былъ Нансенъ, Игорь Константиновичъ—Югансонъ, а я—жена Нансена, пѣвица, и эта кличка „пѣвица“ долго за мной оставалась, такъ что разъ даже Великій Князь удивился и спросилъ, почему это Олегъ Константиновичъ зоветъ меня пѣвицей. И опять выдвигались сани, накладывался на нихъ багажъ, и два путешественника ѣхали открывать сѣверный полюсъ.

„Однажды изъ кладовой въ дѣтскую принесли корову, которою еще игралъ Великій Князь Вячеславъ Константиновичъ. ¹⁾ Изъ-за этой коровы часто возникали споры, такъ какъ она была общею, и вотъ, чтобы положить конецъ спорамъ, Князьямъ сказали, что корова принадлежитъ Анпапа. ²⁾ Олегъ Константиновичъ подумалъ немного и рѣшилъ: „Когда я умру, то попрошу Анпапа подарить мнѣ корову“.

Изъ другихъ игръ Князь Олегъ увлекался еще игрой „въ охоту“. Вотъ что сообщаетъ объ этой забавѣ въ своихъ запискахъ одинъ изъ воспитателей старшихъ Князей, М. К. Мухинъ: „Охота устраивалась въ бѣломъ залѣ Мраморнаго дворца. Въ разныхъ мѣстахъ этого большого зала за-

¹⁾ Четвертый сынъ Великаго Князя Константина Николаевича, род. въ 1862 г., скончался въ 1879 г.

²⁾ Такъ называли Князя своего покойнаго Дѣда, Великаго Князя Константина Николаевича.

благовременно припрятавались игрушки, изображавшія разныхъ звѣрей, и чучела. Залъ умышленно освѣщался только одною электрическою лампочкою съ матовымъ шаромъ, что изображало лунную ночь. На эти „охоты“ Олегъ Константиновичъ шелъ всегда съ большимъ волненіемъ. Надо было видѣть его, когда въ полутьмѣ вдругъ показывалась движущаяся при помощи нехитрыхъ приспособленій фигура какого-нибудь животнаго. Олегъ Константиновичъ весь словно загорался, глаза блестѣли, онъ крѣпко сжималъ свое игрушечное ружье, стрѣлялъ самъ и торопилъ другихъ участниковъ охоты, чтобы они не опоздали выстрѣлить: „Іоанчикъ, ¹⁾ стрѣлай скорѣе! Гаврилушка, ²⁾ стрѣлай, а то звѣрь убѣжитъ!“ — такъ и раздавался дрожавшій отъ волненія голосокъ Олега Константиновича“.

Какъ видимъ, уже въ дѣтскихъ играхъ Князь Олегъ проявлялъ кипучую энергію, страстность, изобрѣтательность и инициативу.

Наряду съ этими „вольными“ играми-забавами слѣдуетъ также отмѣтить и „организованныя“ игры, на урокахъ гимнастики, которыя требовали сосредоточеннаго вниманія, дисциплины и даже обнаруженія извѣстныхъ нравственныхъ качествъ. Такими играми, по словамъ учительницы П. П. Чечулиной, Князь Олегъ тоже увлекался и притомъ „не только какъ процессомъ вылить накопившуюся въ немъ энергію, но стремленіемъ достигнуть опредѣленной цѣли, и чѣмъ труднѣе была игра по содержанію и чѣмъ больше требовалось въ ней проявленія ловкости и находчивости, тѣмъ больше она доставляла ему удовольствія“. Тутъ Князь Олегъ уже сумѣлъ проявить чувства товарищества, справедливости и самоотверженности, которыя были такъ характерны для него и въ теченіе всей послѣдующей жизни: „Имѣя въ числѣ играющихъ“, рассказываетъ П. П. Чечулина, „болѣе слабыхъ по силамъ, онъ всегда старался поставить ихъ въ наиболѣе выгодныя условія, а самъ занималъ болѣе трудную позицію. Видя неблагопріятное положеніе играющихъ, онъ со словами „спасай! выручай!“ старался помочь имъ, часто жертвуя собою и испытывая при этомъ чувство удовлетворенія отъ сознанія исполненнаго долга“. И П. П. Чечулина замѣчаетъ по этому поводу: „Моментъ гибели Его Высочества геройскою смертію ярко возстановилъ въ моей памяти годы его дѣтства, его отношеніе къ окружающимъ его товарищамъ и отсутствіе страха и самосохраненія въ минуту опасности при исполненіи своего долга“.

Нѣсколько замкнутый кругъ впечатлѣній дворцовой обстановки, видимо, рано заставлялъ Князя Олега съ особеннымъ вниманіемъ прислушиваться къ тѣмъ разговорамъ, которые переносили его воображеніе далеко за предѣлы стѣнъ дворца, туда, гдѣ шла какая-то невѣдомая еще ему, но, несомнѣнно, иная, не похожая на ихъ, жизнь. Въ этомъ отношеніи няня Е. Ѳ. Чернобурова сыграла большую роль: она рассказывала своимъ маленькимъ питомцамъ про Демидовское, гдѣ она воспитывалась, про своихъ прежнихъ

¹⁾ Князь Іоаннъ Константиновичъ.

²⁾ Князь Гавріиль Константиновичъ.

учениковъ, Андрюшу Крона и Андрея Коха, и про многое другое. Но особеннымъ успѣхомъ пользовался ея рассказъ о миѳической дѣвочкѣ Вѣрочкѣ, въ который Е. Θ. Чернобутова искусно вплетала событія „на злобу дня“: если приближалась Пасха, Е. Θ. Чернобутова рассказывала Князьямъ о томъ, какъ Вѣрочка къ ней готовилась, какъ красила яйца; когда наступала весна, няня изображала сборы Вѣрочки на дачу, потомъ переѣздъ и т. д. Естественно, что занимательное повѣствованіе о таинственной Вѣрочкѣ стало любимымъ для Князя Олега.

Въ эту же пору самага ранняго дѣтства окружающіе подмѣтили въ Князѣ Олегѣ первые проблески глубокой вдумчивости, вообще свойственной недюжиннымъ натурамъ: все, съ чѣмъ онъ ни сталкивался, привлекало его вниманіе и вызывало на размышленія. При этомъ его дѣтскій умъ наталкивался порою на такіе вопросы, которые невольно оставались безъ отвѣта, и это, видимо, заставляло его уходить въ себя и наединѣ съ самимъ собой пытаться проникнуть въ тайны жизни и разгадать ея загадки. Такъ, напримѣръ, когда у одного изъ преподавателей Князей умеръ братъ, Князь Олегъ, конечно, еще не представляя реально самага факта потери близкаго существа, но чувствуя, что въ смерти есть что-то страшное, настойчиво спрашивалъ окружающихъ: „Какъ человѣкъ умираетъ? Что онъ тогда испытываетъ? Какъ можетъ остановиться сердце?“ и т. д.

Когда Князю Олегу исполнилось 6 лѣтъ, начались его систематическія учебныя занятія. Ранѣе были только ежедневныя чтенія по Закону Божию подъ руководствомъ А. П. Орловой, будущей преподавательницы Князя по русскому языку и ариѳметикѣ.

Въ это время должность управляющаго Дворомъ Великой Княгини Александры Іосифовны занималъ, теперь уже покойный, генералъ П. Е. Кеппенъ. Вспоминая объ этомъ замѣчательномъ въ разныхъ отношеніяхъ человѣкѣ, А. А. Ешевскій говоритъ: „Тотъ, кто зналъ эту исключительную по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ личность, никогда его не забудетъ“. Дѣйствительно, П. Е. Кеппенъ поражалъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, и своимъ широкимъ образованіемъ и удивительнымъ умомъ, яснымъ, точнымъ, чуждымъ какой бы то ни было предвзятости, свободнымъ и разностороннимъ. Тонкій наблюдатель жизни, П. Е. Кеппенъ въ просвѣщеніи всегда шелъ „съ вѣкомъ наравнѣ“ и совершенно былъ чуждъ того старовѣрства, которое нерѣдко охватываетъ людей въ извѣстномъ возрастѣ и дѣлаетъ ихъ тяжелыми. Почитая доброе старое, П. Е. Кеппенъ съ неизмѣннымъ сочувствіемъ относился и ко всему молодому. Въ душѣ П. Е. Кеппенъ былъ убѣжденнымъ педагогомъ. Рѣдко даже въ преподавательской средѣ можно встрѣтить человѣка, который бы такъ горячо вѣрилъ въ силу воспитанія и обученія, какъ П. Е. Кеппенъ. Вотъ почему онъ принималъ вплоть до своей смерти ближайшее участіе въ вопросахъ образованія Князей. Самъ необыкновенный труженикъ, П. Е. Кеппенъ настойчиво проповѣдывалъ необходимость воспитанія въ подрастающемъ поколѣніи дис-

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1894 г.

циплины труда: „Природа—не храмъ, а мастерская, и человекъ въ ней работникъ“, не разъ повторялъ онъ слова извѣстнаго Тургеневскаго героя.— Эта-то идея „работы“ и была положена въ основу воспитанія Князя Олега.

Первыми преподавателями Князя Олега были: по Закону Божию— о. Григорій Петровъ, по русскому языку и ариѳметикѣ—А. П. Орлова, по гимнастикѣ—П. П. Чечулина, по рисованію—А. Н. Юдинъ, по музыкѣ—Г. В. Кюндингеръ, по танцамъ—Н. П. Троицкій. Кромѣ того, маленькій Князь скоро сталъ посѣщать уроки старшихъ братьевъ по классу географіи—Е. И. Репьевой и по естествовѣдѣнію—проф. Д. Н. Кайгородова.

Трудно сказать, кто изъ преподавателей сумѣлъ въ это время болѣе всего увлечь Князя Олега своимъ предметомъ: пытливый отъ природы, умъ мальчика съ жадностью набрасывался на всякое знаніе и съ наслажденіемъ впитывалъ его въ себя. Тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что въ первую пору ученія Князь Олегъ обнаруживалъ особый интересъ къ естественнымъ наукамъ.

Зимой 1899 года Князь Олегъ перенесъ вмѣстѣ съ братьями сильнѣйшій коклюшъ и, по предписанію врачей, былъ отправленъ на лѣто за границу. Молодые Князья прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ Швейцаріи, Франціи, Германіи. Эта поѣздка оказала на Князя Олега благотворное вліяніе какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи: съ одной стороны, онъ окрѣпъ и поправился, съ другой—прогулки въ горахъ Швейцаріи, купанье на берегахъ Атлантическаго океана во Франціи, „ислѣдованія и развѣдки“ въ пещерахъ и гротахъ скалистаго побережья, наблюденіе приливовъ и отливовъ и многое другое живо интересовали Князя Олега и давали обильную пищу его впечатлительному уму¹⁾.

Между прочимъ, во время этого путешествія произошелъ одинъ случай, оставившій замѣтный слѣдъ въ душѣ Князя Олега и заставившій его впервые серьезно задуматься надъ своими поступками. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ сопровождавшій Князей М. К. Мухинъ: „На пути изъ Женевы во Францію, во время завтрака въ вагонѣ, Князь Олегъ Константиновичъ выбросилъ куриную косточку въ окно вагона. Ему указали, что такъ поступать не красиво, и, кромѣ того, предметъ, брошенный изъ окна вагона на ходу поѣзда, можетъ попасть въ кого-либо идущаго около желѣзнодорожнаго пути, на примѣръ, въ сторожа, стрѣлочника и т. п. Замѣчаніе это произвело большое впечатлѣніе на Князя Олега Константиновича. Онъ задумался, и его богатое воображеніе живо нарисовало ему картину, что онъ дѣйствительно попалъ куриною костью въ лицо желѣзнодорожному сторожу. Мысль объ этомъ стала такъ мучить его, что онъ неоднократно обращался съ вопросомъ, не попалъ ли онъ въ лицо сторожу, и успокоился только послѣ того, какъ двое изъ его спутниковъ порознь и вмѣстѣ ска-

¹⁾ По воспоминаніямъ М. К. Мухина объ этой поѣздкѣ.

зали ему, что они смотрѣли въ то время въ окна вагона и никого на желѣзнодорожномъ пути и около него не видѣли“. — Впослѣдствіи мы не разъ будемъ имѣть случай убѣдиться, съ какимъ упорнымъ и мучительнымъ вниманіемъ Князь Олегъ слѣдилъ за собою въ нравственномъ отношеніи, постоянно подвергая строгому суду всѣ свои помыслы, настроенія и поступки.

Въ 1899—1900 учебномъ году занятія Князя Олега продолжались подъ руководствомъ тѣхъ же лицъ, что и въ предыдущемъ году, но общее наблюдение за учебной частью всѣхъ дѣтей принялъ на себя академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій.

Къ этому времени дѣтская, въ которой раньше помѣщались Княжна Татіана Константиновна и Князя Константинъ, Олегъ и Игорь Константиновичи, нѣсколько измѣнилась въ составѣ своихъ обитателей: Князей Олега и Игоря Константиновичей перевели въ другой этажъ, а Князя Константина Константиновича присоединили къ старшимъ братьямъ.

Ученье очень увлекало Князя Олега. Возвращаясь изъ классной комнаты въ дѣтскую къ своей любимой нянѣ, Князь Олегъ всегда рассказывалъ ей обо всемъ, что узналъ на урокахъ новаго, декламировалъ ей выученныя стихотворенія и т. п. „Позднѣ“, рассказываетъ Е. Θ. Чернобурова, „у насъ установилась такая игра: я говорила первую строчку какого-нибудь стихотворенія, а Олегъ Константиновичъ угадывалъ автора: „Папа? Пушкинъ? Майковъ?“ спрашивалъ онъ быстро, стараясь угадать.... Помню его радость, когда онъ узналъ, что я пишу стихи. Еще издали, идя по комнатамъ, онъ въ ладъ съ Игоремъ Константиновичемъ распѣвалъ: „Няня пишетъ стихи!“ А придя въ уборную, сказалъ мнѣ: „Знаете, лучше всѣхъ пишетъ стихи Папа, потомъ Вы, а потомъ Пушкинъ!“ А Игорь Константиновичъ говоритъ: „А вы въ серединкѣ!“ И потомъ оба на перебой стали увѣрять меня, что и мнѣ скоро поставятъ памятникъ въ Царскомъ, гдѣ въ этомъ году только что открыли памятникъ Пушкину“.

Чѣмъ болѣе выросталъ Князь Олегъ, тѣмъ, конечно, менѣе было у него возможности имѣть общеніе съ няней, но онъ пользовался каждой свободной минутой, чтобы повѣдать ей всѣ свои новости. Повидимому, все чаще и чаще ему приходила въ голову мысль, что скоро придется разстаться со своей постоянной собесѣдницей; поэтому, раздѣваясь въ уборной по вечерамъ, Князь Олегъ мечталъ: „Когда я вырасту большой, Катя, то я возьму васъ къ себѣ: у васъ будетъ большая комната, вся полная книгъ и незабудокъ.“ А когда Князь Игорь Константиновичъ, не желая отставать отъ брата, заявлялъ: „И я Васъ возьму къ себѣ“, то Князь Олегъ живо замѣчалъ: „Нѣтъ! у тебя будетъ жить Ика!“ И Князь Игорь Константиновичъ подъ вліяніемъ рѣшительнаго тона брата замолкалъ.

Лѣто 1900 года Князя проводили въ Стрѣльнѣ. Увлечение естествознаніемъ и, въ частности, ботаникой продолжалось. Дѣти предпринимали

¹⁾ По воспоминаніямъ Е. Θ. Чернобуровой.

ботаническія экскурсіи подъ наблюдениемъ рекомендованнаго проф. Д. Н. Кайгородовымъ г. Силантьева, ухаживали за огородомъ, который былъ отданъ въ полное ихъ распоряженіе, собирали коллекціи. Къ этому времени относятся первыя письма Князя Олега къ Августѣйшимъ родителямъ и сестрѣ: на всѣхъ ихъ лежитъ отпечатокъ того живого интереса, который питаль онъ къ растительному и животному царству. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ:

3 Іюня. Стрѣльна.

Милая моя Мама!

Редиски на Татіаниной грядкѣ уже взошли. Мнѣ очень понравился горящій домъ, который ты прислала Игорю. Я поздравляю Тебя и Татіану съ Игоремъ. Христо ¹⁾ играетъ съ Генрихомъ В. ²⁾, и я разъ игралъ изъ его нотъ. Я очень благодарю Софію Н. ³⁾ за письмо. Обнимаю Тебя крѣпко и Татіану.

Олегъ.

8 Іюня.

Милая Татіана!

Очень благодарю Тебя за длинное письмо. Я получилъ его сегодня, и я самъ прочиталь... У насъ взошли бобы, свекла и огурцы. Цѣлую Тебя и Мама крѣпко.

Олегъ.

20 Іюня. Стрѣльна.

Милая Татіана!

Скажи Мама, что я ее благодарю за карточку. Вчера вечеромъ, когда мы ложились, была гроза. У насъ редиски поспѣли, и мы ихъ скоро будемъ кушать...

4 Іюля. Стрѣльна.

Милая Мама!

Мы были у Павки ⁴⁾ 29-го и играли въ войну всѣ вмѣстѣ, и Букса ⁵⁾ тоже. Мы нашли летучую мышку, а проф. ⁶⁾ привезъ землероекъ. Онъ всѣ умерли, и наша зеленая лягушка тоже. Цѣлую крѣпко Тебя, Папа и Татіану.

Олегъ.

¹⁾ Королевичъ греческій Христофоръ.

²⁾ Г. В. Кюндингеръ, учитель музыки.

³⁾ Баронесса С. Н. Корфъ, фрейлина Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

⁴⁾ Такъ Князь звали П. Е. Кеппена.

⁵⁾ Проф. Д. А. Соколовъ.

⁶⁾ Проф. Д. Н. Кайгородовъ.

19 Іюля.

Дорогая Татіана!

Очень благодарю Тебя за письмо. Наша прелесть ¹⁾ очень веселая. Она цѣлуется съ нами. Она живетъ у домика въ конюшенкѣ, тамъ лежитъ со-
лома и сѣно и корзина, въ которой она пріѣхала. Цѣлую Тебя и Мама.

Олетъ.

Зиму 1900-1901 учебнаго года Князья проводили въ Петербургѣ. Заня-
тія шли своимъ обычнымъ порядкомъ. Между тѣмъ, еще въ предшествую-
щемъ году преподавателемъ русскаго языка старшихъ Князей Н. К. Куль-
маномъ были устроены еженедѣльные вечернія литературныя чтенія, кото-
рыя продолжались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по четвергамъ, вплоть до
перевѣзда Князей на постоянное жительство въ Павловскъ. Въ 1900 г. на
чтенія были допущены и младшіе Князья. На этихъ чтеніяхъ, кромѣ дѣтей
и ихъ воспитателей, обычно присутствовали Августѣйшіе родители Князей,
а изрѣдка и Великій Князь Дмитрій Константиновичъ. Такимъ образомъ
были прочитаны многіе рассказы изъ „Записокъ охотника“ Тургенева,
„Дѣтскіе годы Багрова-внука“ Аксакова, „Дѣтство“, „Отрочество“ и
„Кавказскій плѣнникъ“ Толстого, „Сигналъ“ и „Медвѣди“ Гаршина, мно-
гія произведенія Пушкина, нѣкоторыя повѣсти изъ „Вечеровъ на хуторѣ“
и „Миргорода“ Гоголя, „Дѣти подземелья“ и „Старый звонарь“ Короленки,
„Князь Серебряный“, А. Толстого, и мн. др.

А. М. Максимовъ, бывшій съ 1 іюня 1903 по 1 іюня 1907 г. воспита-
телемъ младшихъ Князей и присутствовавшій впоследствии на этихъ чте-
ніяхъ, рассказываетъ въ своихъ запискахъ по поводу нихъ слѣдующее:
„Помню, большой симпатіей у дѣтей пользовались такъ называемые „чет-
верги“. Они состояли въ чтеніи Ихъ Высочествамъ Н. К. Кульманомъ раз-
личныхъ произведеній русской литературы. Еженедѣльно по четвергамъ въ
вечерніе часы дѣти собирались въ комнатахъ своей сестры Княжны Татіаны
Константиновны и, занимаясь какой-либо механической работой, слушали
чтеніе. „Четверговъ“ дѣти ожидали, какъ какого-либо любимаго лакомства,
и послѣ обѣда вперегонку мчались въ комнату сестры. При встрѣчѣ съ
Николаемъ Карловичемъ въ этомъ случаѣ не было обычныхъ разспросовъ
и разговоровъ, а, быстро занимая свои мѣста вокругъ большого стола,
дѣти заявляли: „Мы слушаемъ, мы слушаемъ!“ И вотъ при уютной обста-
новкѣ и пылающемъ каминѣ начиналось чтеніе. Статьи для чтенія избира-
лись исключительно изъ русской жизни... Съ затаеннымъ дыханіемъ слушали
дѣти чтеніе Кульмана и слѣдили за его мимикой. То возгласы ужаса, то
облегченные вздохи благополучія, то радостныя улыбки на лицахъ слуша-
телей говорили о переживаемыхъ ими душевныхъ настроеніяхъ и о захва-
тывающемъ интересѣ къ дѣйствующимъ лицамъ произведенія“...

¹⁾ Дикая козочка.

Князь Олегъ на „четвергахъ“ былъ всегда едва ли не самымъ внимательнымъ слушателемъ: онъ положительно впивался въ чтеца своими сосредоточенными, вдумчивыми глазами, видимо, глубоко переживая все то, о чемъ шла рѣчь. Насколько вообще впечатлительно относился Князь Олегъ къ литературному матеріалу, можно судить по одному факту, который передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Е. Ѳ. Чернобутова: „Читала я князьямъ“, рассказываетъ она, „исторію о мальчикѣ-горбунѣ, какъ его преслѣдовали на улицѣ злые мальчишки. Чтеніе еще не было закончено, какъ позвали Князей къ завтраку. Вдругъ Олегъ Константиновичъ расплакался и сталъ говорить, что у него болитъ голова. Его положили въ постель, но это еще болѣе его взволновало: онъ началъ увѣрять, что не хочетъ лежать, что у него только болитъ голова, что онъ здоровъ. Запутавшись въ противорѣчій, онъ не хотѣлъ сознаться, что плачетъ потому, что ему жалко горбатаго Мишу“.

А. М. Максимовъ не безъ основанія думаетъ, что эти „четверги“ зародили въ Князѣ Олегѣ первый интересъ къ родной литературѣ. Но они имѣли вліяніе и въ другомъ отношеніи: Князю Олегу захотѣлось постигнуть искусство декламаціи. „Помню“, рассказываетъ А. М. Максимовъ, „какъ послѣ чтенія Н. К. Кульманомъ „Пѣвцовъ“ Тургенева Князь, оставаясь потомъ одинъ въ комнатѣ, съ большимъ увлеченіемъ перечитывалъ вслухъ это произведеніе и особенно удачно выводилъ заключительныя его строки: „Антропка-а-а!“ — „Чего-о-о-о-о?“ — „Иди сюда, чортъ, лѣші-і-і-ій!“ — „Зачѣ-ѣ-ѣ-ѣ-ѣ-ѣ?“ — „А за тѣмъ, что тебя тятя высѣчь хочи-и-и-ить!“...

Литературныя впечатлѣнія были самымъ обильнымъ источникомъ, изъ котораго Князь Олегъ почерпалъ представленія о людяхъ и ихъ жизни. Злободневныя событія его не затрагивали, такъ какъ Князей въ нихъ, по возможности, не посвящали въ ранніе годы. Но иногда и въ дѣтскую проникали слухи о томъ, что творилось на бѣломъ свѣтѣ. Такъ, напримѣръ, Князья живо заинтересовались англо-бурской войной, и на почвѣ этого интереса и симпатіи къ бурамъ произошелъ даже одинъ комическій эпизодъ, свидѣтельствующій о горячности Князя Олега. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Е. Ѳ. Чернобутова: „Разъ какъ-то я пожаловалась, что не могу доставать газетъ и ничего не знаю о войнѣ,—тогда Князь Олегъ началъ за большимъ завтракомъ внимательно выслушивать все о войнѣ, чтобы рассказать мнѣ, иногда даже спеціально для этого спрашивая кого-нибудь, чаще всего баронессу С. Н. Корфъ. Придя послѣ завтрака наверхъ, еще издали кричалъ мнѣ: „Катя! буры опять побѣдили!“ и, какъ умѣя, на своемъ дѣтскомъ языкѣ передавалъ мнѣ собранныя извѣстія. Это меня всегда очень трогало. И каждыя спрашивалъ Олегъ Константиновичъ: „Вы за буровъ или за англичанъ?“ Съ такимъ же вопросомъ обратился онъ и къ англичанину-портному, пришедшему примѣрять костюмы. Тотъ засмѣялся и отвѣтилъ: „За англичанъ!“—„А, за англичанъ!“ закричалъ Олегъ Константиновичъ: „давай, Игорь, мазать его мѣломъ!“ И, схвативъ мѣлокъ, они начиркали ему спину въ наказаніе. Англичанинъ очень смѣялся!“

Князья Олегъ и Игорь Константиновичи въ 1897 г.

Лѣтомъ 1901 года Князь Олегъ впервые увидѣлъ деревню. Этотъ періодъ его жизни имѣлъ огромное вліяніе и на его умственное развитіе, и на нравственное міросозерцаніе, и на эстетическое чувство.

Мечты о жизни въ настоящей русской деревнѣ начались еще зимой, когда любимой игрой маленькихъ Князей стала игра „въ деревню“. Эта игра возникла случайно. „Кадеты Симбирскаго корпуса“, рассказываетъ Е. Ѳ. Чернобутова, „поднесли Князьямъ отлично сдѣланную модель крестьянской усадьбы — домъ и дворъ съ крытыми службами: хлѣвомъ, конюшней и т. п. И вотъ мы отпраплялись въ деревню, снимали крышу съ домика, и я рассказывала, какъ я проводила лѣто 1894 г. въ деревнѣ (мое первое знакомство съ деревней). Князья очень любили эти рассказы“. Въ связи съ этой игрой Князь Олегъ все чаще и чаще сталъ думать о томъ, какъ хорошо было бы пожить въ деревнѣ, а не въ Стрѣльнѣ и не въ Павловскѣ. Словно въ отвѣтъ на эти мечты, Князьямъ скоро сообщили, что они поѣдутъ на дачу въ Калужскую губернію, въ имѣніе „Нижніе Прыски“, Н. С. Кашкина. Восторгамъ Князя Олега не было конца: планы, одинъ другого блестящѣе, такъ и мѣнялись въ его богатой воображеніемъ головѣ; вопросы такъ и сыпались на собесѣдника, который случайно или намѣренно навелъ разговоръ на предстоящую поѣздку.

Въ ожиданіи деревенскихъ впечатлѣній, Князь Олегъ съ особеннымъ вниманіемъ наблюдалъ за пробуждающейся весенней природой въ Петербургѣ: цвѣты, деревья, насѣкомыя—все было предметомъ его неподдѣльной дѣтской радости. Живымъ свидѣтелемъ этого приподнятаго настроенія осталось одно его письмо къ Августѣйшей матери отъ 12 мая:

„Милая Мама!

Ты знаешь, что мы посадили огурцы въ классной. Они теперь цвѣтутъ, и показался огурчикъ. Въ четвергъ мы съ Мари и Дмитріемъ ¹⁾ пили молоко въ Елагиномъ саду, собирали цвѣты и нашли много фіалокъ и видѣли бабочку аврору и траурницу“...

Наконецъ, давно желанный день наступилъ. „Веселое было это путешествіе!“ вспоминаетъ няня Е. Ѳ. Чернобутова: „въ вагонѣ оба маленькихъ Князя спали со мной. Утромъ, въ 4 часа, только что встало солнце, какъ Олегъ Константиновичъ проснулся и, слышу, зоветъ брата: „Игорь, вставай, смотри въ окно: солнце!“ Игорь Константиновичъ тоже вскочилъ и приникъ къ окну. Несмотря на мои уговоры, они не хотѣли больше спать и, надѣвши свои красные халатики, остались у окна“. Но въ деревнѣ ихъ ждало маленькое разочарованіе, правда, мимолетное: „Они думали, что будутъ жить въ настоящей крестьянской избѣ, а не въ привычной обстановкѣ барскаго дома. По этому поводу Игорь Константиновичъ разъ вы-

¹⁾ Великая Княжна Марія Павловна и Великій Князь Дмитрій Павловичъ.

разился такъ: „Знаете, Катя, когда Ика ¹⁾ умереть и Татьяна Васильевна ²⁾ умереть, и Вы умрете, тогда мы перейдемъ въ избу и будемъ тамъ жить“.

Въ „Прыскахъ“ Князья прожили со второй половины мая по 2 октября. Они проводили время въ обществѣ М. К. Мухина, А. А. Гюббенета, перваго воспитателя Князя Олега, Т. В. Олсуфьевой, воспитательницы Княжны Татьяны Константиновны, г. Тьеша, преподавателя французскаго языка, бонны Ангелики Клейнъ и няни Е. Ѳ. Спиридоновой (Чернобуровой). Августѣйшіе родители Князей прожили въ имѣніи только около мѣсяца. Лѣтомъ прїѣзжали на нѣкоторое время въ „Прыски“ профессоръ Д. Н. Кайгородовъ, Н. К. Кульманъ и священникъ Г. С. Петровъ.

Богатый матеріалъ для опредѣленія степени вліянія деревни на Князя Олега, а также для характеристики образа жизни Князей, ихъ занятій, интересовъ, игръ и забавъ даютъ воспоминанія Т. В. Олсуфьевой, М. К. Мухина и А. А. Гюббенета, къ которымъ мы и обратимся.

Вотъ что пишетъ Т. В. Олсуфьева: „Воспитанный съ дѣтства въ любви къ родинѣ и ко всему русскому, Князь Олегъ съ раннихъ лѣтъ стремился изъ обстановки дворца, города и пригородныхъ мѣстностей, какъ Стрѣльна и Павловскъ, въ настоящую привольную русскую деревню, и онъ былъ безконечно счастливъ, когда его мечта осуществилась въ 1901 году... 4^{1/2} мѣсяца была на рѣдкость благодатная погода, и Князь Олегъ имѣлъ возможность воспринять всю красоту и поэзію вступающей во всѣ свои права радостной весны, съ роскошнымъ ковромъ благоухающихъ цвѣтовъ, съ массой до тѣхъ поръ ему незнакомыхъ птицъ; онъ видѣлъ лѣто съ сѣнокосомъ на лугахъ, жатву и посѣвъ озимей, видѣлъ и дивную золотую осень съ носящимися въ прозрачномъ воздухѣ паутинами, съ отлетающими „въ теплый край, за сине море“ журавлями. Это первое лѣто, проведенное имъ въ русской деревнѣ, въ сердцѣ Россіи, въ Калужской губерніи, въ живописной мѣстности на берегу Жиздры, въ 3 верстахъ отъ Оптиной пустыни, полной живыхъ воспоминаній о только недавно скончавшемся старцѣ Амвросіи, и въ 6—8 верстахъ отъ созданнаго этимъ старцемъ женскаго Шамординскаго монастыря, въ которомъ онъ и скончался,—наложилъ, несомнѣнно, глубокій отпечатокъ на вкусы и характеръ Олега Константиновича и вложилъ въ его юную впечатлительную душу ту поэтическую любовь къ родинѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ, которою онъ съ годами все болѣе и болѣе проникался. Прїѣхавши въ „Прыски“, онъ съ увлеченіемъ наслаждался всѣмъ привольемъ деревенской жизни, съ купаньемъ въ чистыхъ струяхъ рѣки съ мягкимъ песчанымъ дномъ, съ большими прогулками на заливныхъ съ заводами и тихими прудами лугахъ и въ вѣковомъ лѣсу, гдѣ такъ поэтично пріютилась пустынька Шамординскаго монастыря, посѣщеніе которой было дневной экскурсіей въ виду ея отдаленности отъ дома.—Въ недалекомъ разстояніи отъ Оптиной пустыни былъ скитъ этого

¹⁾ Бонна Ангелика Клейнъ.

²⁾ Т. В. Олсуфьева.

монастыря, въ которомъ жилъ замѣнившій старца Амвросія другой старецъ—Іосифъ. Дорога туда шла вѣковымъ сосновымъ боромъ, и все это было полно особенной, чисто русской прелести и поэзіи.

„Тутъ же онъ съ братьями познакомился и сдружился съ двумя деревенскими мальчиками, Гришкой и Капитошкой, которые приходили сперва учить ихъ плести корзинки изъ ивовыхъ прутьевъ, а потомъ проводили съ ними всѣ ихъ досуги, принимая участіе во всѣхъ ихъ играхъ, развлеченіяхъ и прогулкахъ.

„Кромѣ веселыхъ, радостныхъ впечатлѣній, онъ имѣлъ случай познакомиться тутъ и съ горемъ, нуждой, и съ отрицательными сторонами нашей деревни. Онъ зналъ, на примѣръ, что въ селѣ въ самую страдную пору умерла женщина, оставивъ двухъ новорожденныхъ близнецовъ на рукахъ отца, не имѣвшаго никого, кто могъ бы ими заняться или ихъ приютить. Къ сожалѣнію, мы узнали объ этомъ слишкомъ поздно, и, хотя пристроили ихъ, но малютки все-таки скоро умерли. Въ Оптиной пустыни ему приходилось видѣть безрукаго отъ рожденія мальчика, наконецъ, въ самихъ „Прыскахъ“ былъ въ должности сторожа у входа въ паркъ молодой безногій парень, которому машиной оторвало ногу. На сѣнокосѣ намъ пришлось видѣть мужика, косившаго свою полосу короткой косой, такъ какъ у него ноги были отняты по самыя колѣни: оказывается, онъ, въ пьяномъ видѣ возвращаясь домой въ лютый морозъ, заблудился, отморозилъ себѣ обѣ ноги, и ему пришлось ихъ ампутировать.—Всѣ эти тяжелыя или отрицательныя стороны деревенской жизни не могли не оказать вліянія на его впечатлительную, открытую всему хорошему натуру и, заставляя его задумываться надъ этими явленіями, сильнѣе развивали его любовь къ родинѣ.

„Посѣщеніе дѣтей въ деревнѣ профессоромъ Д. Н. Кайгородовымъ, Н. К. Кульманомъ и Г. С. Петровымъ, тогда еще священникомъ и ихъ законоучителемъ, оказали тоже хорошее вліяніе на нихъ. Сами горячо любя русскую деревню и природу и наслаждаясь ими, они научили и Олега Константиновича прислушиваться и присматриваться ко всему окружающему, умѣли подчеркнуть всю прелесть деревни и помогли ему своимъ живымъ примѣромъ вникнуть въ ея красоту“.

Воспоминанія остальныхъ лицъ дополняютъ рассказъ Т. В. Олсуфьевой, главнымъ образомъ, съ бытовой стороны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываютъ и на нѣкоторые другіе факты, оставшіе слѣдъ въ душѣ Князя Олега. „Князя съ удовольствіемъ носили ситцевые русскіе костюмы“, рассказываетъ М. К. Мухинъ, „часто ходили босикомъ. Младшіе Князя завели знакомство съ деревенскими ребятами, и двое изъ нихъ сдѣлались навсегда въ играхъ и забавахъ Князей. Очень нравились дѣтямъ прогулки въ окрестностяхъ, купанье въ Жиздрѣ, посѣщеніе Оптиной пустыни, Шамординской обители и т. п. Сильное впечатлѣніе на Августѣйшихъ дѣтей произвела слѣпая игуменья Шамординской обители Евфросинія, поставленная еще старцемъ Амвросіемъ. Въ то же время познакомилась дѣти и съ сестрою Л. Н. Толстого, Маріей Николаевной, жившей въ Шамординской обители“.

По разказу А. А. Гюббенета, Князья жили въ „Прыскахъ“ „въ полномъ смыслѣ слова на лонѣ природы, наслаждаясь всѣми прелестями деревенской жизни, совершая большія прогулки въ лѣсъ за ягодами и за грибами, знакомясь съ полевыми работами, изъ которыхъ сѣнокосъ и уборка сѣна съ обязательнымъ катаньемъ на возахъ казались, разумѣется, наиболѣе привлекательными“. „Тогда уже“, прибавляетъ А. А. Гюббенеть, „Олегъ Константиновичъ поражалъ замѣчательной предприимчивостью, смѣлостью, пылкимъ воображеніемъ, а также стремительностью, сосредоточенностью и устойчивостью во всѣхъ предпріятіяхъ, въ особенности же въ такихъ играхъ, гдѣ можно было проявить ловкость и отвагу, каковы, напримѣръ, извѣстныя игры въ „палочку-стукалочку“ и „казаки и разбойники“... Самымъ любимымъ однакоже развлеченіемъ была верховая ѣзда, и тутъ-то мы подчасъ могли блеснуть лихостью... На счастье мое, настоящихъ верховыхъ коней у насъ въ „Прыскахъ“ не было, такъ что нужно было довольствоваться рабочими лошадьми, отличавшимися болѣе или менѣе тихимъ и покорнымъ нравомъ“. Тѣмъ не менѣе, Князь Олегъ и здѣсь сумѣлъ обнаружить свой пылкій нравъ. „Бѣжали мы“, рассказываетъ А. А. Гюббенеть, „мелкой рысью по проселочной дорогѣ, гуськомъ, Олегъ Константиновичъ—впереди. Вдругъ вижу: мой Олегъ Константиновичъ, хлеснувъ коня, съ крикомъ „ура!“ пустился вскачь, въ бѣшеную атаку на воображаемаго врага. Мы съ Константиномъ Константиновичемъ вслѣдъ за нимъ. „Олегъ Константиновичъ! не такъ шибко!“ кричу я изо всѣхъ силъ. Но Олегъ Константиновичъ ничего не слышитъ, скачетъ галопомъ во всю прыть, и разстояніе между нами дѣлается все больше и больше. Тогда я кликнулъ Константину Константиновичу не торопиться и ѣхать потише, а самъ пустился, не щадя своей клячки, въ погоню. Но не успѣлъ я догнать отважнаго всадника, какъ тотъ уже лежалъ на пыльной дорогѣ, недалеко отъ своего изумленнаго неожиданнымъ происшествіемъ ретиваго коня. Маленькій смѣльчакъ былъ самъ не менѣе удивленъ: онъ при паденіи ушибся, протерши себѣ голень до крови, и не зналъ, что дѣлать—плакать или смѣяться? Я, скрывая свой немалый испугъ, нарочно разсмѣялся, назвалъ Олега Константиновича удалцомъ, поздравилъ съ боевымъ пораненіемъ, рассмотрѣлъ ранку и обвязалъ ногу платкомъ. Эта пустяшная ранка у Олега Константиновича стала принимать размѣры большой, болѣзненной раны, такъ что, когда, на наше счастье, нѣсколько дней спустя случайно пріѣхалъ въ „Прыски“ докторъ Муриновъ, то пришлось подъ его руководствомъ и мнѣ, и приставленному къ Князьямъ камердинеру Крюкову немало потрудиться надъ исцѣленіемъ раненаго: въ теченіе многихъ недѣль надо было по нѣскольку разъ въ день дѣлать примочки и перевязывать, что, конечно, не могло обойтись безъ боли для пострадавшаго, и тутъ-то я не могъ нахвалиться храбрости и терпѣливости маленькаго пациента“.

Пребываніе въ „Прыскахъ“, гдѣ передъ глазами Князя Олега широкой картиной развернулась и русская природа и народная жизнь, дали, пови-

димому, толчокъ къ той внутренней работѣ, которая обыкновенно замѣчается въ болѣе позднемъ возрастѣ и которая служитъ отправной точкой при начинающемъ создаваться міросозерцаніи. Увидѣвъ въ деревнѣ такъ много неожиданно новаго, и свѣтлаго и темнаго, Князь Олегъ какъ-то невольно заглянулъ въ себя. По крайней мѣрѣ, во время учебнаго 190¹/₂ г. у него появляется небольшая записная книжка, на первой страницѣ которой его старательнымъ дѣтскимъ почеркомъ выведено:

Я большой и потому имѣю мужество.

Я тутъ отмѣчаю, сколько грѣховъ я сдѣлалъ во весь день...

Отмѣчаю тутъ неправду точками, а когда нѣтъ неправды, отмѣчаю крестиками.

Первая помѣтка въ этой книжкѣ сдѣлана 15 ноября 1901 года, дальнѣйшія слѣдуютъ ежедневно до 2 сентября 1903 года. Кромѣ указанныхъ символическихъ значковъ, никакихъ записей, однако, въ этой книжкѣ нѣтъ, но, судя по количеству точекъ, можно думать, что Князь Олегъ внимательно слѣдилъ за собой и, вѣроятно, сурово оцѣнивалъ свои маленькія дѣтскія провинности.

Къ учебнымъ занятіямъ послѣ „Прысковъ“ Князь Олегъ сталъ относиться съ еще большимъ рвеніемъ, причемъ, помимо непосредственнаго интереса, такое отношеніе обуславливалось и пробудившимся въ это время съ особой силою чувствомъ долга. А. А. Гюббенетъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ: „Въ учебныхъ занятіяхъ Олегъ Константиновичъ всегда былъ добросовѣстенъ. Помню его сидящимъ за учебнымъ столикомъ: взоры устремлены прямо въ глаза учителю, свидѣтельствуя о полной сосредоточенности мышленія. Время отъ времени появляются на лбу весьма замѣтныя складки: это Олегъ Константиновичъ особенно усердно трудится надъ какимъ-нибудь вопросомъ. И вотъ онъ начинаетъ волноваться, нервное движеніе пробѣгаетъ по всему маленькому тѣлу: ему хочется во что бы то ни стало дать хорошій, умный отвѣтъ, и какъ можно скорѣй, скорѣй!... а головка еще недостаточно привыкла повиноваться силѣ воли. Ребенокъ волнуется не долго—учитель приходитъ на помощь, на полдорогѣ ихъ мысли встрѣчаются, и, какъ бы само собой, получается пріятная развязка запутаннаго вопроса, глазенки смѣются отъ восторга, все личико сіяетъ: самъ выпутался! И черезъ минуту опять лицо серьезное-пресерьезное, опять складки на лбу, глаза горятъ... Самолюбивъ былъ Олегъ Константиновичъ, въ высшей степени самолюбивъ: все хотѣлъ сдѣлать хорошо и все самъ, безъ посторонней помощи; подсказыванья не терпѣлъ: „Подождите, сейчасъ!“... Наводить его на отвѣты надо было очень осторожно, а то онъ отъ избытка самолюбія страшно волновался и слишкомъ торопился.

„Помню еще Олега Константиновича за уроками гимнастики. Производятся такъ называемыя свободныя движенія. Олегъ Константиновичъ,

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1901 г.

какъ всегда, съ полной сосредоточенностью слѣдить за указаніями и командами учительницы и изо всѣхъ силъ старается исполнять всѣ приемы съ точностью. Но вотъ рядомъ веселенькій Игорь Константиновичъ увлекся какою-то шалостью, хохочетъ, руки и ноги принимаютъ живѣйшее участіе въ веселомъ настроеніи души. Это Олегу Константиновичу пришлось не по вкусу: учиться—такъ учиться, не время для шалостей: „Игорь!“ прикрикнетъ онъ укоризненно вполголоса на разошедшагося младшаго брата, и тотъ безпрекословно повинуется. Десятилѣтній Олегъ Константиновичъ былъ хоть и маленькій человѣкъ, но былъ уже личностью, съ вполнѣ опредѣлившимся вкусомъ и съ вполнѣ опредѣленными взглядами на то, какъ слѣдуетъ себя вести мальчику и какъ не слѣдуетъ; то были не внезапные импульсы, о которыхъ ребенокъ не въ состояніи отдать себѣ отчета и которые обыкновенно такъ похожи на капризы. Этимъ только и объясняется поразительная категоричность и авторитетность замѣчаній маленькаго Олега Константиновича по адресу братьевъ или сестры“...

Лѣтомъ 1902 года Князь Олегъ не увидѣлъ, къ его огорченію, деревни: все лѣто было проведено въ Павловскѣ. Но воспоминанія о жизни въ „Прыскахъ“, объ увлекательныхъ прогулкахъ по лѣсамъ, о свободномъ купаньѣ въ рѣкѣ—были сильны, и чинная жизнь въ Павловскѣ съ отсутствіемъ яркихъ впечатлѣній и нѣкоторымъ однообразіемъ путешествій по дорожкамъ парка—заставляла его пускаться въ шаловливыя предпріятія, доставлявшія порою безпокойство его воспитателю: „Для его пылкаго воображенія“, рассказываетъ А. А. Гюббенетъ, „нужны были какія-нибудь приключенія да открытія, имѣющія хотя бы самое отдаленное сходство съ приключеніями и открытіями Робинзона“. Поэтому во время катанья на лодкѣ онъ, сядя на руль, не безъ хитрости направлялъ лодку подъ густыя развѣсистыя деревья и въ такіе узкіе, каменистые и маловодные „заливы“ и „проливы“, что лодка зачастую застревала, и стоило большого труда выбраться съ нею изъ окружавшихъ „тропическихъ лѣсовъ“. „Вообще“, по словамъ воспитателя Князя Олега, „весь укладъ жизни у насъ былъ таковъ, что на каждую прогулку и на каждую поѣздку, какъ и на всякое другое занятіе, было положено точно опредѣленное время, и потому не препятствовать веселымъ, невиннымъ и самимъ по себѣ очень симпатичнымъ затѣямъ Олега Константиновича и в послѣдствіи не становиться виновнымъ въ опозданіи было для меня задачей непомѣрно трудной, подчасъ прямо-таки невыполнимой: Олегъ Константиновичъ почти всегда и всюду увлекался чѣмъ-нибудь „страшно интереснымъ“, а я былъ одержимъ вѣчнымъ страхомъ передъ опозданіемъ“...

Страхъ воспитателя передъ стремленіемъ Князя Олега ко всякаго рода приключеніямъ имѣлъ основаніе, потому что нѣкоторыя предпріятія оказывались нѣсколько рискованными. Однажды, рассказываетъ А. А. Гюббенетъ, „шли мы большой компаніей, предводимые Т. В. Олсуфьевой, по шоссеиной дорогѣ въ Пязелево, а тамъ спустились къ руслу рѣчки Поповки, столь хорошо извѣстной всѣмъ петроградскимъ экскурсантамъ, благодаря своимъ геоло-

гическимъ особенностямъ, представляющимъ для учащейся молодежи исключительный интересъ. Шли мы бодро и быстро, какъ всегда. Авангардомъ командовала энергичная Т. В. Олсуфьева, а я, отлично зная склонность младшихъ Князей отставать и отдѣляться отъ компаніи ради всевозможныхъ невинныхъ шалостей и, въ частности, склонность Олега Константиновича къ проявленію самостоятельности, шестіе замыкалъ. И въ самомъ дѣлѣ, мой Олегъ Константиновичъ началъ отставать и развлекаться по-своему: то онъ находилъ что-то „страшно интересное“, то ему ужасно хотѣлось перепрыгивать по камнямъ съ одного берега на другой и обратно, то непременно надо было карабкаться вверхъ и внизъ по крутизнамъ. Сколько я ни увѣщевалъ его бросить эти шалости, дабы не опоздать къ ужину, Олегъ Константиновичъ не унимался. Тогда я сказалъ ему: „Ну, хорошо! такъ оставайтесь тутъ одни!“ и сталъ догонять далеко ушедшую впередъ компанію, въ надеждѣ, что Олегъ Константиновичъ, немножко поупрямившись, опомнится и въ концѣ концовъ все-таки побѣжитъ за мною. Время отъ времени я оборачивался: Олегъ Константиновичъ и не думалъ итти за мною. Догнавъ остановившуюся-было ради насъ компанію, я еще разъ обернулся—Олегъ Константиновичъ исчезъ, т. е., очевидно, гдѣ-то спрятался. Такъ какъ уже было поадно, то я попросилъ Татіану Васильевну не ждать больше: я пустился въ поиски. Иду, ищу, зову, спрашиваю попавшихся навстрѣчу бабъ—Олегъ Константиновичъ не откликается, и никто его не видалъ. Тщетно промаявшись доброй часъ времени, я медленно поплелся обратно въ Павловскъ. Что Олегъ Константиновичъ раньше или позже вернется, я ни минуты не сомнѣвался: случилось это между двухъ деревень, и, хотя солнце успѣло уже закатиться, но все же еще было достаточно свѣтло. Тѣмъ не менѣе, я долженъ признаться, что это было пренепріятной для меня исторіей: во-первыхъ, и это главное, Олегъ Константиновичъ при наступающей сырости могъ простудиться, а во-вторыхъ, онъ явно, думалось мнѣ, доказалъ, что не желаетъ меня слушаться. Вернувшись во дворецъ, я узналъ, что прошло уже съ полчаса или болѣе, какъ Олегъ Константиновичъ благополучно пріѣхалъ на таратайкѣ. Оказалось, Олегъ Константиновичъ сначала прекрасно видѣлъ и слышалъ, какъ я его искалъ, и нарочно прятался и не откликался на мой зовъ, но затѣмъ, когда онъ потерялъ меня изъ виду, ему все-же стало жутко, тѣмъ болѣе, что поблизости онъ не видалъ ни души. Тогда онъ побрелъ, куда глаза глядѣли, и чуть было не заблудился, но, встрѣтивъ по пути крестьянина, догадался обратиться къ нему за помощью, и тотъ привелъ его въ деревню, гдѣ ему немедленно запрягли коня и, посадивъ въ таратайку, довели до дворца... Въ тотъ же вечеръ Олегъ Константиновичъ очень мило передо мною извинился за причиненное мнѣ душевное безпокойство. Выросши большимъ, онъ, говорятъ, очень любилъ вспоминать и рассказывать объ этомъ происшествіи“.

Конечно, подобныя „приключенія“ не могли замѣнить тѣхъ глубокихъ впечатлѣній, которыя въ предшествовавшемъ году были получены въ

деревнѣ. Тѣмъ болѣе Князь Олегъ дорожилъ всѣмъ, что сближало его съ природой: этимъ объясняется его увлеченіе копчикомъ, котораго онъ приручилъ и за которымъ внимательно наблюдалъ въ теченіе многихъ недѣль. Насколько великъ былъ его интересъ къ маленькому хищнику, видно изъ писемъ его къ Августѣйшему отцу и сестрѣ. 9 іюня 1901 года онъ пишетъ:

„Милый Папа!

Какъ поживаетъ Твоя голова? Надѣюсь, что она больше не болитъ. Послушай про нашего копчика. Разъ утромъ онъ вспорхнулъ и взлетѣлъ на ель. Мы хотѣли его достать. Сергѣй полѣзъ и спихнулъ его: копчикъ полетѣлъ по аллеѣ и пропалъ совсѣмъ. Намъ было очень жаль копчика, и только къ вечеру мы объ немъ забыли. На слѣдующее утро мы молились на балконѣ. Вдругъ на перила балкона съѣлъ копчикъ. Онъ былъ несчастный и жалкій. Мы его накормили и напоили, и онъ заснулъ на моемъ столикѣ около меня. Черезъ 3 часа онъ улетѣлъ опять, и съ тѣхъ поръ онъ каждый день прилетаетъ раза два... Мы нѣсколько разъ видѣли, что его обижали вороны. Онъ вчера его такъ загнали, что онъ прилетѣлъ къ намъ совсѣмъ больной и хромой. Мы его посадили въ клетку, чтобы онъ у насъ поправился. Онъ на насъ порядочно сердился за это.

12 іюня, Пятница. Только что копчикъ улетѣлъ. Я надѣюсь, что онъ вернется“...

19 іюня Князь Олегъ пишетъ сестрѣ:

„Очень благодарю Тебя, милая Тунька, за карточку, которую я ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Говорятъ, что нашъ копчикъ съѣлъ половину голубя, но онъ все-таки прилетаетъ къ намъ ежедневно поѣсть. Недавно онъ къ намъ прилетѣлъ, а мясо было закрыто бумагой и прилипло къ ней. Копчикъ хотѣлъ кусочекъ мяса взять, потащилъ съ нимъ всю бумагу и унесъ все съ собой. Онъ долго леталъ съ этой ношей въ когтяхъ и наконецъ выбралъ мѣсто на нашей крышѣ“...

Кончилось лѣто. Начались учебныя занятія. 15 ноября 1902 года Князю Олегу минуло 10 лѣтъ, и Августѣйшими родителями было рѣшено просить Государя Императора о зачисленіи его весною въ списки кадетъ Полоцкаго корпуса. Князь Олегъ съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда онъ станетъ воспитанникомъ учебнаго заведенія. Въ началѣ декабря Великій Князь, объѣзжая корпуса въ качествѣ Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній, заѣхалъ въ Полоцкъ и тамъ получилъ слѣдующее письмо отъ будущаго Полочанина:

„2 декабря 1902 года.

Дорогой Папа!

Привѣтствую Тебя съ пріѣздомъ въ Полоцкъ. Мнѣ очень хочется, чтобы Ты поскорѣ вернулся къ намъ и рассказалъ, что видѣлъ въ По-

лоцкѣ. Мнѣ очень жаль, что я не кадетъ и не могу присутствовать на корпусномъ праздникѣ. Нянь Мишѣ ¹⁾ кланяется его будущій однокашникъ. Цѣлую тебя крѣпко и нѣжно и надѣюсь, что у Тебя не болитъ голова и тебѣ весело въ корпусѣ.

Твой Олегъ“.

Въ день корпусного праздника этого года, 6 декабря, Великая Княгиня осчастливила директора корпуса слѣдующею телеграммою:

„Отъ души поздравляю Васъ и всѣхъ съ Вашимъ праздникомъ. Нашъ будущій маленькій Полочанинъ Олегъ очень жалѣетъ, что еще не кадетъ“.

При прочтеніи этой телеграммы полочане впервые прокричали „ура“ своему будущему товарищу.

Князь Олегъ дѣятельно работалъ, чтобы выдержать экзаменъ въ корпусѣ, но въ весеннее полугодіе 1903 года тяжело заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Болѣзнь приковала его къ постели на все пасхальное время и дальше, почти до полного расцвѣта весны. По словамъ воспитателя, „никогда Олегъ Константиновичъ не былъ такъ ласковъ, отзывчивъ, кротокъ, терпѣливъ, благоразуменъ и милъ“, какъ въ теченіе этой болѣзни. Между Княземъ Олегомъ и его воспитателемъ завязались тѣсныя, теплыя отношенія: А. А. Гюббенетъ рассказывалъ своему питомцу, что пережилъ въ своемъ дѣтствѣ, рассказывалъ про свои игры, про школьную жизнь, про родителей и про старушку-тетушку, которая долго проживала въ ихъ семьѣ и которой А. А. Гюббенетъ былъ многимъ обязанъ. Князь Олегъ чрезвычайно внимательно прислушивался къ этимъ рассказамъ и послѣ болѣзни связалъ для передачи старушкѣ шерстяной шарфикъ. Этотъ шарфикъ, по словамъ А. А. Гюббенета, хранится у его восьмидесятилѣтней тетушки, „какъ неоцѣнимое сокровище“, напоминая ей „добраго, ласковаго Князя“.

Хотя болѣзнь и оторвала Князя Олега отъ занятій, однако экзаменъ онъ все-таки выдержалъ, и съ 14 мая 1903 года былъ зачисленъ съ Высочайшаго соизволенія въ списки кадетъ 1 класса Полоцкаго корпуса. Великій Князь немедленно же извѣстилъ объ этомъ директора корпуса слѣдующей телеграммой:

„Сегодня Олегъ выдержалъ экзаменъ на поступленіе въ первый классъ Полоцкаго кадетскаго корпуса. Прошу Полочанъ считать мальчика своимъ.

Константинъ“.

Восторженно былъ настроенъ въ эти дни Князь Олегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественно и радостно встрѣчалъ корпусъ своего новаго воспитанника: директоръ собралъ всѣхъ, принадлежащихъ къ корпусной семьѣ, прочиталъ телеграмму Великаго Князя, выяснилъ кадетамъ значеніе для корпуса поступленія Князя Олега и тотчасъ же отправилъ Августѣйшему Главному Начальнику телеграфный отвѣтъ: „Извѣстіе о выдержаніи экза-

¹⁾ Ген. М. Н. Драшковскій.

мена Его Высочества Князя Олега въ первый классъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и обращенныя къ полочанамъ высокомиловидныя слова Вашего Императорскаго Высочества — считать Князя Олега „своимъ“, переданныя мною сейчасъ кадетамъ въ присутствіи всѣхъ служащихъ, радостно отозвались въ сердцахъ полочанъ, которые почтительно приносятъ Вашему Императорскому Высочеству глубочайшую признательность за оказанную честь, возвышающую насъ внутренно и придающую особенный блескъ мундиру Полоцкаго корпуса. Сердечный привѣтъ отъ семьи полочанъ полочанину Князю Олегу“.

17 мая корпусъ черезъ посредство одного изъ старѣйшихъ полочанъ, генерала П. Е. Кеппена, такъ близко принимавшаго къ сердцу всѣ радости Князя Олега, отправилъ новому полочанину погоны, которые доставили ему большое удовлетвореніе. Великій Князь телеграфировалъ по этому поводу директору:

„Маленькій новичокъ Полочанинъ очень, очень радъ погонямъ, гордится ими и благодарить за доброе вниманіе своего директора; присоединяю и свою сердечную признательность.

Константинъ“.

Для Князя Олега начинался новый, болѣе сложный періодъ жизни. Мы дальше увидимъ, какъ онъ неудержимо росъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи за этотъ періодъ, какъ выработывалась его личность, подъ какими вліяніями создавалось его міросозерцаніе.

Мраморный дворецъ.

Стрěльнинскій дворець.

1903—1908

Въ связи съ поступленіемъ Князя Олега въ корпусъ, у младшихъ Князей перемѣнились воспитатели: А. А. Гюббенетъ ушелъ, и его мѣсто занялъ А. М. Максимовъ. 29 мая 1903 года произошла первая встрѣча Князя Олега съ его новымъ воспитателемъ. „Помню“, рассказываетъ А. М. Максимовъ, „когда я уже откланивался, Олегъ Константиновичъ обратился ко мнѣ съ дѣтски-лукавой улыбкой: „Все хорошо, а вотъ что Вы Игоря обидѣли, это не хорошо!“ Признаюсь, я немного опѣшилъ и большими глазами обвелъ едва сдерживающихъ смѣхъ собесѣдниковъ. „Игорь сегодня новорожденный, а Вы его не поздравили“, вывелъ меня изъ недоумѣнія Олегъ Константиновичъ, и Князья разразились звонкимъ смѣхомъ. Извинившись за свою оплошность, я, разумѣется, принесъ Новорожденному поздравленія и пожеланія и сталъ выходить. „Вы не обижайтесь, я пошутилъ!“ крикнулъ мнѣ вслѣдъ Олегъ Константиновичъ, и его громкій, звонкій голосокъ долго-долго стоялъ у меня въ ушахъ“.

Въ этой милой шуткѣ есть одна сторона, которая особенно характерна для Князя Олега; здѣсь обнаружилась его постоянная привычка задумы-

ваться надъ своими поступками. Жизнерадостный нравъ толкнулъ его на невинную шалость, но ему немедленно же пришла въ голову мысль, что пришедшій къ нимъ новый воспитатель могъ обидѣться, и это, несомнѣнно, его взволновало. Такой самоанализъ постоянно встрѣчается въ дѣтскихъ записныхъ книжкахъ Князя Олега. Вотъ, напримѣръ, что онъ записываетъ подь 3 августа 1903 года: „Копался, когда мылся. Былъ развязнымъ на нѣмецкомъ урокъ, невнимательнымъ на русской диктовкѣ. Говорилъ глупости у тети Оли. Обижался на А. М., что онъ мнѣ говорилъ, что я былъ невнимательнымъ. Игралъ на роялѣ и думалъ, что очень, очень хорошо играю. Потомъ пошелъ завтракать. Былъ профитроль въ шоколадѣ, и я сдѣлалъ пятно. А. М. мнѣ не позволилъ его снять ножомъ, но я дѣлалъ видъ, что ужасно хочу его снять. А. М. мнѣ еще сказалъ, что хочетъ узнать мое вниманіе и терпѣнье. Вдругъ онъ мнѣ показываетъ на мою чистую рубашку и говоритъ мнѣ: „Видите, Вы нехорошо сидѣли за столомъ, облакачивались на него, и, конечно, это пятно размазало на рубашкѣ“. Я очень разсердился, что онъ мнѣ это сказалъ при С. Н., и сказалъ ему, что это онъ виноватъ, потому что не позволилъ снять пятно ножомъ. Я ему это нѣсколько разъ сказалъ, но зналъ, что это нехорошо. Потомъ завтракъ кончился. Я пошелъ немножко попутаться на дворѣ. Потомъ пошелъ домой со всѣми. Вдругъ А. А. показываетъ мнѣ на рубашку и говоритъ, навѣрно, шутя, А. М.: „Мнѣ съ такимъ стыдно ѣхать“. Я чуть-чуть не заплакалъ. Меня совѣсть очень мучила. Я побѣжалъ домой и чуть не плакалъ. Потомъ я сталъ просить прощенья у А. М. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ подтвердилъ мои слова. Потомъ я хотѣлъ ему показать, что обиженъ, очень горюю, и попросилъ не итти на нѣмецкую прогулку. Но я все-таки пошелъ къ А. А. на прогулку. Они всѣ (мои братья) хотѣли ѣхать на велосипедѣ. Я дѣлалъ видъ, что былъ обиженъ и что не хочу ѣхать на велосипедѣ, и капризничалъ“.

Такихъ дѣтскихъ драмъ занесено въ дневникъ не мало. Незначительная невѣжливость, мимолетная праздничная радость, что не будетъ уроковъ, обнаруженіе нѣкотораго самомнѣнія, тщеславія, рѣдкіе капризы, невнимательное отношеніе къ молитвѣ, внутреннее недовольство какимъ-либо замѣчаніемъ и т. п.—все это тщательно отмѣчалось въ записныхъ книжкахъ. Князь Олегъ, видимо, работалъ надъ собой съ большимъ усердіемъ и на дѣлѣ осуществлялъ эпиграфъ, поставленный имъ на одной изъ этихъ книжекъ: „Каждодневно выметай свою избу, да хорошимъ вѣникомъ“ (О. Серафимъ). Приведемъ нѣсколько выдержекъ:

6 августа 1903 года. „Вчера, когда я проснулся, то подумалъ, что будній день и что мы будемъ учиться, а потомъ вспомнилъ что 6 августа—Преображеніе, и былъ очень радъ, что мы не будемъ учиться. Это было нехорошо, потому что нужно всегда любить учиться, а не лѣниться. Потомъ Куку¹⁾ пришелъ насъ будить. Костя²⁾ спросилъ его, который часъ. Куку

¹⁾ Такъ звали Князя своего камердинера Крюкова. Другія его прозвища—Куся, Кукусина.

²⁾ Князь Константинъ Константиновичъ.

сказаль: „25 минутъ 7-го“. И я тоже это спросиль. А Куся сказаль: „Алексѣй Михайловичъ сказаль будить 25 минутъ 7-го“. Я съ маленькимъ негодованіемъ всталъ. Но я все-таки напишу, что я, хотя и не опоздалъ, а все-таки немножко заставиль М-г Voyelle'a подождать. Мнѣ нужно отвыкнуть копать. Потомъ я говорилъ про М-г Voyelle'a, что онъ ходиль во-кругъ комнаты тогда, когда Костя и Игорь молились, но мнѣ попало. Очень спориль, и разъ нехорошо, съ А. М. Очень бываль невѣжливъ, и изъ-за этого бывали неприятности“.

28 октября 1903 года. „Ворчалъ, что И. ходиль, когда я хочу спать. Былъ недоволенъ, что лежу, когда не могу заснуть. Не совсѣмъ внимательно молился. Завидоваль. Былъ недоволенъ, что нужно ждать И. къ чаю. Сердился на Н. П. Подлизывался. Невѣжливъ. Сердился. Пугаль И. Сердился на И. Сердился на сестру и былъ невѣжливымъ. Плакаль. Былъ недоволенъ, что не даютъ кофе. Сердился и былъ невѣжливъ. Сердился на Куку. Ворчалъ на Павку. Сердился“.

31 октября 1903 года. „Привередничаль. Подлизывался. Сердился. Невѣжливъ. Ворчалъ. Сердился и былъ невѣжливъ. Надоѣдалъ Т. Лѣнился. Ссорился съ И. Я началъ ссору и не выдержаль обѣщанія“.

Съ годами это стремленіе къ самоанализу усиливалось и становилось все сложнѣе. Надо удивляться, что 12-лѣтнимъ мальчикомъ Князь Олегъ уже серьезно задумывался надъ собой, и подъ наивной оболочкой его дѣтскихъ записей въ дневникѣ скрываются порою далеко не дѣтскія чувства и мысли. Вотъ что, на примѣръ, набрасываетъ онъ въ самомъ началѣ 1905 г., во время своего заболѣванія корью: „У меня очень неприятная вещь: я не могу почти молиться. Мнѣ очень трудно. Я вдумываюсь и очень трудно вдуматься. Я повторяю одно слово или фразу нѣсколько разъ. Это у меня отнимаетъ много времени. Я раздражаюсь и устаю. Думаю поговорить съ А. М. ¹⁾. Онъ мнѣ помогаетъ, даетъ совѣты. Онъ мнѣ сказаль, если трудно молиться, то прочитатъ одну молитву. Передъ молитвой надо представить себѣ, какъ Господь говорилъ „Отче нашъ“, надо вообразить, какъ Іисусъ Христосъ сидѣль на горѣ и училь. Но когда я выздоровѣю, какъ тогда? Тогда, можетъ быть, пройдетъ... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ такъ тяжело. Душа у меня въ грѣхахъ. Я обдумаль нѣкоторыя вещи во время болѣзни. Иногда кажется, что не наслѣдуешь Царствія Божія. Я думаю объ этомъ. Молиться надо: хорошо, что спохватился, а то было бы поздно“... И Князь Олегъ пытается нарисовать свой нравственный обликъ, въ которомъ, по его убѣжденію, такъ много отрицательныхъ чертъ: „Я слишкомъ о себѣ высокаго мнѣнія. Гордымъ быть не хорошо. Я напишу тутъ, что я про себя думаю. Я умный, по душѣ хорошій мальчикъ, но слишкомъ о себѣ высокаго мнѣнія. У меня талантъ писать сочиненія, талантъ къ музыкѣ, талантъ къ рисованію. Иногда я самъ себя обманываю и даже часто. Я

¹⁾ Воспитатель А. М. Максимовъ.

иногда закрываю себя руками правду. Я нервный, вспыльчивый, самолюбивый, часто бываю дерзокъ отъ вспыльчивости. Я эгоистъ. Я сердить иногда изъ-за совсѣмъ маленькаго пустяка. Хочется быть хорошимъ. У меня есть совѣсть. Она меня спасаетъ. Я долженъ ее любить, слушаться, а, между тѣмъ, я часто ее заглушаю. Можно заглушить совѣсть навѣки. Это очень легко. Но безъ совѣсти человѣкъ пропасть... Надо прислушиваться къ ней. Она иногда забываетъ человѣка, если онъ забываетъ ее. Но не надо забывать совѣсть. Она для человѣка вѣрная спутница. Я теперь читаю „Петербургскіе шарманщики“. Григоровичъ говоритъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ тоже есть совѣсть. Вѣрно!!! У каждого, даже дурного человѣка совѣсть заработаетъ, если онъ ее вспомнить. Каждому человѣку дана совѣсть, но не у каждого она сохранилась... Когда не знаете, какъ поступить, спросите совѣсть. Кромѣ того, говорите всегда правду. Для чего неправда? Вы отвѣчаете: „Для того, чтобы не узнали“. Увѣряю васъ, если теперь не узнали, потомъ всегда узнается. Сколько разъ мнѣ ни приходилось врать, всегда узнавали. Если вы въ дѣтствѣ научились обманывать, то потомъ вы съ трудомъ отучитесь или совсѣмъ не отучитесь. Для человѣка двѣ главныхъ вещи: совѣсть и правда. Если человѣкъ никогда не будетъ обманывать, онъ счастливъ. Если человѣкъ всегда слушается совѣсти, онъ будетъ хорошимъ человекомъ“...

Черезъ нѣсколько дней онъ записываетъ: „Намъ, людямъ, не надо воображать, что мы очень умные. Я воображаю, что я гений. Я знаю только миллионную часть того, что знаетъ все человѣчество. Если я буду думать, что я гений, то я могу сказать, что мнѣ не надо учиться. Нѣтъ. Я долженъ себя вдолбить въ голову, что я въ сравненіи со всѣмъ міромъ ничего не знаю... Но не надо этимъ отчаиваться. Не надо забывать, что изъ песчинокъ выходятъ пустыни, что изъ капель выходятъ моря. Человѣкъ долженъ сдѣлать изъ себя песчинку, а сдѣлавъ песчинку, дѣлать двѣ и т. д. Скажемъ, что такихъ песчинокъ человѣкъ сдѣлаетъ въ свою жизнь пять. Если каждый человѣкъ будетъ дѣлать пять песчинокъ, то мы будемъ больше знать, чѣмъ теперь“.

Наивной дѣтской простотой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокой серьезностью дышитъ также слѣдующая записка, сдѣланная 22 мая 1905 года: „Я однажды лежалъ вечеромъ въ кровати и прочиталъ всѣ заповѣди Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Подумалъ о моей жизни: могу ли я наслѣдовать Царствіе Небесное? И когда я прочиталъ вторую заповѣдь Ветхаго Завѣта „Не сотвори себѣ кумира“..., то подумалъ, что верховая ѣзда—мой кумиръ. Я весь день думаю, будетъ ли верховая ѣзда, а душу забываю. Я долженъ заботиться о своей душѣ. Я долженъ о ней думать и готовить къ Страшному Суду. А я о ней такъ мало думаю. Можно думать и о верховой ѣздѣ, но не надо этимъ злоупотреблять и забывать душу“.

Такой самоанализъ, переходившій порою въ самобичеванье, особенно проявлялся во время исповѣди. Князь Олегъ мучился, боясь забыть какой-

нибудь грѣхъ, и эти мученья бросались въ глаза воспитателямъ, хотя онъ и не говорилъ о нихъ открыто. Слѣды подобной нравственной пытки находятя въ одной дневной записи, гдѣ онъ признается даже въ такихъ грѣхахъ, содержаніе которыхъ было ему еще неизвѣстно: „Я боялся вписать“, пишетъ Князь Олегъ въ томъ же 12-лѣтнемъ возрастѣ, „то, что меня безпокоило, но теперь надо сказать. Я не говорилъ на исповѣди одного грѣха. Это для меня теперь мученье. Я это скажу на исповѣди и грѣхъ скажу. Сейчас идемъ въ церковь, но мы не теперь исповѣдуемся, а вечеромъ... Грѣхи мои: Обманывалъ. Дразнилъ. Былъ невѣжливъ со старшими. Дѣлалъ дурныя вещи, когда зналъ это. Дерзилъ. Передразнивалъ. Со служащими былъ невѣжливъ. Я непременно все скажу. Вспоминаю молитву Ефрема Сирина. Если бы люди исполняли эту молитву! Мы молимся, чтобы Господь избавилъ насъ отъ лѣности, а я что дѣлаю? Лѣнь итти на уроки и готовить ихъ; лѣнь скоро мыться; лѣнь итти на отдыхъ.

„Уныніе. Сразу, какъ получу наказаніе,—всегда уныніе.

„Любоначаліе. Всегда пріятно покричать. Никогда Игоря не пускаю командовать.

„Цѣломудріе и смиренномудріе. Развѣ я цѣломудренъ? Развѣ я смирененъ? Развѣ я всегда добрый? Развѣ я всегда хорошій? Развѣ я не бываю невѣжливъ? Развѣ я не люблю поважничать?“

Весь школьный періодъ жизни Князя Олега занятъ этимъ стремленіемъ къ нравственному и умственному самоусовершенствованію. Немудрено поэтому, что онъ уже съ первыхъ шаговъ ученической-кадетской жизни поражалъ всѣхъ окружающихъ и своимъ высокимъ умственнымъ развитіемъ, и необычайной любознательностью, и вдумчивостью. Если прибавить къ этому еще крайне живой и общительный характеръ, доброе сердце и участливое отношеніе къ людямъ, то нетрудно представить себѣ то обаятельное впечатлѣніе, которое Князь Олегъ производилъ на всякаго, кому доводилось съ нимъ встрѣтиться.

Свой кадетскій мундиръ Князь Олегъ носилъ съ гордостью и всячески стремился оберечь его отъ какихъ бы то ни было, хотя бы малѣйшихъ нареканій. Зная, что его новый воспитатель былъ офицеромъ-воспитателемъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ, онъ съ первыхъ же дней знакомства просилъ его обращаться съ нимъ „построже, какъ съ настоящимъ кадетомъ“. Внутренней жизни корпуса Князь Олегъ на первыхъ порахъ, конечно, не представлялъ, и это его очень озабочивало. Поэтому онъ постоянно спрашивалъ своего воспитателя „о кадетскихъ порядкахъ“.

Одно обстоятельство заставило его особенно заинтересоваться бытомъ кадетъ. Въ началѣ іюня 1903 года, слѣдовательно, недѣли черезъ три послѣ того, какъ былъ выдержанъ вступительный экзаменъ въ корпусъ, вышла брошюра полковника Полторацкаго о его поѣздкѣ съ кадетами-полочанами по Западной Двинѣ въ собственноручно изготовленной ими лодкѣ. Полная захватывающаго интереса, брошюра увлекла Князя Олега настолько, что онъ

4

могъ описать экскурсію такъ живо, какъ будто бы самъ былъ ея участникомъ. Естественно, что ему поскорѣ хотѣлось попасть въ кадетскую среду; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ осени, когда, по желанію своего Августѣйшаго отца, онъ долженъ былъ начать посѣщеніе Александровскаго кадетскаго корпуса.

Незамѣтно подошло 15 августа, и вечеромъ этого дня Князь перѣхали въ Петербургъ. Ночь съ 15 на 16 августа Князь Олегъ спалъ безпокойно, съ перерывами, но утромъ всталъ бодро и заявилъ, что „чувствуетъ себя прекрасно“. Однако порывистыя движенія, односложный нервный разговоръ свидѣтельствовали о большомъ внутреннемъ волненіи. Это волненіе достигло крайняго напряженія, когда онъ очутился у подъѣзда корпуса. Схвативши своего воспитателя за локоть, онъ воскликнулъ: „Вы знаете, я забылъ Ваше имя и отчество!“ Тѣмъ не менѣе, Князь Олегъ справился съ собой и въ вестибюль громко и отчетливо отрапортовалъ директору корпуса, ген. З. А. Макшееву. Въ 8 ч. 10 м. у. онъ уже сидѣлъ на школьной скамьѣ въ I отд. I класса.

На первой же перемѣнѣ Князь Олегъ рѣзвился со своими новыми товарищами, какъ будто со старыми знакомыми. Видимо, онъ сразу завладѣлъ вниманіемъ и симпатіями маленькихъ кадетиковъ, и, если бы не красные погоны полочанина, то его трудно было бы отличить отъ другихъ кадетъ-александровцевъ, такъ онъ слился съ ними всѣмъ своимъ существомъ. А на второй перемѣнѣ, пробѣгая мимо своего воспитателя, онъ шепнулъ ему: „Я страшно доволенъ!“ Объ этомъ, впрочемъ, можно было судить и по его восторженному, жизнерадостному, раскраснѣвшемуся лицу.

Вернувшись домой, Князь Олегъ въ приподнятомъ настроеніи всѣмъ рассказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ корпуса. Одноклассники очаровали его: „Ахъ, какіе это все милые мальчики!“ восклицалъ онъ: „Хоть бы скорѣ прошелъ сегодняшній день, а завтра—опять въ корпусъ!“ Классная работа тоже захватила его. Уже на пути во дворецъ онъ торопилъ своего воспитателя, ссылаясь на необходимость скорѣ приняться за уроки: „Михаиль Викторовичъ“, ¹⁾ говорилъ онъ, „задалъ намъ такую интересную задачу, что я готовъ сѣсть на первой тумбѣ, чтобы скорѣ рѣшить ее“. Нечего, конечно, упоминать о томъ, что уроки приготавливались въ высшей степени добросовѣстно: это было въ характерѣ Князя Олега. Замѣтимъ только, что онъ никогда не довольствовался „схватываніемъ верхушекъ“ или „принятіемъ на вѣру“, причемъ особенно дорожилъ самостоятельностью работы и не любилъ посторонней помощи, къ которой прибѣгалъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Если встрѣчались какія-нибудь затрудненія, если что-либо было непонятно или если суть вопроса была не совсѣмъ ясна, Князь Олегъ утрачивалъ свое обычное веселое расположеніе, забывалъ любимыя игры и забавы, садился за книгу или за тетрадь и упорно

¹⁾ М. В. Соболевъ, преподаватель математики Александровскаго корпуса.

разбирался въ непонятномъ, пока не одолѣвалъ всѣхъ препятствій. Тогда снова возвращались къ нему веселье и жизнерадостность.

Одинъ изъ преподавателей Александровскаго корпуса, именно тотъ, который въ первый же день пребывания Князя Олега въ классъ „задалъ такую интересную задачу“, въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности объ его школьной работѣ: „При бѣгломъ взглядѣ на классъ“, пишетъ онъ, „преподаватель ни по какому внѣшнему признаку не могъ бы узнать, что въ немъ присутствуетъ одинъ изъ членовъ Царствующаго Дома: Олегъ Константиновичъ при входѣ преподавателя поднимался со своего мѣста на первомъ столѣ, смиренно стоялъ во время обычнаго рапорта и съ благоговѣніемъ относился къ читаемой молитвѣ, если урокъ былъ первымъ. Но стоило всмотрѣться въ его милое лицо, чтобы невольно подумать: „Вотъ кадетъ, пришедшій въ классъ съ тѣмъ, чтобы чему-нибудь научиться“. Начинается урокъ. Олегъ Константиновичъ съ полнымъ вниманіемъ относится къ объясненіямъ учителя, стараясь понять сущность объясненій, а не запомнить отдѣльныя фразы. Наравнѣ съ прочими кадетами онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ классной работѣ, поднятіемъ руки заявляя о своемъ желаніи отвѣчать и, видимо, переживая пріятныя минуты, когда отвѣты его удачны... Уроки и урочныя занятія на домъ всегда исполнялись въ точности, а письменныя работы съ большой тщательностью... Отношенія къ преподавателю обуславливались благовопитанностью и природной деликатностью Олега Константиновича. Сверхъ того, онъ видѣлъ въ преподавателѣ челоѣка, пришедшаго въ классъ съ единственной цѣлью — научить чему-нибудь своихъ учениковъ, а потому всѣми своими духовными силами шелъ навстрѣчу учителю. Его легко было заинтересовать и притомъ безъ помощи какихъ-либо внѣшнихъ пріемовъ: внутренній интересъ, интересъ новизны знаній былъ руководителемъ Олега Константиновича, какъ ученика“.

15 сентября въ Петроградъ прибыла депутація Полоцкаго кадетскаго корпуса ¹⁾ для поднесенія Князю Олегу альбома отъ корпуса.

Депутація остановилась въ Александровскомъ корпусѣ, и въ день ея пріѣзда Князь Олегъ, въ сопровожденіи братьевъ, Князей Константина и Игоря Константиновичей, одѣтый въ форму Полоцкаго кадетскаго корпуса, явился представиться своему директору. На другой день депутація была приглашена къ завтраку въ Мраморномъ дворцѣ, и Князь Олегъ сидѣлъ за столомъ между двумя своими товарищами-полочанами. Послѣ завтрака Высочайшія Особы съ депутаціей вышли въ пріемный залъ для осмотра поднесеннаго альбома, а вслѣдъ за этимъ кадеты съ Князьями отправились въ Зимній дворецъ. Князь Олегъ, взявши своихъ товарищей за руки, водилъ ихъ по дворцовымъ комнатамъ и все показывалъ. Вечеромъ онъ былъ съ полочанами въ циркѣ Чинизелли. 17 сентября депутація уѣхала.

¹⁾ Въ составѣ директора ген. Гутора, ротнаго командира полк. Кн. Мышецкаго, фельдфебеля Заболотскаго, старшаго кадета VII кл. Брояковскаго и двухъ кадетъ I кл. Сапунова и Семковскаго.

Это кратковременное знакомство съ представителями того корпуса, въ который Князь Олегъ былъ зачисленъ, произвело на него сильное впечатлѣніе: онъ отчетливѣе почувствовалъ духовную близость къ учебному заведенію и яснѣе созналъ свои обязанности по отношенію къ нему. Но, къ сожалѣнію, школьная жизнь Князя Олега черезъ нѣсколько дней послѣ этого неожиданно прервалась: 25 сентября онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ.

Болезнь Князя Олега носила тяжелый характеръ: температура доходила до 40,5, временами появлялась сильная боль въ головѣ и правомъ ухѣ, глаза почти не переносили свѣта, а кашель не давалъ покоя. Страданія его за эту болѣзнь были велики, но не они его угнетали: онъ готовъ былъ принимать какія угодно лѣкарства, переносить страшныя боли промыванія и продуванія больного уха, только бы все это осталось позади его, только бы скорѣе принялся за работу. Его не такъ подавляла мысль о подорванномъ здоровьѣ, какъ сознаніе необходимости въ теченіе долгаго времени пропускать занятія: „Боже мой!“ не разъ восклицалъ онъ: „когда же я успѣю догнать теперь своихъ товарищей“.

Незадолго до этой болѣзни, 20 сентября, въ день своего тезоименитства, Князь Олегъ получилъ въ подарокъ отъ Великаго Князя большую тетрадь въ бѣломъ кожаномъ переплетѣ для дневника, выдержки изъ котораго уже отчасти приводились, и въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ въ ней первую записку. Этотъ дневникъ, какъ мы увидимъ, является драгоценнѣйшимъ источникомъ для воспроизведенія переживаній Князя Олега за весь періодъ дѣтства и отрочества вплоть до поступленія въ Лицей: сюда онъ заносилъ всѣ свои волненія, думы, настроенія и вдохновенія. До полученія этой большой тетради ему приходилось пользоваться для записей только маленькими карманными книжками.

Къ концу октября Князь Олегъ началъ уже поправляться и 26 октября возобновилъ дневныя записки, причемъ почти съ первыхъ же словъ приступилъ къ самообличенію: „Лѣнь слушать рассказы Насти...¹⁾ Павка²⁾ пришелъ и говоритъ, что голова болитъ отъ того, что много ѣмъ. Потомъ сталъ жаловаться на Папа. Сердился на сестру. Не совсѣмъ доволенъ ѣдою. Ворчалъ, что маленькій гренокъ...“³⁾).

Лѣнь, на которую онъ жалуется постоянно въ эти дни, была, въ сущности, естественнымъ противодѣйствіемъ ослабленнаго болѣзнию организма противъ возобновившихся домашнихъ занятій, но Князь Олегъ не искалъ для нея оправданій и съ безпристрастіемъ лѣтописца отмѣчалъ ея проявленія въ томъ или другомъ случаѣ.

18 ноября въ дневникѣ, между прочимъ, находимъ слѣдующую записку: „Началъ читать осаду Севастополя. Мнѣ очень нравится адмиралъ Корниловъ и адмиралъ Истомино. Адмиралъ Нахимовъ кажется немножко смѣш-

¹⁾ А. П. Орловой.

²⁾ П. Е. Кепень.

³⁾ Такія же записки и дальше въ теченіе нѣсколькихъ дней.

нымъ: у него фуражка надѣта на затылокъ. Это все ничего, а мнѣ нравится, что онъ самъ направлялъ пушку“.

Въ это время въ Народномъ домѣ ставилась драма Оленина „Севастополь“. Князь Олегъ объ этомъ зналъ, но мечтать о поѣздкѣ въ театръ не приходилось, потому что доктора на прогулки еще не выпускали. Однако обстоятельства сложились такъ, что къ великой радости Князя Олега ему было разрѣшено въ первый разъ выѣхать именно въ Народный домъ. 20 ноября онъ записываетъ: „Вчера я всталъ съ большимъ негодованьемъ и ворчалъ. А. М. сказалъ Кукусинѣ, чтобы онъ будилъ насъ въ 7 часовъ. Я очень негодовалъ за это... Здоровались съ Мама, поссорился съ Татьяной. Потомъ приготовлялъ уроки. Игралъ на роялѣ и немного негодовалъ. Потомъ опять приготовлялъ уроки. Передъ завтракомъ я услышалъ, что говорятъ про Севастополь. Потомъ Папа насъ спрашиваетъ, прочитали ли мы все про Севастопольскую войну. Тогда я догадался, что насъ хотятъ взять на „Севастополь“ въ театръ. Меня Папа еще спросилъ: „Выпускаютъ тебя на воздухъ?“ Я сказалъ, что нѣтъ. Тогда, конечно, я все понялъ, но всетаки обидѣлся: а вдругъ меня не пустятъ? Это меня заставило призадуматься. Потомъ за завтракомъ намъ Папа сказалъ: „Вы поѣдете завтра на „Севастополь“. Мы ужасно обрадовались. Послѣ завтрака я рисовалъ подарокъ на Рождество Государю. Потомъ сердился на Игоря, что онъ плохо слушаетъ урокъ, и очень много съ нимъ распорядился. Невѣжливъ съ Н. П.¹⁾ и съ Тата²⁾. Послѣ обѣда всеобщая. Сердился на Игоря“.

Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что обиліе невинныхъ прегрѣшеній, отмѣченное Княземъ Олегомъ во вторую половину дня, въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ волненіемъ, которое было вызвано разрѣшеніемъ ѣхать въ театръ и которое неизбежно должно было нарушить душевное равновѣсіе въ отношеніи нѣкоторыхъ сторонъ дисциплины. Въ этотъ вечеръ, ложась спать, Князь Олегъ думалъ о театрѣ; на другое утро за обѣдней онъ, по собственному его признанію, „не все время внимательно стоялъ“ и тоже думалъ о театрѣ.

Спектакль произвелъ на Князя Олега сильнѣйшее впечатлѣніе. Вернувшись домой, онъ тщательнымъ образомъ заноситъ въ свой дневникъ подробности представленія, стараясь припомнить цѣликомъ отдѣльныя картины и ихъ инсценировку. Въ слѣдующемъ году, при началѣ японской кампаніи, онъ опять вспомнилъ объ этомъ представленіи.

Съ 22 по 31 декабря 1903 года въ Петербургѣ съ Высочайшаго соизволенія былъ устроенъ съѣздъ преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Августѣйшій Главный Начальникъ живо интересовался трудами этого съѣзда, оказавшаго такое большое вліяніе на русскую педагогическую мысль, часто посѣщалъ его засѣданія, а 30 декабря пригласилъ на раутъ въ Мраморный дворецъ всѣхъ его участниковъ. Здѣсь Князю

¹⁾ А. П. Орлова.

²⁾ Княжна Татьяна Константиновна.

нымъ: у него фуражка надѣта на затылокъ. Это все ничего, а мнѣ нравится, что онъ самъ направлялъ пушку“.

Въ это время въ Народномъ домѣ ставилась драма Оленина „Севастополь“. Князь Олегъ объ этомъ зналъ, но мечтать о поѣздкѣ въ театръ не приходилось, потому что доктора на прогулки еще не выпускали. Однако обстоятельство сложились такъ, что къ великой радости Князя Олега ему было разрѣшено въ первый разъ выѣхать именно въ Народный домъ. 20 ноября онъ записываетъ: „Вчера я всталъ съ большимъ негодованьемъ и ворчалъ. А. М. сказалъ Кукусинѣ, чтобы онъ будилъ насъ въ 7 часовъ. Я очень негодовалъ за это... Здоровались съ Мама, поссорился съ Татьяной. Потомъ приготовлялъ уроки. Игралъ на роялѣ и немного негодовалъ. Потомъ опять приготовлялъ уроки. Передъ завтракомъ я услышалъ, что говорятъ про Севастополь. Потомъ Папа насъ спрашиваетъ, прочитали ли мы все про Севастопольскую войну. Тогда я догадался, что насъ хотятъ взять на „Севастополь“ въ театръ. Меня Папа еще спросилъ: „Выпускаютъ тебя на воздухъ?“ Я сказалъ, что нѣтъ. Тогда, конечно, я все понялъ, но всетаки обидѣлся: а вдругъ меня не пустятъ? Это меня заставило призадуматься. Потомъ за завтракомъ намъ Папа сказалъ: „Вы поѣдете завтра на „Севастополь“. Мы ужасно обрадовались. Послѣ завтрака я рисовалъ подарокъ на Рождество Государю. Потомъ сердился на Игоря, что онъ плохо слушаетъ урокъ, и очень много съ нимъ распоряжался. Невѣжливъ съ Н. П.¹⁾ и съ Тата²⁾. Послѣ обѣда всеобщая. Сердился на Игоря“.

Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что обиліе невинныхъ прегрѣшеній, отмѣченное Княземъ Олегомъ во вторую половину дня, въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ волненіемъ, которое было вызвано разрѣшеніемъ ѣхать въ театръ и которое неизбежно должно было нарушить душевное равновѣсіе въ отношеніи нѣкоторыхъ сторонъ дисциплины. Въ этотъ вечеръ, ложась спать, Князь Олегъ думалъ о театрѣ; на другое утро за обѣдней онъ, по собственному его признанію, „не все время внимательно стоялъ“ и тоже думалъ о театрѣ.

Спектакль произвелъ на Князя Олега сильнѣйшее впечатлѣніе. Вернувшись домой, онъ тщательнымъ образомъ заноситъ въ свой дневникъ подробности представленія, стараясь припомнить цѣликомъ отдѣльныя картины и ихъ инсценировку. Въ слѣдующемъ году, при началѣ японской кампаніи, онъ опять вспомнилъ объ этомъ представленіи.

Съ 22 по 31 декабря 1903 года въ Петербургѣ съ Высочайшаго соизволенія былъ устроенъ съѣздъ преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Августѣйшій Главный Начальникъ живо интересовался трудами этого съѣзда, оказавшаго такое большое вліяніе на русскую педагогическую мысль, часто посѣщалъ его засѣданія, а 30 декабря пригласилъ на раутъ въ Мраморный дворецъ всѣхъ его участниковъ. Здѣсь Князю

¹⁾ А. П. Орлова.

²⁾ Княжна Татьяна Константиновна.

Олегу были представлены преподаватели Полоцкаго корпуса, съ которыми онъ много бесѣдовалъ, показывалъ имъ свои тетради и рассказывалъ о своихъ временно прерванныхъ занятіяхъ въ Александровскомъ корпусѣ.

Къ праздникамъ Рождества Христова Князь Олегъ уже успѣлъ достаточно оправиться и мало-по-малу возобновилъ свои занятія, чтобы наверстать пропущенное во время болѣзни. Это ему удалось сдѣлать очень быстро, и 9 января корпусъ опять увидѣлъ его въ своихъ стѣнахъ. Правда, худощавость и блѣдность еще напоминали о недавней болѣзни, но въ этомъ слабенькомъ на видъ мальчикѣ попржнему жилъ бодрый духъ. Все обѣщало спокойную, здоровую работу, однако скоро наступили событія, которыя нарушили душевное равновѣсіе Князя Олега. 19 января онъ записываетъ: „Сегодня интересный день. За обѣдомъ Папа говорилъ про войну. Дяденька сказалъ: „Ходятъ слухи, будто война будетъ, и что завтра, 20-го, Государь объявитъ войну“.

Началась японская война. Князь Олегъ, несмотря на свои 11 лѣтъ, былъ очень ею возбужденъ и съ жадностью набрасывался на каждое извѣстіе съ театра военныхъ дѣйствій. Его дѣтская головка, казалось, была полна мыслей о томъ, что происходило на Дальнемъ Востокѣ, и фантазія рисовала самыя несбыточные картины. Въ одномъ мѣстѣ дневника читаемъ по этому поводу такія строки: „Страшно хочется на войну. Если будетъ сраженіе при Кронштадтѣ, я думаю, что я пойду. Недавно читалъ, какъ одинъ мальчикъ, по имени „Маркушка“, стрѣлялъ изъ мортиры. Если будетъ время такое, какъ при Севастополѣ, всѣхъ возьмутъ. И я буду стрѣлять изъ мортирки. Будемъ послѣ войны пѣть „Было дѣло при Кронштадтѣ, и Олегъ тамъ воевалъ“:

„Много, братцы, гибло тамъ,
Но сражались мы прехрабро!
Нашъ казакъ Максимовъ¹⁾ храбрый
Отличился тамъ въ бою.
Братцы! Грудью послужите!
Гряньте бодро на врага!
И вселенной докажете,
Сколько Русь намъ дорога!
Посмотрите, подступаетъ
Къ вамъ соломенный народъ,
Сколько ядеръ выпускаетъ!
Все напрасно въ насъ стрѣляетъ:
Мы идемъ, идемъ впередъ“.

Воинственный пылъ, сказавшійся въ этомъ дѣтски-наивномъ, нескладномъ стихотвореніи, заставлялъ Князя Олега и дальше мечтать въ томъ же родѣ: „Я буду казакомъ на войнѣ“, развиваетъ онъ свои мысли. „Будетъ лошадь, казачье сѣдло, и уздечка, и бичевка, все, что нужно на войну. Крюковъ будетъ настоящей Кутузовъ. Отецъ А. М. — Скобелевъ. А. М. —

¹⁾ Воспитатель Князя Олега А. М. Максимовъ былъ родомъ казакъ.

Барклай де Толли или Нахимовъ (только онъ будетъ казакъ). Игорь, сынъ А. М., будетъ Корниловъ, а я буду Кошка“.

Скоро, однако, начались наши неудачи на Дальнемъ Востокѣ. Какъ сильно онѣ повліяли на Князя Олега, можно судить прежде всего по воспоминаніямъ его воспитателя, который говоритъ, что военныя неудачи „съ самаго начала наполняли сердце Олега Константиновича такой искренней тревогой и болью, что онъ временами терялъ свое послѣднее спокойствіе: не спалъ по ночамъ и бывалъ апатиченъ на занятіяхъ. Лишь умѣнье владѣть собой скрывало его душевное безпокойство отъ посторонняго глаза, но тотъ, кто близко стоялъ къ этому десятилѣтнему горячему патриоту, видѣлъ, какъ тяжело онъ переживалъ неудачи своей дорогой родины. „Бѣдный Государь, бѣдная Россія“, покачивая головой, говорилъ Его Высочество, когда дальневосточныя телеграммы приносили намъ извѣстіе одно печальнѣе другого“.

Нѣсколько строчекъ изъ дневника позволяютъ еще ярче почувствовать переживанія Князя Олега. Неизвѣстнаго числа, но, очевидно, въ то время, когда въ русскомъ обществѣ стали уже распространяться опасенія за участь Портъ-Артура, онъ записываетъ: „Я сегодня получилъ письмо отъ Ивана Михайловича¹⁾. Оно было такъ трогательно, что я хотѣлъ заплакать, но удержался. О, какъ я былъ глупъ, когда былъ радъ войнѣ! Сколько осталось осиротѣлыхъ семействъ! Я хотѣлъ итти, вѣрнѣе сказать, убѣжать на войну. Если Господь Богъ меня пошлетъ, во время нашего путешествія въ Крымъ, на войну, я буду такъ радъ!... Сегодня за завтракомъ говорили, что въ Портъ-Артурѣ осталось только 10000 войскъ, что Портъ-Артуръ не выдержать. Въ 6 часовъ вечера я заперся въ комнатѣ и сталъ просить Всевышняго о помощи Портъ-Артуру. Потомъ я взялъ молитвенникъ, хотѣлъ по нему прочесть молитвы и подумалъ: „Я открою, не ища, молитвы. Какія попадутся, тѣ и прочту. Можетъ быть, будутъ какъ разъ тѣ, которыя на войну—это воля Бога. Разворачиваю молитвенникъ—попадаются молитвы на войну“. И Князь Олегъ пишетъ тутъ же стихотвореніе:

„Господи! воздвигни силу Твою и приди во еже спасти ны“,
Такъ молится русскій народъ.
И дай Ты намъ помощь,
Одушевленіе подай Ты войскамъ!“

Сколько въ этой дневной записи тяжелыхъ дѣтскихъ думъ и нравственныхъ страданій! Гнетущая мысль объ осиротѣлыхъ семействахъ, страстное желаніе принять участіе въ борьбѣ за родину, молитвенное обращеніе къ Богу—все это переплелось въ безыскусственныхъ строкахъ дневника.

Единственнымъ утѣшеніемъ въ этой войнѣ служила для Князя Олега отправка въ армію собственноручно изготовленныхъ имъ различныхъ посылокъ съ предметами первой необходимости. И какъ былъ онъ радъ,

¹⁾ И. М. Максимовъ, братъ А. М. Максимова.

когда получалъ благодарные отвѣты за свои подарки. Особенно плѣнило его письмо одного рядового, Артамона Берникова, который скромно подѣлился съ маленькимъ Княземъ своими боевыми подвигами. „Какой молодчина этотъ Берниковъ“, разсуждалъ Князь Олегъ: „и вѣдь тамъ все такіе, а мы почему-то идемъ все назадъ и назадъ... Но я убѣжденъ, что мы рано или поздно еще имъ покажемъ“...

Лѣто 1904 года Князья проводили въ Московской губерніи, въ имѣніи „Осташево“, за годъ до этого приобрѣтенномъ Великимъ Княземъ. Но Князь Олегъ попалъ въ деревенскую обстановку, о которой много мечталъ въ послѣднюю зиму, позже другихъ, такъ какъ 19 мая, только что получивши изъ корпуса отличный отзывъ о своихъ занятіяхъ, заболѣлъ свинкой. Только 20 іюня его мечты осуществились.

Осташево, какъ мы увидимъ, оставило въ разныхъ отношеніяхъ замѣтные слѣды въ духовной жизни Князя Олега. Здѣсь родилось и питалось его творческое вдохновеніе, здѣсь онъ изучалъ внѣшній бытъ народа и его внутренній міръ, здѣсь онъ находилъ любимый отдыхъ въ минуты досуга, здѣсь теперь покоится его прахъ. Этотъ уголокъ такъ описанъ въ одномъ изъ стихотвореній К. Р.:

„Старинный домъ надъ тихою рѣкой
И бѣлорозовый, въ ней отраженный
Напротивъ сельскій храмъ надъ крутизной.
Садъ незатѣливый, но благовонный;
Надъ цвѣтомъ липы пчель гудящій рой;
И передъ домомъ лугъ съ двумя прудами,
И островки съ густыми тополями.“

За церковью — лѣсъ:

„Тамъ послѣ солнцемъ залитаго сада,
Засушнымъ лѣтомъ, въ яркій знойный день
И тишина, и сумракъ, и прохлада...
Подъ ельника мохнатыми вѣтвями
Таинственный, суровый полумракъ.
Коверъ опавшей хвои подъ ногами;
Она мягка и заглушаетъ шагъ.
А дальше манитъ бѣлыми стволами
Къ себѣ веселый, свѣтлый березнякъ
Съ кудрявою, сквозистою листвою
И сочною, росистою травою.“

Въ лѣсу — оврагъ:

„Оттуда вверхъ ведетъ
Ступенями тропа на холмъ лѣсистый;
Надъ нею старыхъ елей мрачный сводъ
Нависъ, непроницаемый, вѣтвистый,
И потайной пробился въ чащѣ ходъ.
Тамъ ароматъ обдасть меня смолистый.“

Въ густой тѣни алѣеть мухоморъ,
И бѣлый грибъ украдкой дразнить взоръ.“

Въ ясные лѣтніе вечера

„...Малиновымъ огнемъ
Рѣка горитъ подъ алымъ небосклономъ,“

а на берегу ея залитый свѣтомъ умирающаго дня — домъ

„Съ колоннами, классическимъ фронтономъ,
Широкой лѣстницей передъ крыльцомъ,
Двумя рядами оконъ и балкономъ.“

Здѣсь всюду „миръ царитъ невозмутимый“, здѣсь — „тишина и отдыхъ, и уютъ“.

Вотъ въ этомъ-то благодатномъ уголкѣ поселился впервые Князь Олегъ въ 1904 году. Богатое красками сочетаніе лѣса, воды, небесной шири и необъятной дали поразили своею прелестью Князя. Особенно онъ полюбилъ высокій холмъ въ паркѣ, на самомъ берегу Рузы, откуда почти во всѣ стороны открывались дивныя картины. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы побывать на этомъ холмѣ. Здѣсь онъ зачитывался своимъ любимымъ Пушкинымъ, рисовалъ, а то и просто отдавался мечтамъ, лежа на спинѣ и глядя въ голубую небесную даль. По разсказу А. М. Максимова, Князь Олегъ, уходя какъ-то съ этого холма, глубоко вздохнулъ и произнесъ: „Каждый разъ, когда я побываю здѣсь, мнѣ непременно приходитъ на умъ извѣстное изреченіе: „Какъ прекрасно созданъ Божій міръ!“... И это вѣрно“.

Въ мирной деревенской обстановкѣ Князь Олегъ проводилъ каникулы 1904 года. Занятіями здѣсь его не обременяли, такъ какъ вся учебная работа сводилась, главнымъ образомъ, къ чтенію и бесѣдамъ по русскому и иностраннымъ языкамъ. Въ 6^{1/4} час. утра Князь Олегъ былъ уже на воздухѣ и только въ 8^{1/2} час. возвращался въ свою комнату, чтобы лечь спать. Въ теченіе утра и дня онъ принималъ живѣйшее участіе въ крестьянскихъ полевыхъ работахъ. По этому поводу онъ пишетъ 6 іюля Великой Княгинѣ: „...Время проводимъ очень весело: гребемъ, косимъ и возимъ сѣно. По-знакомились со многими крестьянами и крестьянками. Одна баба мнѣ сказала: „Дай Богъ намъ съ Вами лучше знаться, чѣмъ все время ругаться!..“

Крестьяне съ первыхъ же дней горячо полюбили Князя Олега и всегда беспокоились, когда ихъ „помощникъ“ почему-либо не выходилъ на работу. Идя въ поле и возвращаясь оттуда, Князь Олегъ нерѣдко заходилъ въ избы своихъ „осташевцевъ“ и съ вниманіемъ выслушивалъ ихъ разсказы о крестьянской жизни, крестьянскихъ нуждахъ и радостяхъ. Всѣ обитатели деревни ему были хорошо знакомы: въ его бесѣдахъ съ окружающими постоянно упоминались и „пастушокъ Павлуша“, и „добрый дядя Егоръ“, и „смѣшная тетка Анисья“, и мн. др.

Втянувшись въ такую жизнь, Князь Олегъ далекъ былъ отъ мысли, что ему скоро придется вернуться въ городъ. Но обстоятельства сложились иначе.

30 іюля во время обѣда (въ 5 ч. д.) была получена изъ Стрѣльны телеграмма Великаго Князя о рожденіи Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича. Отъ радости Князь не могли продолжать обѣда. Давножданное извѣстіе быстро разнеслось по усадьбѣ и деревнѣ. То тамъ, то здѣсь слышались крики „ура“. На площадкѣ передъ параднымъ подъѣздомъ осташевскаго дома скоро собралась толпа служащихъ и мѣстныхъ жителей, обсуждавшихъ важность событія и ожидавшихъ, видимо, подтвержденія его. Тогда Князь вышелъ на крыльцо, и Князь Константинъ Константиновичъ громко прочиталъ телеграмму. Едва смолкъ его голосъ, какъ раздалось общее ликующее „ура“. Низшіе служащіе при Князьяхъ, какъ бы желая подчеркнуть важность переживаемой минуты, содѣйствовали подъему чувствъ, кто чѣмъ могъ: двое изъ нихъ открыли стрѣльбу изъ охотничьихъ ружей, другіе двое заиграли на охотничьихъ рожкахъ.

Быстро промелькнули нѣсколько дней, проведенныхъ въ повышенномъ настроеніи, и утромъ 9 августа Князь Олегъ вмѣстѣ со своими братьями выѣхалъ въ Стрѣльну, чтобы присутствовать на крестинахъ Наслѣдника Цесаревича. Вотъ какъ описываетъ это событіе самъ Князь Олегъ въ дневникѣ 13 августа 1904 года: „Насъ всѣхъ вызвали изъ Осташева на крестины Алексѣя. Крестины должны были быть 11 августа. Мы пріѣхали 10-го, на рожденіе Папа. Переночевавъ въ Стрѣльнѣ и надѣвъ сшитые въ одну ночь мундиры, мы отправились въ Петергофъ. Іоаннъ, Ганя и Таня ¹⁾ участвовали въ шествіи. А. М. ²⁾, Костя, Игорь ³⁾ и я пошли по комнатамъ дворца въ церковь. Приходилось итти большими залами, наполненными народомъ. Тамъ было много графовъ, графинь и т. д. Прошли мимо караула, отдавашаго намъ честь, и, наконецъ, вошли въ церковь. Тутъ я увидалъ впервые ген. Сахарова ⁴⁾. Вдругъ все смолкло. Входитъ шествіе. Впереди Государь съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Мы выстроились: Костя, я, Игорь; А. М.—позади. Государь улыбнулся и поздоровался. Все было очень интересно. Наконецъ,—Княгиня Голицына съ подвязанной къ шеѣ подушкой, а на подушкѣ—Алексѣй. Началось богослуженіе. Служили: митрополитъ Антоній, от. Янышевъ и от. Іоаннъ Кронштадтскій; были еще 2 архимандрита, 2 діакона и 2 псаломщика,—всѣ въ золотыхъ ризахъ. Государь былъ въ формѣ атаманцевъ. Другіе были въ парадныхъ мундирахъ. Всѣ дамы въ русскихъ платьяхъ. Татіана также въ русскомъ платьѣ изъ розовой парчи, съ розовыми сапожками. У Татіаны, В. К. Маріи Павловны, В. К. Елисаветы Ѳеодоровны и у меня закружилась голова, и я стоялъ за рѣшеткой.

¹⁾ Князь Іоаннъ и Гавріиль Константиновичи и Княгиня Татіана Константиновна.

²⁾ А. М. Максимовъ, воспитатель младшихъ Князей.

³⁾ Князь Константинъ и Игорь Константиновичи.

⁴⁾ Тогдашній военный министръ.

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1905 г.

Потомъ вышелъ. Когда я былъ за рѣшеткой, то сидѣлъ у Наслѣдника Алексія Николаевича. Онъ очень миленькій: все время игралъ пальцами. Послѣ крестинъ шествіе пошло въ покой Государя. Намъ, т. е. Иоанчику, Гаврилушкѣ, Костѣ, Игорю и мнѣ, пришлось проходить по большой галлерей, наполненной генералами. Итти было очень трудно изъ-за множества народа... Второй разъ мы увидали, какъ везли Наслѣдника. Черезъ нѣсколько времени поѣхали домой. Все было очень весело и интересно“.

Возвратиться въ Осташево въ это лѣто уже не пришлось: врачи наши необходимымъ отправить Князя Олега на предстоящую зиму на югъ, въ Крымъ, чтобы окончательно поправить его легкія. Князь Олегъ только объ одномъ жалѣлъ, что „не попрощался съ милымъ Осташевымъ какъ слѣдуетъ“. За нѣсколько дней до отъѣзда онъ выѣхалъ изъ Стрѣльны въ Петербургъ попрощаться съ Августѣйшею бабушкой, Великой Княгиней Александрой Іосифовной, и съ товарищами по Александровскому корпусу, а кромѣ того, помолиться въ Петропавловскомъ соборѣ и въ часовнѣ Спасителя. 24 августа въ дворцовой Стрѣльнинской церкви былъ отслуженъ напутственный молебенъ, и на слѣдующій день Князь Олегъ выѣхалъ въ Ливадію. Черезъ нѣсколько дней, уже въ Крыму, онъ записалъ въ свой дневникъ: „Это былъ вечеръ 24 августа. Папа, Костя, Татіана—въ Осташевѣ. Завтра мы уѣзжаемъ въ Крымъ. Гаврилушка завтра будетъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Иоанчикъ и Ганя—въ Москвѣ. Мы съ Игоремъ сидимъ у Мама. Это послѣдній вечеръ съ нею. Помолившись съ Мама, идемъ спать. На другое утро идемъ къ Мама и Георгію. У Георгія я прослезился, у Мама заплакалъ. Это первый разъ, что я провожу зиму не въ Петербургѣ. Дяденька провожалъ до Стрѣльнинскаго вокзала... Черезъ три дня мы будемъ въ Ливадіи.—Въ Москвѣ мы попрощались съ Папа, и всѣ тронулись въ путь. Когда мы проѣзжали Харьковскую и Орловскую губерніи, было очень интересно смотрѣть. Степь мнѣ очень понравилась. Прелесть! Интересно было, когда подѣзжали къ Севастополю! Мы видали разныя пещеры. Когда показался Харьковъ, мнѣ вдругъ захотѣлось поѣхать на Донъ, къ отцу А. М. ¹⁾. Это моя мечта! Увы, это нескоро.

Степь—моя душевная мечта,
Степь—это мысль моя!“

Порядокъ дня въ Ливадіи для Князя Олега былъ установленъ слѣдующій: онъ вставалъ въ 6 часовъ и, послѣ обливанія морской водой, молитвы и чая, около 7 час. утра былъ уже на воздухѣ и до 8 либо ѣздилъ вер-

¹⁾ Отецъ воспитателя очень занималъ Князя Олега. Въ одномъ изъ дневниковъ онъ записываетъ: „Моя мечта—поѣхать къ отцу А. М.... Отецъ его, Мих. Ник., 84 лѣтъ, въ отставкѣ. Имѣетъ Георгія 4-й степени, пошелъ на войну вольноопредѣляющимся. Былъ въ войнахъ: усмиренія Польши, Кавказской (тамъ получалъ Георгія), Севастопольской и Турецкой. Георгія онъ получалъ за дѣло. Разъ ему надо было отвезти въ крѣпость 1.000 рублей. Горцы узнали это. Сдѣлали засаду. Онъ этого не зналъ. Вдругъ вылетаетъ на него 10 горцевъ. Онъ не потерялся. Зарубилъ одного, другого, привязалъ къ стременю третьего, четвертаго зарубилъ, другіе убѣжали. Вообще у меня мечта поѣхать въ станицу А. М.“...

хомъ, либо совершалъ пѣшія прогулки съ однимъ изъ преподавателей новыхъ языковъ. Отъ 8 часовъ слѣдовали 40-минутные уроки, прерывавшіеся 20-минутными перемѣнами на воздухъ. Такихъ уроковъ было ежедневно четыре. Въ 1 часть дня былъ завтракъ, въ 6^{1/2}—обѣдъ, въ 8^{1/2}—Князь Олегъ ложился спать. Въ промежутки между этими часами онъ готовилъ заданные уроки, писалъ письма и выходилъ на воздухъ для игръ, прогулокъ и верховой ѣзды. Крымская природа произвела на Князя Олега чарующее впечатлѣніе и имѣла несомнѣнное вліяніе на его эстетическое развитіе. Живымъ свидѣтелемъ этого является одна записка въ дневникѣ, сдѣланная 21 апрѣля 1905 года: „Когда мы ѣхали по Севастопольскому шоссе, было чудно. Въ одномъ мѣстѣ была свѣжая зелень. Чудно хорошо! Потомъ, когда мы выѣхали на открытое мѣсто, гдѣ бываетъ почти всегда вѣтеръ, то убѣдились, что на этотъ разъ тамъ вѣтра нѣтъ. Кругомъ очень красиво: надъ нами голубое небо, передъ нами рядъ горъ, налѣво море. Оно сегодня спокойно, спокойно. Наконецъ, мы поворачиваемъ направо. Что же мы видимъ? Передъ нами Ай-Петри. Онъ какъ бы упирается въ небо; его верхушка какъ бы шапка на немъ. Весь онъ покрытъ лѣсомъ, а въ промежуткахъ между лѣсами видна голая скала. Мы поѣхали рысью. Лошади идутъ хорошо, спокойно. Мы всѣ ѣдемъ въ рядъ... Вотъ по дорогѣ корова, испугавшись насъ, взбѣжала на пригорокъ... До скалы, которая поднимается на Ай-Петри, есть отъ шоссе пространство, усыпанное камнемъ. Между ними растутъ „молочай“... Замѣчательно подходитъ молочай подъ скалу!“

Здоровье Князя Олега скоро совершенно поправилось, онъ окрѣпъ и былъ полонъ жажды работать физически и умственно. Приѣзжавшіе для занятій съ нимъ преподаватели Ялтинской мужской гимназіи въ одинъ голосъ заявляли, что съ учебнымъ матеріаломъ онъ справляется шутя и требуетъ отъ нихъ прохожденія курса въ значительно большемъ объемѣ. Всѣ, конечно, охотно шли навстрѣчу желаніямъ и способностямъ Князя Олега, и по однимъ предметамъ учебная программа была увеличена, по другимъ—были введены внѣклассныя занятія. Особенно заинтересовала его естественная исторія¹⁾: „Я очень люблю этотъ предметъ“, писалъ онъ Великому Князю 4 декабря 1904 года. Кромѣ того, онъ увлекался духовно-нравственными бесѣдами ореандскаго священника о. Л. Колчина.

Рѣдкая вдумчивость, умственное развитіе не по лѣтамъ, неудержимое стремленіе къ новымъ познаніямъ—часто выбивали преподавателей изъ намѣченной колеи и заставляли ихъ расширять предѣлы урока. „Помню“, рассказываетъ А. М. Максимовъ, „какъ на одномъ изъ уроковъ этотъ маленькій любознательный ученикъ обратился къ своему учителю съ вопросомъ: „Вотъ теперь идетъ война. Мы часто молимся о побѣдѣ. Но, вѣдь, побѣда достигается пораженіемъ противника, причемъ въ непріятельскихъ рядахъ всегда есть убитые. Значитъ, мы молимся о томъ, чтобы побольше убить народу. А наша запо-

¹⁾ Преподавателемъ ея былъ П. А. Беневскій.

вѣдь говорить: „Не убій!“ Какъ же совмѣстить здѣсь одно съ другимъ“.—Бесѣда на эту тему заняла нѣсколько часовъ. Преподаватель естественной исторіи какъ-то разъ сослался на „извѣстнаго Ньютона, математика и естествоиспытателя“, и сейчасъ же былъ засыпанъ рядомъ вопросовъ: „почему и чѣмъ Ньютонъ извѣстенъ? когда жилъ? кто изъ русскихъ можетъ быть сравненъ съ Ньютономъ?“ и т. п.

Въ обыденное внѣурочное время Князь Олегъ, по словамъ воспитателя, былъ предметомъ общаго вниманія. Его находчивость, смѣлость, веселый нравъ, умѣнье говорить и выходить изъ затруднительныхъ положеній— всегда дѣлали его до нѣкоторой степени руководителемъ: „Къ загрустившему братцу онъ подойдетъ“, рассказываетъ воспитатель, „поговорить, обниметь, похлопаетъ по плечу, пощекочетъ, и смотришь—оба уже воятся, веселые и довольные. Нерасположеннаго къ движеньямъ онъ расшевелитъ словомъ, вспомнить или расскажетъ что-нибудь смѣшное, привлечетъ кого повеселѣе—третьяго, и опять цѣль достигнута... Князья всегда цѣнили эту способность брата расшевелить и объединить ихъ и живо чувствовали его отсутствіе. Когда онъ какъ-то заболѣлъ и былъ на нѣкоторое время отдѣленъ отъ братьевъ, то они послали ему краткую, но выразительную совмѣстную записку: „Олежка, скорѣе выздоравливай, безъ тебя скучно“.

Какъ тепло и любовно относился самъ Князь Олегъ къ своимъ близкимъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго письма его изъ Ливадіи къ Княжнѣ Татіанѣ Константиновнѣ отъ 31 декабря 1904 года: „Дорогая Тусь! Поздравляю Тебя съ Новымъ годомъ! Желаю Тебѣ, не скучай въ новомъ году по Твоимъ братьямъ, покуда ихъ нѣтъ. Очень благодарю Тебя, моя единственная сестренка, за Твое Рождественское письмо. Я не разъ вспоминалъ Тебя въ этотъ день, когда оно пріѣхало.

„На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко на голой вершинѣ сосна.
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ одѣта, какъ ризой, она;
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой, въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна, на утесѣ горячемъ прекрасная пальма растеть“.

„Ты скучаешь по мнѣ, какъ елка, я по Тебѣ, какъ пальма. Не скучай, Тусь, скоро пріѣдемъ и опять заживемъ дружно. Часто начну писать. Цѣлую крѣпко, крѣпко. Олегъ“.

Время пребыванія въ Крыму имѣло для духовнаго роста Князя Олега большое значеніе. Цѣлая вереница событій, большею частью грустныхъ, произошла зимой 1904—1905 года. Слухи объ этихъ событіяхъ доходили до маленькаго Князя и глубоко западали въ его дѣтскую душу, производя въ ней каждый разъ глубокіе перевороты. Прежде всего онъ, какъ и раньше, задумывался надъ русско-японской войной, причемъ многое въ ней было для него странно, непонятно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужасно. 21 декабря была получена въ Ливадіи телеграмма о паденіи Портъ-Артура. Князь Олегъ мирно занимался въ своей классной комнатѣ, когда до него дошла эта

горестная вѣсть. Сначала онъ нахмурилъ брови, не то соображая, въ чемъ дѣло, не то борясь съ нахлынувшими чувствами. Но справиться съ ними онъ, во всякомъ случаѣ, не могъ: изъ его глазъ потокомъ брызнули слезы, и, положивъ голову на обѣ руки, онъ горько зарыдалъ. Воспитатель тщетно пытался успокоить Князя Олега: сидя за своимъ столикомъ и глядя заплаканными глазами на карту Дальняго Востока, онъ задумчиво повторялъ: „Бѣдный, бѣдный Портъ-Артуръ!“ Приблизительно черезъ мѣсяцъ онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „До чего мы дожили!.. Стессель сдалъ Портъ-Артуръ. Не было возможности держаться. Кондратенко убитъ. Онъ былъ нашего корпуса. Да, много героевъ пало подъ Портъ-Артуромъ. Кто во всемъ виноватъ?—Русская халатность. Мы, русскіе, живемъ „на авось“. Это „авось“ насъ дѣлаетъ виноватыми. Когда же, наконецъ, пройдетъ эта ужасная халатность? У насъ управляютъ не русскіе, а нѣмцы. А нѣмцамъ до насъ нѣтъ дѣла. И понятно, оттого-то русскіе вездѣ и проигрываютъ. Они съ малолѣтства не стараются воспитать себя. И выходятъ ненужные люди для отечества. Съ малолѣтства себя воспитывать надо“...

Полна душевной смуты и запись отъ неизвѣстнаго числа: „Теперь снаряжаютъ 3-ью эскадру. Навѣрно, наши суда будутъ громить японцевъ около Зондскихъ острововъ. Я думаю, что наша эскадра около Индіи. Интересно, догналъ ли „Олегу“ и другіе миноносцы 2-ую эскадру. Я помню, что еще до болѣзни ¹⁾ „Олегу“ и миноносцы вошли въ Портъ-Саидъ, а Портъ-Саидъ совсѣмъ близко отъ Суэца. Значитъ, я такъ предполагаю, что они догнали эскадру. Странно! Объ войнѣ пріутихли говорить! Куропаткинъ началъ наступленіе. На нашемъ правомъ флангѣ были стычки и перестрѣлки, но бой рѣшительный еще не начинался. Навѣрно, что-нибудь да будетъ. Въ послѣднемъ письмѣ И. М. писалъ, что ждутъ боя, что всѣ начеку. Одержимъ ли мы блестящій бой? Сердца русскихъ растерзаны. И въ Питерѣ безпорядки были. Что-то будетъ? Не надо унывать!“

„Безпорядки“, о которыхъ упоминаетъ Князь Олегъ въ этой записи, тоже вносили въ его дѣтскій умъ тревогу, тѣмъ болѣе, что они распространились по всей Россіи, и одной изъ жертвъ ихъ палъ членъ Царской Семьи, Великій Князь Сергій Александровичъ: „У насъ что-то творится“, записываетъ Князь Олегъ 16 февраля: „Говорили, что 19 будетъ во всей Россіи бунтъ. Недавно М. И. написалъ секретную телеграмму въ Симферополь. Пришелъ взводъ Крымскаго дивизіона. Говорятъ, что на Ай-Николѣ поймали революціонера. Говорятъ, что хотятъ взорвать Ливадію. Въ Петербургѣ былъ бунтъ. Въ Москвѣ на окраинахъ города были безпорядки. 4-го убили дядю Сергѣя. Бѣдный! Мама пишетъ ужасныя подробности и что мы въ немъ потеряли истиннаго друга. Это дѣйствовало на насъ всѣхъ. Дай Богъ, чтобы все прошло благополучно. Почти въ каждомъ городѣ безпорядки. Какъ это, навѣрно, дѣйствуетъ на Мама. Писемъ довольно давно не получалъ“.

¹⁾ Въ январѣ 1905 г. князь Олегъ былъ боленъ корью.

Подъ тѣмъ же тяжелымъ впечатлѣніемъ онъ пишетъ Августѣйшему отцу 13 февраля: „Эти дни мы всѣ были опечалены. Навѣрно, Ты получилъ мою открытку и благодарственное письмо Государю. Прости, что я тогда написалъ Тебѣ такую короткую открытку, но мы за часъ до этого узнали, что дядя Сергѣй убитъ, и я былъ разстроень. Бѣдный дядя! Когда же, наконецъ, люди не будутъ убивать другъ друга, а жить дружно, мирно? Только тогда, когда любить стануть отчизну и другъ друга. О, если бы это было!“

Скоро, однако, горе и тревога уступили мѣсто радости: 10 марта у Князей родилась сестра, Княжна Наталія Константиновна. Это событіе было для нихъ полной неожиданностью и тѣмъ сильнѣе, конечно, подѣйствовало. А. М. Максимовъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ: „Въ семьѣ Великаго Князя существуетъ добрый христіанскій обычай: и въ радости и въ горѣ прибѣгать къ молитвѣ. И вотъ черезъ нѣсколько мгновеній послѣ радостной телеграммы я видѣлъ Олега Константиновича стоящимъ на колѣняхъ передъ иконою и проникновенно освѣняющимъ себя крестнымъ знаменіемъ. Нѣсколько дней среди дѣтей царило приподнятое настроеніе. „Какова собой? Какъ уменьшительное имя? Что говорятъ Папа и Мама?“—эти вопросы и предположительные отвѣты на нихъ только и служили темами для разговоровъ. Каждого преподавателя дѣти встрѣчали одной фразой: „А Вы знаете, что у насъ сестра родилась?“... Ложась спать, гуляя и вообще пользуясь свободной минутой, переносились мысленно въ родныя стѣны Мраморнаго дворца и горячо высказывали свои соображенія о переживаемомъ ими семейномъ событіи“.

Бодро и жизнерадостно встрѣчалъ Князь Олегъ Пасху 1905 года: „Вотъ мы дожили и до Пасхи“, писалъ онъ Августѣйшему отцу. „Какія чудныя 2 слова: „Христось воскрес!“ Сколько тысячъ людей произнесетъ это слово 17 апрѣля. Сколько бумаги будетъ исписано этими словами! Въ каждомъ углу Россіи существуютъ эти два слова. Какое вдохновеніе они для чело-вѣка! Ты, навѣрно, знаешь это чувство, когда первый разъ запоютъ „Хри-стось воскресе“. И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко... Бѣдная Тетя Оля! Она не слышитъ эти чудныя молитвы, то есть молитвы пасхальныя и великопостныя. Ты мнѣ самъ рассказывалъ, что Тебѣ бывало очень грустно, когда проводилъ Великій постъ за границей. И даже, кажется, Ты написалъ на эту тему стихотвореніе?“¹⁾

Тѣмъ же спокойнымъ настроеніемъ дышитъ и письмо къ Княжнѣ Та-тіанѣ Константиновнѣ: „Очень поздравляю Тебя съ праздникомъ. Обойди

¹⁾ Князь Олегъ, очевидно, имѣетъ въ виду стихотвореніе „Колокола“:

Несется благовѣсть... Какъ грустно и уныло
На сторонѣ чужой звучать колокола!
Опять припомнился мнѣ край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.
Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной,
И словно слышится мнѣ съ нашего села
Далекій благовѣсть. И ласково, и нѣжно
Съ далекой родины гудятъ колокола...

Тебя горе, приласкай тебя счастье!—Надо Тебѣ рассказать про наше хозяйство. Моя курица снесла мнѣ 14 маленьких цыплятъ. 11-го индѣйка снесла 8 штукъ индюшатъ. 11-го же апрѣля мужичокъ, по имени Михайла, поймалъ ежа. Ежикъ очень большой. А помнишь ли Ты, какъ въ Прыскахъ у насъ было цѣлое семейство ежиковъ: отецъ, да мать, да еще 4 маленькихъ? Въ концѣ концовъ, они всѣ убѣжали.—Вскрылась ли Нева? Дмитрій Никифоровичъ ¹⁾ прислалъ мнѣ „Календарь Петербургской весны“, и тамъ написано, что Нева можетъ вскрыться 9 апрѣля.—Напиши, пожалуйста, какъ было на крестинахъ Натуси. Я сочиняю теперь стихи подъ названіемъ „Молитва“.

Между тѣмъ, приближался конецъ учебнаго года и пребыванія Князей въ Ливадіи. „Мы считаемъ уже дни и часы до нашего отъѣзда“, писалъ Князь Олегъ одному лицу. Хотѣлось „повидать Папа, Мама и крошечную сестрицу“. Однако радостное ожиданіе скоро смѣнилось смутнымъ предчувствіемъ чего-то недобраго. Въ Ливадію пришло неутѣшительное извѣстіе о здоровьѣ новорожденной. Князя послали телеграфный запросъ о состояніи здоровья, но отвѣтъ получился еще менѣе утѣшительный, а за этимъ отвѣтомъ стали приходить свѣдѣнія, въ которыхъ уже чувствовались признаки безнадежности. Утромъ 10 мая получилась телеграмма о смерти малютки Княжны.

Отчаянію Князя Олега, казалось, не было предѣловъ, но скоро мысль о личномъ горѣ уступила мѣсто мысли о горѣ родителей. Живое воображеніе Князя Олега перенесло его въ стѣны Мраморнаго дворца, и ему захотѣлось какъ-нибудь выразить свою сыновнюю ласку и участіе: „Дорогой мой Пусы!“ писалъ онъ своему Августѣйшему отцу: „На этихъ дняхъ, а именно 10-го мая, для нашей семьи случилось большое несчастіе. Смерть дочери для Тебя и смерть сестры для насъ—одно изъ самыхъ большихъ несчастій. Но не надо намъ отчаиваться, надо помнить, что наша дорогая Натуся у Господа.—10-го мы поѣхали въ Ореандскую церковь. Послѣ литіи батюшка подошелъ къ намъ и сказалъ, что Натуся теперь, конечно, тамъ, куда каждый хорошій человекъ старается попасть, и, если бы мы могли спросить у Натуси, гдѣ бы она хотѣла остаться, на небѣ или опять вернуться къ намъ, она, конечно бы, сказала, что хочетъ остаться у Господа. Въ этомъ, что Натуся въ Царствіи Небесномъ, мы находимъ большое утѣшеніе. Натуся теперь у Господа: „таковыхъ бо есть Царствіе Божіе“.—Очень жаль и тяжело, что мы не видали Натуси. Зато очень васъ благодарю, что вы сняли фотографію съ нея. Я пишу это письмо уже 2-ой день: у меня мало времени. Я пишу около половины одиннадцатаго и думаю, что, навѣрно, у васъ началось отпѣваніе. У васъ теперь 10 минутъ 11-го. Сегодня намъ осталось тутъ жить 2 недѣли. Очень пріятно, что наши порядочные опросы ²⁾ утѣшаютъ Васъ. Цѣлую нѣжно и молюсь за Васъ. Олегъ“.

¹⁾ Проф. Д. Н. Кайгородовъ.

²⁾ Въ это время происходили обычные весенніе опросы по пройденному за годъ.

Сколько въ этомъ письмѣ 12-лѣтняго мальчика скрывается душевной тонкости и чуткаго пониманія горя близкихъ ему людей! За внѣшнимъ спокойствіемъ ясно чувствуется и тревога за родителей, и желаніе ихъ утѣшить, и стремленіе скрыть свои тяжелыя переживанія, обнаруженіе которыхъ могло бы еще болѣе увеличить, какъ ему думалось, печаль родителей.

Черезъ 11 дней Князь Олегъ записываетъ въ дневникъ: „Такъ мы и не видали Натуси. Она скончалась 10 мая. У нея было воспаленіе брюшины и мозговыхъ оболочекъ. У нея были судороги очень часто, почти каждую минуту. Она скончалась на рукахъ Мама. Натуся ужасно страдала и кричала. Мама первая замѣтила, что скончалась наша дорогая сестричка. Но намъ большое утѣшеніе въ томъ, что Натуся у Господа. Она родилась 10 марта, ее крестили 10 апрѣля, и она скончалась 10 мая. Все десять“.

Значительно позднѣе, 9 июня, Князь Олегъ дѣлаетъ новую запись, въ которой трогательно и просто выразилось его чувство къ „дорогой сестричкѣ“: „Мнѣ Настя,¹⁾ по моей просьбѣ, прислала засушенные цвѣты съ могилки Натуси. Я ихъ буду до времени держать въ этомъ дневникѣ, и до времени они будутъ лежать на этой страницѣ. Я думаю даже вклеить эти цвѣточки сюда“.

Время пребыванія въ Крыму имѣло значеніе и еще въ одномъ направленіи: здѣсь Князь Олегъ получилъ возможность ближе ознакомиться съ отношеніями людей другъ къ другу въ области будничныхъ заботъ и мелкихъ стремленій, порою чисто личнаго свойства, узналъ, какими побужденіями иногда руководствуются лица, казалось бы, чуждыя по своему положенію всего низменнаго, и мн. др. Все это, взятое вмѣстѣ, т. е. и смерть сестры, и событія русско-японской войны, и смута внутри Россіи, и неожиданныя открытія въ области людскихъ взаимоотношеній,—давали пищу впечатлительному уму Князя Олега. Новые вопросы зарождались въ его головѣ. Онъ искалъ отвѣтовъ на нихъ у окружающихъ, но не всѣ объясненія были ему понятны, несмотря на искреннее желаніе постичь ихъ внутренній смыслъ. Какая цѣль человѣческаго существованія? зачѣмъ зло на свѣтѣ? почему Богъ не уничтожить зла?—вотъ вопросы, волновавшіе въ это время Князя Олега: „Мнѣ батюшка о. Григорій говорилъ“, пишетъ онъ въ дневникѣ, „что въ Вѣнѣ или Венеціи—хорошо не помню—онъ видѣлъ такую картину: въ залѣ послѣ бала сидитъ человѣкъ, задумавшись, у рояля. Посрединѣ залы большой убранный столъ. На немъ вино, конфеты въ вазахъ и т. д. За столомъ сидятъ гости и ужинаютъ, веселясь. Очевидно, это послѣ бала. Гости не думаютъ о томъ, кто ихъ все время веселилъ игрой на фортепіано. Они веселятся и даже не подумали пригласить пианиста. Хорошая картина! Много смысла въ ней!—Наша жизнь можетъ идти по двумъ путямъ: по хорошему и по дурному. Многіе идутъ по дурному.—

¹⁾ А. П. Орлова.

Иногда задаешь себѣ вопросъ: къ чему живетъ человѣкъ? Я думалъ объ этомъ еще въ Стрѣльнѣ въ 1903 году. Спросилъ А. М. Онъ мнѣ сказалъ: „Жизнь человѣка для того, чтобы умѣлъ онъ наследовать Царствіе Небесное!“ Вѣрно! Задаю себѣ другой вопросъ: можетъ ли быть, что зла не будетъ на свѣтѣ? или отчего Богъ не сдѣлалъ, чтобы мы, люди, были совсѣмъ безгрѣшны? Отчего онъ не истребитъ зло? Батюшка Ореандскій мнѣ объяснялъ на бесѣдѣ: „Возьмемъ вѣсы. У нихъ два блюдечка, на которыхъ мы можемъ положить то, что вѣшаемъ. Правое блюдечко—добра, лѣвое—зла. Можетъ ли Богъ сдѣлать зло?—Нѣтъ.—Отчего?—Потому что онъ, выражаясь на человѣческомъ языкѣ, абсолютенъ. Можетъ ли быть человѣкъ абсолютенъ?—Нѣтъ“.

Повидимому, и самъ Князь Олегъ начиналъ замѣчать, что въ немъ произошла какая-то перемѣна. Перечитавши какъ-то свои старые дневники, онъ написалъ: „Какія глупыя вещи я писалъ въ дневникахъ. Надо не такія вещи писать въ дневникѣ. Надо писать такія вещи, чтобъ можно было понять, что онѣ выходятъ изъ глубины души человѣка. У меня тутъ есть душевныя вещи. Когда я былъ десяти лѣтъ, то писалъ глупую галиматью. Теперь я сталъ умнѣе и пишу уже не галиматью“.

17 мая Князь Олегъ съ младшимъ братомъ покинулъ Ливадію, которая ему такъ много дала, и поѣхалъ въ Осташево, куда послѣ похоронъ Княжны Наталіи Константиновны прибыли и Августѣйшіе родители Князей съ Княжной Татіаной Константиновной и Княземъ Георгіемъ Константиновичемъ.

Первые дни пребыванія въ Осташевѣ Князя были свободны отъ какихъ бы то ни было обязательныхъ занятій и могли безотлучно находиться при родителяхъ. Прогулки пѣшкомъ, верхомъ, катанье на лодкѣ, въ экипажахъ—все это совершалось всей семьей. Душевное равновѣсіе и покой при такой обстановкѣ быстро вернулись къ Князю Олегу.

Вскорѣ въ Осташево прибыли старшіе Князя, а 7 іюня Ея Величество Королева Элиновъ Ольга Константиновна. Ея Величество всегда принимала близко къ сердцу все, что касалось Ея племянниковъ, и постоянно удѣляла имъ свои досуги. Вотъ почему Ея пріѣздъ вызвалъ особенную радость. По разсказу воспитателя, наканунѣ прибытія Ея Величества, Князя составили даже планъ постепеннаго ознакомленія „Тети Оли съ нашимъ Осташевымъ“.

Пріѣздъ Королевы совпалъ съ наступленіемъ прекрасной погоды, продолжавшейся почти до самаго отъѣзда изъ Осташева, а потому прогулки всевозможнаго характера совершались ежедневно. Князь Олегъ былъ въ восторгѣ: „Какъ жалко, что ты не съ нами въ Осташевѣ“, писалъ онъ 10 іюня Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, которая въ это время была больна: „Если бы Ты была тутъ, было бы гораздо веселѣе. Тутъ такъ хорошо, такъ весело! Вчера вечеромъ, вмѣсто ужина дома, мы сдѣлали пикникъ на опушкѣ лѣса. Мы туда пріѣхали на лодкахъ. Папа и Мама были

такъ добры, что пригласили нашихъ друзей-мальчиковъ (сыновья псаломщика). Мы трое этому были очень рады. Когда мы приплыли къ назначенному мѣсту, то сейчасъ стали собирать сухія вѣтви для костра. Іоанчикъ ¹⁾ зажегъ костеръ, и чрезъ нѣсколько минутъ поднялось большое пламя къ небу. Сейчасъ стали варить яичницу. Яичницу варила Тетя Оля. Яичница вышла очень удачно, и намъ она понравилась. Мы съ мальчиками стали собирать грибы. Оказалось, что они умѣютъ ихъ варить. Грибы вышли тоже очень удачно. Когда пикникъ кончился, надо было собрать всѣ вещи и нести ихъ въ лодки. На лодкахъ мы пришли къ пристанкѣ у нашего дома. Вотъ какъ весело мы проводимъ время въ Осташевѣ!

Такія путешествія за грибами устраивались довольно часто, причемъ скоро неизмѣннымъ участникомъ ихъ сталъ и приглашенный въ деревню на лѣто врачъ С. А. Острогорскій. „Обычная картина выхода на прогулку въ лѣсъ за грибами до сихъ поръ стоитъ у меня передъ глазами“, вспоминаетъ А. М. Максимовъ: „Часа въ 4 дня длинной вереницей растянулись участники экскурсіи по склону отъ дома къ рѣкѣ. У кого въ рукахъ узелокъ съ провизіей, у кого—щепки, самоварная труба, различная посуда... На рѣкѣ идетъ посадка въ лодки, и звонкіе дѣтскіе голоса говорятъ о переживаемомъ удовольствіи. За споромъ и крикомъ кто-нибудь угодилъ уже по колѣно въ воду, другой уронилъ весло, третій не можетъ найти себѣ мѣста... Наконецъ, все приходитъ въ порядокъ, и три-четыре лодки гуськомъ вытягиваются вверхъ по Рузѣ. Около версты пріятной тихой вѣды, и лодки причаливаютъ къ низкому лѣсистому берегу. Мѣсто остановки обозначается небольшою группою деревенскихъ мальчиковъ, узнавшихъ о прогулкѣ Ихъ Высочества и заранѣе явившихся сюда для оказанія тѣхъ или иныхъ мелкихъ услугъ.

„Берегъ быстро оживаетъ: то здѣсь, то тамъ появляются фигуры въ одиночку и группами. Часть экскурсантовъ уходитъ въ лѣсъ искать грибы, другіе суетятся около самовара, а маленькій и живой Князь Олегъ набираетъ охотниковъ по разводкѣ костра. Онъ очень любилъ наблюдать картину пылающаго костра, и устройство послѣдняго всегда просилъ поручать ему. Въ какія-нибудь 10-15 минутъ появлялся ворохъ сухихъ вѣтокъ и сучьевъ, и Олегъ Константиновичъ уже начиналъ сгорать отъ нетерпѣнія поскорѣе, какъ онъ выражался, „открыть огонь“. Подымающійся вскорѣ дымъ отъ двухъ-трехъ костровъ доказывалъ, что интересная часть прогулки началась... Въ то же время раскрывались корзины, разстилались скатерти, звенѣла посуда. Когда всѣ подготовительныя работы кончались, экскурсанты отдѣльными группами разсаживались на зеленый коверъ вокругъ бѣлоснѣжныхъ скатертей. Предшествовавшій физическій трудъ, заманчивыи видъ и вкусный запахъ приготовленныхъ блюдъ сильно возбуждали аппетитъ юныхъ экскурсантовъ, и они съ жаромъ принимались за вкусный ужинъ на лонѣ

¹⁾ Князь Іоаннъ Константиновичъ.

природы. При этомъ всегда и неизмѣнно пользовались общими симпатіями „докторскіе грибы“¹⁾). Олегъ Константиновичъ никогда не заявлялъ себя любителемъ покушать: въ этомъ отношеніи онъ былъ чрезвычайно умѣренъ и въ подобныхъ случаяхъ больше наблюдалъ за другими, чѣмъ угощалъ себя. Его ежеминутно можно было видѣть перебѣгающимъ отъ одной группы къ другой и горячо уговаривающимъ отвѣдать то или иное кушанье. „А послѣ будутъ еще докторскіе грибы“, предупреждалъ онъ всякаго, готоваго преждевременно увлечься какой-либо закуской.—Съ послѣдними вспышками потухающихъ костровъ кончалось и пребываніе въ лѣсу. Все укладывалось обратно въ лодки, участники прогулки занимали свои мѣста и подъ мѣрные удары весель тихо отплывали домой“.

Докторъ С. А. Острогорскій оказался, къ великой радости Князей, любителемъ и знатокомъ пѣнія. Подъ вліяніемъ его скоро созрѣлъ планъ составить хоръ, устроить нѣсколько спѣвокъ и начать пѣть въ мѣстной церкви обѣдню. Ноты оказались налицо у священника, и работа закипѣла. Дѣти очень ретиво посѣщали спѣвки, безпрекословно слѣдовали указаніямъ „регента“, и черезъ нѣсколько дней хоръ готовъ былъ выступить въ церкви. Князь Олегъ и здѣсь остался вѣренъ себѣ. Опасаясь принять участіе въ хорѣ безъ достаточно твердаго усвоенія нотъ, онъ нерѣдко подводилъ старшаго брата къ роялю и говорилъ ему: „Ну-ка, Іоанчикъ, проаккомпанируй мнѣ и послушай, вѣрно ли я пою „Съ нами Богъ“. Эта молитва, исполнявшаяся на богослуженіи по случаю войны съ Японіей, вызывала въ Князѣ Олегѣ особенный подъемъ чувствъ, и онъ больше всего боялся ошибиться именно при пѣніи ея. Наконецъ, въ воскресенье 12 іюня хоръ выступилъ и съ большимъ успѣхомъ пропѣлъ обѣдню.

Къ этому лѣту относятся первыя увлеченія Князя Олега Пушкинымъ. Читать онъ вообще любилъ и вполнѣ самостоятельно къ 12-лѣтнему возрасту успѣлъ ознакомиться съ нѣкоторыми сочиненіями Григоровича, Тургенева и другихъ писателей. Время отъ времени въ дневникахъ его попадаются замѣтки о прочитанныхъ книгахъ. Такъ, на примѣръ, 19 января 1905 г. онъ записываетъ: „Мнѣ очень нравится, какъ пишетъ Григоровичъ. Какъ хороши „Петербургскіе шарманщики“! Правда, что плохое житье шарманщикамъ. Имъ или лѣнь найти другое ремесло или не отыскать другого мѣста. Намъ не надо думать, что Григоровичъ хотѣлъ показать въ „Шарманщикахъ“ идеалъ, что всѣ шарманщики хорошіе. Нѣтъ! Онъ хотѣлъ намъ показать, что среди нихъ есть хорошіе люди. Шарманщики бываютъ очень дурные: воры, грабители, преступники,—но это не всегда. Вѣдь шарманщики—это, по-моему, улучшенное состояніе бродягъ. Въ Петербургѣ они попадаютъ рѣдко, ихъ много въ провинціи. Они, такъ сказать, вымираютъ, такъ же, какъ цыганы. Цыганъ теперь стало мало. Они тоже въ провинціи. Въ „Шарманщикахъ“ Григоровича описывается ихъ жизнь, и мнѣ кажется, что Григо-

¹⁾ Докторъ С. А. Острогорскій обнаружилъ большое искусство въ приготовленіи грибовъ на лопѣ природы, и это блюдо получило названіе „докторскихъ грибовъ“.

ровичъ хотѣлъ показать типъ русскаго человѣка. У Григоровича та ошибка, что онъ пишетъ длинными фразами. И у Тургенева есть тоже эта ошибка“.

Конечно, кое-что изъ Пушкина Князь Олегъ зналъ. Во всякомъ случаѣ, на урокахъ приходилось слышать отрывки изъ прозаическихъ произведеній Пушкина, а нѣкоторыя его стихотворенія были заучены наизусть. Но сознательнаго отношенія къ Пушкину, горячаго влеченія къ нему до лѣта 1905 года у Князя Олега не было. Впервые интересъ къ великому поэту обнаружился подъ вліяніемъ извѣстной книги Авенариуса „Юношескіе годы Пушкина“. 8 іюня Князь Олегъ записываетъ: „Я такъ люблю книгу „Юношескіе годы Пушкина“, что мнѣ представляется, что я также въ Лицеѣ. Я не понимаю, какъ можно перестать читать эту книгу. Въ этой книгѣ моя душа. Мнѣ нравится очень другъ Пушкина—Пушкинъ“.

Черезъ нѣсколько дней онъ снова возвращается къ этой темѣ: „Я кончаю книжку „Юношескіе годы Пушкина“, которая мнѣ очень понравилась. Я чувствовалъ, когда ее читалъ, какъ будто я самъ лицеистъ, какъ будто я самъ въ кругу товарищей. Изъ лицеистовъ больше всѣхъ понравился Пушкинъ: онъ сдерживалъ Пушкина, и, не будь его, я думаю, что Пушкину пришлось бы трудно. Потомъ Пушкина выручалъ директоръ Энгельгардтъ, котораго Пушкинъ не любилъ. Энгельгардтъ былъ чудный человѣкъ, хорошій директоръ, порядочный, открытый, прямой, умный. Въ этой книгѣ рассказано, отчего Пушкинъ невзлюбилъ Энгельгардта. Онъ сперва поступилъ несдержанно съ родственницей Энгельгардта, молодой вдовой, которая недавно потеряла мужа. Онъ ей написалъ стихи въ альбомъ. Госпожа Сидтъ (такъ звали вдову), прочитавъ стихи, обидѣлась. Они были написаны невѣжливо. Вотъ они:

„О безцѣнная подруга!
Вѣчно ль слезы проливать?
Вѣчно ль мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?“

„А. П. Сидтъ показала стихи директору, который вызвалъ къ себѣ Пушкина. Вотъ часть ихъ разговора:

Директоръ. Что это значить, Пушкинъ? Сколько я знаю, Вы—хорошаго семейства: въ Лицеѣ принимаютъ воспитанниковъ со строгимъ разборомъ. У Васъ самихъ есть, кажется, старшая сестра?

—„Есть“, отвѣчалъ Пушкинъ, не смѣя поднять глазъ на директора.

—Какъ же Вы позволили себѣ такую выходку съ Мэри?

—Что же я сдѣлалъ, Е. А.? Я написалъ ей только стихи...

—„Стихи, да, но какіе? Вы не знаете еще никакого различія между людьми“, продолжалъ директоръ, и въ голосъ его невольнo прорывалось его душевное настроеніе. „Я буду съ Вами, Пушкинъ, откровененъ. Я прочту Вамъ то, чего никому не читалъ и никому не прочту“.

„Вынувъ изъ стола толстую тетрадь, Энгельгардтъ сталъ ее перелистывать и продолжалъ:

—Я пишу для себя по-нѣмецки. Вы, хотя и слабы въ этомъ языкѣ, но надѣюсь, сколько нужно, поймете. Если что не поймете, я Вамъ переведу. Вотъ что здѣсь есть про Васъ: „Его высшая и конечная цѣль—блестѣть и именно поэзіей. Но едва ли найдетъ она у него прочное основаніе, потому что онъ боится серьезнаго ученія, и его умъ, не имѣя ни проницательности ни глубины, совершенно поверхностный, французскій умъ“. Вѣрно это или нѣтъ?

—„Можетъ быть, и вѣрно“, съ глухимъ ожесточеніемъ отвѣтилъ Пушкинъ: „но если природа отказала мнѣ въ настоящемъ умѣ, такъ развѣ въ томъ моя вина?“

—„Это у меня было написано до сегодняшняго дня“, продолжалъ Энгельгардтъ, „но сегодня я приписалъ слѣдующее: „Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви ни религіи. Можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не было юношеское сердце. Нѣжныя, юношескія чувства унижены въ немъ воображеніемъ“.

„Я дальше не нахожу нужнымъ писать“, прибавляетъ Князь Олегъ, „но скажу своими словами, что послѣдняя строка возбудила Пушкина противъ Энгельгардта, и у нихъ начался споръ. Пушкинъ боролся съ нимъ съ юношескимъ ожесточеніемъ и былъ вспыльчивъ. Хотя директоръ описывалъ и другихъ воспитанниковъ, но описывалъ мѣтко, въ Пушкинѣ же ошибался. Его пылкая натура не подходила подъ общій масштабъ. Во время спора директоръ, говорятъ, назвалъ Пушкина „молокососомъ“. Пушкинъ съ этимъ не могъ примириться и только при выпускѣ изъ Лицея обнялъ директора со слезами на глазахъ. Пушкинъ, будучи воспитанникомъ, нарисовалъ на него злую карикатуру, на которую Энгельгардтъ очень обидѣлся.—Мнѣ страшно нравится одно стихотвореніе Пушкина, котораго тема поразительно красива. У меня иногда приходятъ на умъ такія же мысли, какъ и у него. Самыя лучшія это первыя двѣ строфы. Все это стихотвореніе я когда-нибудь выпишу. Въ немъ чувствуется угнетенное состояніе Пушкина. Можно даже подумать, что Пушкинъ предвидѣлъ свою смерть. Можетъ быть, онъ чувствовалъ, что хотя его смерть далека отъ настоящаго времени, но что жизнь его кончится въ молодости не такъ, какъ у Горчакова. Я думаю, что тѣ двѣ недѣли, въ которыя всѣ воспитанники Лицея замѣтили перемѣну въ Пушкинѣ, онъ вдумывался въ себя и старался себя понять. Онъ понималъ, но не все. Онъ какъ будто видѣлъ черезъ кисею, что въ немъ оживаетъ новый, усовершенствованный гений, и страшился его. И вотъ вылилось въ стихахъ все то, что было у Пушкина на душѣ:

„Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной“...

Съ этого времени Князь Олегъ уже не разставался съ Пушкинымъ: онъ сталъ его кумиромъ, и чтеніе Пушкина сдѣлалось его любимымъ занятіемъ въ минуты досуга.

24 іюня Князья должны были уѣхать изъ Осташева въ Павловскъ. Жаль было Князю Олегу разставаться съ деревней, которая ему такъ много давала и гдѣ у него завязались уже отношенія съ мѣстными мальчиками; за два дня до отъѣзда онъ съ грустью записываетъ въ свою „самую родную“, какъ онъ выражается, тетрадку слѣдующія строки: „Послѣ завтра мы уѣзжаемъ изъ Осташева. Жалко! Грустно разставаться съ нашими друзьями. Я съ ними такъ свикся! Каждый день почти мы ходимъ на рыбную ловлю; тамъ всегда бываютъ они. „Они“—это сыновья здѣшняго псаломщика. Милый Вася! Жаль съ нимъ разстаться! Если бы дать Васѣ образованіе, я думаю, онъ былъ бы хорошимъ человѣкомъ. Не знаю, что выйдетъ изъ маленькаго Сережи, которому десять лѣтъ. Боголѣповъ, которому 14 лѣтъ,—мальчикъ не такой образованный, какъ Рождественскіе. Онъ лѣнивый. Говорятъ, что у него хорошая память. Онъ этимъ, кажется, пользуется.—Мальчики Вася и Сережа, котораго друзья прозвали „очкасомъ“ за его большіе глаза, говорятъ, что Боголѣповъ убѣгалъ изъ церковнаго училища въ лѣсъ къ знакомому лѣснику, съ сыномъ котораго Боголѣповъ бѣгаетъ по лѣсу. Рождественскіе за поведеніе имѣютъ пять, а Боголѣповъ четыре. Съ тройкой выгоняютъ изъ училища. Всѣ три мальчика—наши друзья“.

Но и въ Павловскѣ было много дорогаго для Князя Олега: здѣсь ему живо вспомнились годы его ранняго дѣтства. 27 іюня онъ записываетъ: „Третьяго дня мы пріѣхали сюда въ Павловскъ. Тутъ я нашелъ много вещей, напоминающихъ мнѣ дѣтство. Тутъ я нашелъ елочку, о которой заботился, когда ей мѣшала расти какой-то сукъ, торчавшій изъ земли:

„Тутъ каждый шагъ рождаетъ воспоминанья прежнихъ лѣтъ“¹⁾.

„А. С. Пушкинъ это писалъ про Павловскъ въ своемъ стихотвореніи „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“. Я какъ разъ вспомнилъ эту фразу, когда мы были около „Розоваго павильона“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Павловскъ Князья подверглись медицинскому осмотру, и врачи единогласно признали желательнымъ пребываніе нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ будущемъ учебномъ году гдѣ-нибудь на югѣ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Князь Олегъ. Постановленіе врачей очень его огорчило: „Вотъ мы опять разстанемся съ Мама и Папа, вотъ мы опять покинемъ Петербургъ“, пишетъ онъ въ дневникѣ.

Но этого не случилось. Наступала уже осень, а между тѣмъ, никто не возбуждалъ вопроса о поѣздкѣ на югъ. Это и понятно: 1905-ый годъ былъ годомъ неурядицъ внутри Россіи, годомъ безпорядковъ, забастовокъ и погромовъ. Жизнь въ такое время вдали отъ родителей была бы для всѣхъ дѣтей сплошнымъ мученіемъ, а для Князя Олега въ особенности. Едва пріѣхалъ онъ въ Павловскъ, какъ до него стали доходить смутные слухи о

¹⁾ У Пушкина:

„Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ“.

цѣломъ рядѣ событій, смыслъ которыхъ, можетъ быть, не былъ сполна ему понятенъ, но которыя, какъ мы видѣли, волновали его дѣтскую душу и въ минувшую зиму, во время пребыванія въ Крыму. „Дядя Алексѣй ¹⁾ отказался отъ Генераль-Адмирала“, записываетъ онъ въ свою театрадъ: „Въ Москвѣ убили градоначальника Шувалова. Въ Гельсингфорсѣ стрѣляли или бросили бомбу въ кого-то. Ужасныя времена! Исторія съ броненосцемъ Севастопольскаго флота „Княземъ Потемкинымъ“ безобразна. Экипажъ броненосца былъ недоволенъ пищею. Одинъ матросъ былъ депутатомъ отъ экипажа. Онъ подошелъ къ офицеру и сказалъ, что они недовольны пищею, а офицеръ его застрѣлилъ. Экипажъ взбунтовался. Офицеровъ выбросили за бортъ. Убили командира, друга Папа. Броненосецъ возмущалъ послѣ того приморскіе города, громилъ Одессу и подъ конецъ сдался румынамъ. Выходила на него севастиопольская эскадра, но отчего-то не рѣшалась бомбардировать броненосецъ. Папа это объясняетъ тѣмъ, что нельзя бомбардировать свой броненосецъ. Къ „Потемкину“ примкнули-было другіе суда, но одумались и возвратились“. Нѣсколько позднѣе онъ запишетъ: „Безпокойное время! Все забастовки. Желѣзныя дороги забастовали. На Николаевской ж. д. не ходятъ поѣзда. Кажется, смута хочетъ перейти въ Павловскъ, то есть, кажется, и тутъ не будутъ ходить поѣзда. 16 сентября былъ заключенъ миръ, чему я не особенно обрадовался. У насъ нѣтъ войны наружной, но есть война внутренняя. Съ Японіей войны нѣтъ, но война идетъ между русскими: проливается кровь, стонуть люди... Россія не въ порядкѣ“.

Достаточно приведенныхъ отрывковъ, чтобы понять, какъ важно было для Князя Олега пребываніе вблизи родителей. Онъ успокоился, когда узналъ, что Павловскъ покидать не придется и что, кромѣ того, его учебная работа пойдетъ подъ руководствомъ тѣхъ преподавателей, которые были ему давно извѣстны и съ которыми его связывали чувства привязанности и расположенія.

1 сентября начался учебный годъ. Князь Олегъ встрѣтилъ этотъ день слѣдующими знаменательными размышленіями, занесенными въ дневникъ наканунѣ, 30 августа: „Намъ надо учиться, готовиться. Даже, можетъ быть, намъ надо готовиться больше, чѣмъ нынѣшнимъ Князьямъ. Приходятъ трудныя времена. Къ труднымъ временамъ надо готовиться. Чѣмъ дальше уходимъ мы отъ Рождества Христова, тѣмъ труднѣе становится время. Чѣмъ труднѣе становится время, тѣмъ больше надо готовиться“.

Ежедневно Князь Олегъ, какъ и его братья, вставалъ въ 6^{1/2} час. и послѣ утренняго туалета, молитвы и чая выходилъ гулять по парку. Въ 8 час. онъ уже сидѣлъ за уроками. Продолжительность урока была 40 минутъ; за урокомъ слѣдовала перемѣна въ 20 минутъ, которую Князь Олегъ проводилъ непремѣнно на воздухѣ. Ежедневно было 4—5 уроковъ. Большинство преподавателей пріѣзжали изъ Петербурга, немногіе—изъ Царскаго

¹⁾ Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

Села и Павловска. Въ 1 ч. дня завтракали, а отъ 2—4 часовъ Князья обычно ѣздили верхомъ вмѣстѣ съ Августѣйшимъ дядей, Великимъ Княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ. Время отъ 4 до 7 час. назначалось для приготовленія уроковъ, причемъ два раза въ недѣлю одинъ изъ этихъ часовъ удѣлялся на гимнастику. Въ 7 часовъ вечера обѣдали, съ 8 час. до 8 час. 40 мин. Князь Олегъ занимался чтеніемъ съ однимъ изъ преподавателей иностранныхъ языковъ, а одинъ разъ въ недѣлю эти 40 минутъ отводились на танцы, въ которыхъ принимали участіе всѣ Августѣйшія дѣти. Въ праздничные дни приглашался для занятій рисованіемъ и ручнымъ трудомъ А. Н. Юдинъ. Таково было расписаніе ежедневныхъ занятій Князя Олега.

Это былъ уже третій годъ пребыванія Князя Олега въ званіи кадета. Въ главныхъ чертахъ программа учебныхъ занятій соотвѣтствовала третьему классу кадетскаго корпуса. Но это соотвѣтствіе ограничивалось лишь общими требованіями, а на самомъ дѣлѣ объемъ сообщавшихся Князю Олегу свѣдѣній былъ по многимъ предметамъ неизмѣримо больше.—Съ этого же года Князь Олегъ приступилъ къ изученію англійскаго языка, попрежнему продолжая усердно заниматься музыкой.

Въ воспоминаніяхъ воспитателя Князя Олега есть цѣлый рядъ любопытныхъ данныхъ, рисующихъ, съ одной стороны, учебную работу Князя, а съ другой—знакомящихъ съ той бытовой обстановкой, которая окружала его въ это время.

„Упорство въ занятіяхъ“, сообщаетъ А. М. Максимовъ, „пріобрѣтало у Олега Константиновича все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Всѣ уроки Князь готовилъ одинаково добросовѣстно, и это было въ духѣ его натуры: верхоглядства Князь не терпѣлъ и не допускалъ даже и мысли явиться на урокъ не подготовленнымъ къ отличному отвѣту. Но съ этого времени у Олега Константиновича начинаютъ появляться уже нѣкоторыя индивидуальныя особенности. Такъ, наравнѣ съ крайне добросовѣстнымъ отношеніемъ ко всѣмъ наукамъ, у Князя въ этомъ году вспыхнула искорка любви къ родному языку, родной литературѣ. Счастье зажечь эту искорку выпало на долю его перваго и единственнаго (кромѣ А. П. Орловой) учителя русскаго языка Николая Карловича Кульмана. Если къ изученію всѣхъ другихъ предметовъ Князь относился съ крайней серьезностью, то изученіе родного языка вызывало въ немъ искреннее удовольствіе. Помню, первые проблески восторга передъ русской литературой появились у Князя при прохожденіи имъ отдѣла о народныхъ пѣсняхъ и былинахъ. Съ этого времени всѣ симпатіи Олега Константиновича уже явно переходятъ на родную литературу, и чтеніе становится его любимымъ времяпрепровожденіемъ, а Пушкинъ любимымъ писателемъ. Самый-же предметъ русскаго языка онъ отождествлялъ съ личностью преподавателя и всегда выражался такъ: „Мнѣ на-завтра предстоитъ интересная работа по Николаю Карловичу“. Или: „Мнѣ сегодня придется основательно посидѣть надъ Николаемъ Карловичемъ“. И въ этомъ родѣ. Въ случаѣ недомоганія Олегъ Константиновичъ согла-

шался пропустить какой-угодно предметъ, но только не русскій языкъ. „Нѣтъ, Николая Карловича я пропустить не могу“, говаривалъ онъ. И бывали случаи, когда лекціи по этому предмету давались Князю даже въ постели“.

Это отождествленіе интереса къ предмету съ личностью преподавателя было настолько замѣтно, что братья Князя Олега рѣшили даже надъ нимъ подшутить: „Помню“, рассказываетъ А. М. Максимовъ, „какъ-то за утреннимъ чаемъ одинъ изъ старшихъ братьевъ пресерьезно заявилъ: „Я самъ очень люблю Н. К., но мнѣ не нравится его нѣмецкая фамилія“. Князь Олегъ вспыхнулъ, какъ піонъ, и, грозно уставившись на брата, съ запальчивостью возразилъ: „Прежде всего Н. К. по-нѣмецки даже не говоритъ, а во-вторыхъ, родной братъ его состоитъ православнымъ священникомъ, такъ что твои подозрѣнія о его нѣметчинѣ никуда не годятся“. За такой горячей репликой послѣдовалъ дружный взрывъ смѣха братьевъ, и Олегъ Константиновичъ почувствовалъ себя удовлетвореннымъ“.

„Обладая живымъ характеромъ и отличной памятью“, читаемъ дальше въ воспоминаніяхъ А. М. Максимова, „Олегъ Константиновичъ скоро постигъ искусство декламации, и чтеніе имъ стиховъ и даже прозы наизусть доставляло слушателямъ всегда искреннее удовольствіе. Князь особенно любилъ декламировать „Полтаву“ Пушкина и „Мертвыя души“ Гоголя: „Эхъ, тройка, птица тройка! Кто тебя выдумалъ?... Не такъ-ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься!“

„Всѣ занятія въ томъ учебномъ году шли по урочной системѣ, и каждый пройденный отдѣлъ завершался опросомъ. Такого порядка придерживались всѣ учителя Князя. На опросъ почти всегда присутствовали Августѣйшіе Родители Князя, и обыкновенно два преподавателя производили основательный опросъ Его Высочества изъ пройденнаго отдѣла. Князь любилъ этотъ родъ „экзаменовъ“ и тѣмъ больше бывалъ доволенъ, чѣмъ опросы длились дольше и носили болѣе серьезный характеръ. На этихъ опросахъ Его Высочество держался всегда увѣренно, его отвѣты были бойкіе, содержательные, давались громкимъ и отчетливымъ голосомъ. Не довольствуясь иногда объемомъ спрошеннаго, Олегъ Константиновичъ самъ натакивалъ учителей на тѣ или иные вопросы, говоря: „А вы не спросили меня еще о томъ-то“. По окончаніи опроса Князь выходилъ изъ классной комнаты, и его Родители выслушивали мнѣнія преподавателей о степени усвоенія Княземъ пройденнаго отдѣла, давали тѣ или иныя указанія и принимали участіе въ оцѣнкѣ познаній Князя постановкой ему балла. Олегъ Константиновичъ всегда самъ отлично чувствовалъ промахи въ отвѣтахъ и боялся только одного: чтобы выставленный ему баллъ отнюдь не былъ выше степени его познаній. Къ опросамъ Князь всегда готовился съ чрезвычайной добросовѣстностью. Тѣмъ не менѣе, канунъ ихъ всегда стоилъ ему извѣстныхъ волненій. Дабы избѣжать послѣдняго нежелательнаго явленія, преподаватели иногда устраивали опросы Князя безъ предупрежденія и подготовки. Какъ старательный и внимательный ученикъ, Олегъ Констан-

тиновичъ всегда съ успѣхомъ выходилъ изъ подобныхъ испытаній и давалъ на нихъ вполне исчерпывающіе отвѣты.

„Надо утвердительно сказать, что на такой высотѣ могъ оказаться только богато одаренный ученикъ. И вотъ почему. Времени для приготовленія уроковъ у Князя было очень ограниченное количество: обычно два часа и очень рѣдко три. Съ такимъ успѣхомъ и въ такое короткое время справляться съ учебной программой мальчикъ даже со средними способностями, конечно, не могъ. Нельзя забывать, что, помимо классныхъ работъ, на плечахъ Олега Константиновича лежала еще музыка, внѣклассное чтеніе по иностраннымъ языкамъ и другія занятія внѣшкольнаго характера. И это все въ тѣ же два-три часа...

„Таковы же были успѣхи Князя и по физическимъ отраслямъ образованія. Съ этого года въ Павловскѣ поселяется и Августѣйшій Дядя Князей, Великій Князь Дмитрій Константиновичъ, извѣстный кавалеристъ, знатокъ и любитель верхового спорта. Замѣтивъ въ дѣтяхъ интересъ къ этому спорту, Великій Князь сталъ приглашать племянниковъ съ собой на верховую ѣзду по парку... Строго послѣдовательно и систематично проходя подъ руководствомъ Дяди школу верховой ѣзды, Олегъ Константиновичъ отдался этому спорту всей душой и уже черезъ годъ сталъ однимъ изъ лучшихъ „Дяденькиныхъ“ учениковъ. Такія качества, какъ безстрашіе, отвага, лихость, были свойственны Князю еще съ дѣтскаго возраста. Взять ли какое-либо серьезное препятствіе на гимнастикѣ, скатиться ли съ крутой горы на лыжахъ, пойти ли первымъ въ неравную борьбу съ участниками игръ — было въ духѣ Олега Константиновича. И вотъ, всѣ эти качества какъ нельзя болѣе кстати пригодились ему теперь: верхомъ на конѣ онъ почувствовалъ себя такъ же увѣренно, какъ до сихъ поръ привыкъ чувствовать себя при всякой обстановкѣ.

„Ѣзда всегда занимала время отъ 2 до 4 час. дня и происходила въ Павловскомъ и Царскосельскомъ паркахъ при всякой погодѣ. Въ ней принимало участіе восемь-девять человекъ, и эту группу всадниковъ въ строю рядами жители Павловска и Царскаго ежедневно встрѣчали на дорогахъ парка. Мѣняя аллюры и маршруты ѣзды и вводя каждый разъ какое-либо новое указаніе въ управленіи лошадыю, Великій Князь придавалъ поѣздкамъ крайне разнообразный характеръ, и интересъ дѣтей къ нимъ не только никогда не ослабѣвалъ, а наоборотъ повышался. Эта ежедневная ѣзда соединяла въ себѣ именно полезное съ пріятнымъ, о чемъ всегда ясно свидѣтельствовали раскраснѣвшіяся лица Князей и ихъ приподнятое настроеніе.

„Полюбивъ ѣзду и лошады, Олегъ Константиновичъ уже съ той поры опредѣленно сталъ мечтать о службѣ въ кавалеріи. Ѣзда не производилась лишь въ праздничные дни. Въ такомъ случаѣ время, отведенное на ѣзду, уходило на пѣшія прогулки въ окрестностяхъ Павловска и Царскаго Села. Въ зимнее время эти прогулки совершались на лыжахъ и соединялись съ катаніемъ съ горъ около дворца. И въ ходьбѣ на лыжахъ, и въ катаньѣ

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1907 г.

съ горъ почти всегда побиваль рекордъ Олегъ Константиновичъ: онъ способенъ былъ и на болѣе дальнія прогулки, онъ-же первый прокладываль и путь на салазкахъ на самыхъ рискованныхъ спускахъ съ горъ. Совершенство въ этомъ отношеніи, Князь упражнялся (во время быстрого спуска съ горы на лыжахъ) въ метаніи копій, въ прыжкахъ черезъ канавы, въ поднятіи съ земли разныхъ вещей и даже былъ инициаторомъ устройства семейной зимней карусели. Послѣдняя должна была явиться для родителей полной неожиданностью, и всѣ братья Его Высочества стали къ ней готовиться. Мысль объ этой карусели, однако, была вскорѣ оставлена, такъ какъ ясно было, что Олегу Константиновичу не могло найтись достойныхъ соперниковъ.

„Для полноты жизнеописанія Князя за 1905—1906 годъ необходимо сказать нѣсколько словъ о канунахъ праздниковъ и о самыхъ праздникахъ въ Великокняжеской семьѣ. Въ силу своей глубокой набожности Олегъ Константиновичъ очень любилъ посѣщать Божій храмъ, а у себя дома даже принимать и нѣкоторое участіе въ церковномъ богослуженіи, совершаемомъ по праздникамъ и накануне ихъ. Это участіе выражалось въ выносѣ свѣчи, аналоя и чтеніи шестопсалмія и Апостола... Его звонкій, отчетливый голосъ, выразительное и ясное произношеніе словъ шестопсалмія невольно заставляли молящихся вслушиваться въ эту прекрасную молитву и благоговѣнно вдумываться въ ея глубокій смыслъ. Помню, какъ убѣленный сѣдиной генераль Кирѣевъ¹⁾, при чтеніи Княземъ шестопсалмія, опускался на одно колѣно и, склонивши голову на руку, внимательно слѣдилъ за Княземъ. По набожному крестному знаменію и покачиванію головы можно было судить, что въ эти минуты душа генерала была далека отъ земной суеты. И правда, однажды, послѣ прочтенія Олегомъ Константиновичемъ шестопсалмія, генераль подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Я ужъ старый человекъ. Много на своемъ вѣку я видѣлъ церковныхъ службъ, много слышалъ и церковныхъ чтецовъ, но я никогда не слышалъ такого вдохновеннаго и проникновеннаго чтенія, какое можно слышать здѣсь, изъ устъ Олега Константиновича. И когда онъ начинаетъ читать, я не могу не молиться“.

„Послѣ церковной службы въ Великокняжеской Семьѣ бываль накануне праздниковъ обѣдъ, а въ день самыхъ праздниковъ—завтракъ, къ которому нерѣдко приглашались и лица, бывшія во дворцѣ на богослуженіи. Обычно же обѣды и время послѣ нихъ всегда проходили въ тѣсномъ семейномъ кругу...

„Родственные связи и пребываніе въ дружномъ родственномъ кругу отнюдь не мѣшали Князю поддерживать добрыя отношенія и съ товарищамикадетами. Время отъ времени послѣдніе небольшими группами приглашались въ Павловскъ изъ Петрограда на весь день. Тогда Олегъ Константиновичъ уже не принадлежалъ себѣ ни одной минуты. Всячески опасаясь чѣмъ-нибудь дать понять товарищамъ преимущества своего положенія, онъ во всякой мелочи ставилъ себя на одну съ ними доску. При одѣваніи и

¹⁾ Ген. А. А. Кирѣевъ, известный славянофилъ, постоянно жившій въ Павловскомъ дворцѣ.

раздѣваніи товарища Князь непременно окажетъ помощь, при первомъ удобномъ случаѣ напомнить, что звать его „Олегъ Константиновичъ, а не Ваше Высочество“, а въ бесѣдѣ о ходѣ учебныхъ занятій непременно упрекнетъ себя въ лѣни. Такая искренность маленькаго хозяина устраняла вполне понятную натянутость отношеній со стороны пріѣзжихъ гостей, и къ вѣщшему удовольствію обѣихъ сторонъ между ними сразу устанавливались простота и радушіе въ обращеніи. День проходилъ въ осмотрѣ дворца, гуляньѣ и катаньѣ по парку, играхъ въ комнатахъ и, наконецъ, просто товарищескихъ разговорахъ. Характерно, что осведомляясь о своихъ товарищахъ, Князь особенно подробно интересовался положеніемъ дѣлъ у наиболее шаловливыхъ и неуспѣвающихъ изъ нихъ. Стараясь найти причины ихъ неуспѣховъ или дурного поведенія, Олегъ Константиновичъ никогда не допускалъ мысли, чтобы тотъ или другой изъ нихъ могъ быть безнадежнымъ въ смыслѣ исправленія. „Ну, конечно, онъ исправится“, говорилъ Князь: „не захочетъ-же онъ быть исключеннымъ изъ корпуса: и ему будетъ стыдно, и родителямъ обидно“. Зато, какъ Олегъ Константиновичъ глубоко огорчался, когда узнавалъ о фактическомъ исключеніи изъ корпуса кого либо изъ его товарищей. „Можетъ быть, этотъ кадетъ и исправился бы еще“, разсуждалъ Князь: „Жалко, жалко мальчика“.

„Вообще помочь ближнему, помочь не только словомъ, а и дѣломъ—было въ натурѣ Олега Константиновича. Года три тому назадъ Ихъ Высочества проводили лѣто въ Прыскахъ (Калужской губ.), гдѣ близко ознакомились съ бытомъ крестьянъ и многихъ изъ нихъ хорошо знали въ лицо... Въ томъ селѣ самой бѣдной семьей была семья Чуркиныхъ, но до сихъ поръ она еще кое-какъ влачила свое существованіе. Наконецъ, обстоятельства складываются такъ, что въ домѣ сѣденъ послѣдній кусокъ хлѣба, купить не на что, взять въ долгъ не у кого. И вспомнила эта бѣдная семья Олега Константиновича, его доступность, ласку и доброту. Сѣлъ за перо единственный грамотей семьи, десятилѣтній мальчуганъ Капитонъ Чуркинъ, и написалъ Князю откровенное письмо, прося оказать помощь въ ихъ безысходной нищетѣ. Для Олега Константиновича день полученія этого письма былъ однимъ изъ счастливейшихъ въ жизни. Онъ былъ внѣ себя отъ сознанія, что на его долю выпало счастье выручить изъ тяжелаго положенія бѣдную крестьянскую семью и того самаго „Капитошку“, съ которымъ онъ игралъ въ Прыскахъ. Князь собираетъ всѣ свои деньги, отъ конторы Двора отпускается еще особая сумма, и въ тотъ же день „помощь“ посылается въ Прыски.

„Я сказалъ, что Олегъ Константиновичъ, „собралъ всѣ свои деньги“... Для характеристики личности почившаго Князя интересно нѣсколько остановиться на его денежныхъ расходахъ. Въ этомъ отношеніи дѣти Великаго Князя воспитывались крайне скромно. Такъ, на примѣръ, Князь Олегъ получалъ на свои личныя денежные дѣла всего на всего три рубля въ мѣсяцъ. Эта сумма расходовалась на марки, письма, подарки для близкихъ и т. п. Согласно волѣ Великаго Князя изъ этихъ-же денегъ пополнялось и

все изъ вещей и книгъ, такъ или иначе утерянныхъ или попорченныхъ по винѣ Князя. Помню, какъ Олегъ Константиновичъ, потерявъ въ Осташевѣ пару носковъ, по приѣздѣ въ Петроградъ первымъ дѣломъ отправился въ магазинъ и съ особеннымъ удовольствіемъ „на свои деньги“ купилъ эти вещи...

„Но большого труда стоило Князю извернуться на эти деньги съ праздничными подарками. Въ семьѣ Великаго Князя былъ обычай дѣлать другъ другу подарки на елкѣ и въ дни рожденія и тезоименитства. Большой поклонникъ разъ заведеннаго порядка и строгій исполнитель всѣхъ указаній своихъ родителей, Князь Олегъ всегда принималъ участіе въ подношеніи подарковъ членамъ своей семьи и непременно дѣлалъ это на „свои деньги“, отнюдь не выходя изъ предѣловъ бюджета. Единичные подарки затрудненій почти не представляли. Но приобрѣтеніе ихъ массой, къ семейной елкѣ, требовало большой предусмотрительности и строгихъ математическихъ расчетовъ. Надо было одарить Папа, Мама, сестру, братьевъ, можетъ быть, кого-нибудь еще изъ служащихъ, а это обстоятельство требовало единовременнаго заготовленія семи-восьми подарковъ. Обыкновенно уже съ сентября мѣсяца Князь Олегъ составлялъ смѣту на ближайшую елку, начиналъ, какъ онъ выражался, „экономить деньги“ и намѣчать подарки. Последнее обстоятельство во всю эту операцію входило большимъ коэффициентомъ: надо было каждому поднести что-нибудь по его вкусу, надо, чтобы эта вещь была пригодной къ какому-нибудь употребленію, и надо, чтобы ея стоимость была невысокой. Тутъ нерѣдко практиковались такъ называвшіеся „Братскіе сѣзды“, когда, собираясь на совѣщаніе по поводу елки, Князья выясняли вопросъ о приобрѣтеніи подарковъ родителямъ. Каждое предложеніе подвергалось общему обсужденію, выяснялись вкусы Папа и Мама, припоминалось даже мимолетное изъявленіе ими когда-либо удовольствія или неудовольствія по поводу той либо иной вещи. И благо было, если „сѣздъ“ приходилъ къ опредѣленному рѣшенію; въ противномъ случаѣ приходилось прибѣгать къ помощи дипломатіи и за семейнымъ обѣдомъ или послѣ него осторожно выяснять взгляды Папа и Мама. Надо было, чтобы тотъ дипломатическій шагъ отнюдь не выдалъ намѣченнаго замысла, и чтобы елочный подарокъ былъ „сюрпризомъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, планъ составленъ, теперь надо найти магазины. Обыкновенно для этого составлялся списокъ рождественскихъ подарковъ, и кто-либо изъ служащихъ отправлялся „на предварительную развѣдку“: отыскать магазины и узнать настоящія цѣны вещамъ. И уже послѣ этого Князь Олегъ лично заходилъ въ магазины и останавливалъ свой выборъ на тѣхъ или иныхъ подаркахъ.

„Любя своимъ подаркомъ доставлять удовольствіе другимъ, Князь, въ свою очередь, умѣлъ оцѣнить такое же вниманіе и къ нему, и самая, казалось бы, пустячная вещица находила у Олега Константиновича свое мѣсто и вызвала въ немъ чувства благодарности и умиленія.

„Въ жизни почившаго Князя огромное значеніе имѣло одно обстоятельство: Его Высочество былъ крестнымъ сыномъ Государя Императора.

Безконечно любя своего Крестнаго Отца, Олегъ Константиновичъ почиталь нравственнымъ долгомъ ежегодно собственноручно готовить Его Величеству подарокъ ко дню елки въ Царской Семьѣ—24 декабря. Въ эту работу Князь вкладываль всю свою душу, свои силы и способности. Еще задолго до праздниковъ Рождества Христова Олегъ Константиновичъ составляль проектъ подарка, неоднократно набрасываль его въ видѣ эскиза на бумагѣ, постепенно дополняль и видоизмѣняль его. Въ этотъ періодъ работы Князь охотно выслушиваль всѣ замѣчанія и указанія и наиболѣе дѣльныя изъ нихъ принималь къ свѣдѣнію. Такимъ образомъ постепенно Князь приходилъ къ опредѣленному рѣшенію. Руководство всѣми работами принадлежало А. Н. Юдину. Съ момента выработки плана подарка, можно смѣло сказать, что у Князя буквально не было ни одной свободной минуты: весь свой досугъ, даже нерѣдко перемѣны между уроками онъ посвящаль работѣ надъ подаркомъ. Работа происходила въ особой „комнатѣ ручного труда“, гдѣ все и всегда было къ услугамъ Его Высочества. А потому и неудивительно, что даже 10-минутное занятіе всегда имѣло продуктивный характеръ. Но больше всего времени работѣ надъ подаркомъ удѣлялось въ праздничные дни, когда на это уходили часы отъ завтрака и до обѣда. Желая всю техническую часть работы сдѣлать самъ, Олегъ Константиновичъ никогда и никому не разрѣшаль оказывать ему помощь. „Если кто-нибудь помогъ бы мнѣ“, разсуждалъ Князь, „онъ тѣмъ самымъ огорчилъ бы меня: эта работа уже была бы не моей, и я лишенъ былъ бы счастья сдѣлать рождественскій подарокъ моему Крестному Отцу“. Всѣ окружающіе отлично знали натуру Его Высочества и его твердый характеръ, а потому и далеки были отъ мысли своей непрошенной помощью тормозить уже начатую работу. И безъ того сильно волновался Князь, когда работа не спорилась, или не получался требуемый оттѣнокъ краски. Причины-же волненія Князя были понятны. Подобная работа требовала дневного свѣта, а петроградскій климатъ въ зимнее время на дневной свѣтъ очень скупъ. Случись въ праздникъ туманъ, вотъ вамъ новая непредвидѣнная утечка времени, и работа можетъ быть не окончена. Послѣ этого станеть понятной и тревога Князя за наступающій праздникъ: „А вдругъ завтра дождь или туманъ?“ волновался Олегъ Константиновичъ, укладываясь спать. И неудивительно, что при такомъ тревожномъ снѣ онъ просыпался раньше времени и, сгорая нетерпѣніемъ къ работѣ, одѣвался и еще до чая принимался за подарокъ... Подарокъ отсылался Государю Императору при письмѣ Олега Константиновича съ однимъ изъ курьеровъ Двора къ 7 часамъ вечера 24 декабря. Тотъ-же курьеръ черезъ часъ всегда привозилъ отъ Его Величества письмо и какой-либо елочный подарокъ. Это милостивое вниманіе Государя служило Олегу Константиновичу высшей и лучшей наградой за его долгую и кропотливую работу“.

Такова была, по воспоминаніямъ воспитателя, общая картина жизни Князя Олега въ Павловскѣ за 1905—1906 учебный годъ. Весною этого года

случилось событие, которое произвело на Князя Олега очень сильное впечатление: 27 апреля состоялось открытие 1-ой Государственной Думы. Хотя Князю Олегу только недавно минуло 13 лет, его восприимчивая душа сумела схватить всё то мельчайшее подробности этого исторического дня, свидетелем которых ему удалось быть. Вот что он записывает в дневник 27 же апреля: „Сегодня знаменитый день для России. Не знаю, кому по моей смерти достанется моя летопись, но пусть то, что я пишу, читают все мои сыновья, внуки и правнуки, если таковые будут.—Сегодня Государь в первый раз послѣ безпорядковъ приѣхалъ въ Петербургъ. Теперь наша столица, дѣтище Петра I, можетъ опять гордо поднять голову и просіять улыбкой радости: опять послѣ многихъ безпокойныхъ мѣсяцевъ нашъ Монархъ въ столицѣ. Что онъ дѣлаетъ?—Онъ даетъ России Думу. Со всѣхъ концовъ России, отъ сѣвера до юга и отъ востока до запада, собрались русскіе выборные отъ всего народа.—Съ 10-часовымъ поѣздомъ Папа, Дяденька и мы шестеро, то есть, пять братьевъ и сестра Татьяна, отправились въ Петербургъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали часа открытія Думы. Я думалъ, что увижу на улицахъ столицы толпы народа, услышу шумъ и крики. Но, напротивъ, Петербургъ не волновался, и улицы были совсѣмъ пусты. Тотчасъ по приѣздѣ въ Мраморный мы отправились къ Павкѣ, нашему управляющему Дворомъ¹⁾. Посидѣвъ тамъ полчаса, мы пошли приготовляться къ завтраку: вымыть лицо, почистить платье и т. п. Къ завтраку приѣхали двѣ молодыя принцессы. Какъ онѣ приходятся намъ, я не знаю. За завтракомъ мы почти ничего не ѣли отъ волненія и съ нетерпѣніемъ ждали его конца. Наконецъ, завтракъ кончился. Всѣ пулей бросились переодеваться. Я удивлялся, какъ у меня спорилось дѣло. Черезъ одну минуту на мнѣ былъ надѣтъ мундиръ, медаль, ремень. Но не такъ-то скоро пришлось ѣхать. Надо было ожидать дамъ съ ихъ сложными туалетами. Вотъ всѣ садятся въ экипажъ. Тронулись. Проѣхали нѣсколько шаговъ—опять остановка. Наконецъ, поѣхали по Милліонной. На Дворцовой площади мы увидѣли спѣшившихся съ коней кирасиръ. Латы ихъ красиво блестѣли на солнцѣ. Лошади ржали. Люди и кони чувствовали, что дѣлается что-то необыкновенное.

„Мы прошли по какой-то лѣсенкѣ, какими-то комнатами, и вступили въ Романовскую галерею. По стѣнамъ висѣли великолѣпныя картины и портреты. Тутъ намъ пришлось ждать полчаса. Эти полчаса казались цѣлою вѣчностью. Вдругъ все смолкло. Всѣ насторожились. Изъ глубины залъ стали раздаваться звуки народнаго гимна. Звуки все приближались. Процессія вошла въ Георгіевскую залу, и скоро мы услышали первый возгласъ дьякона и стройное пѣніе капеллы. Намъ двоимъ, Игорю и мнѣ, надо было стоять съ Великими Княгинями: мы не могли стоять въ строю, такъ какъ нашимъ классамъ еще не даютъ ружей.

¹⁾ Генераль П. Е. Кеппенъ.

„Вотъ мы входимъ въ Георгіевскую залу на заранѣе уготованное мѣсто около самаго трона. Надъ трономъ балдахинъ изъ краснаго бархата. Какъ орель, распростерши свои длинныя крылья, охраняетъ гнѣздо, такъ и этотъ балдахинъ, осѣнявшій своею сѣнью не одного Монарха, готовится принять подъ свой покровъ теперешняго Царя Россіи. Направо отъ трона на особомъ мѣстѣ сіяетъ мириадами звѣздъ корона, дальше величественно колышется царева хоругвь, дальше царедворецъ держитъ Государственный мечъ, а предъ нимъ лежитъ держава.

„Молебень кончился. Къ трону по ступенькамъ направляется Царь. Его взоръ серьезень и величественъ. Онъ садится на тронъ. Черезъ спинку Его кресла перекинута мантия. Государь даетъ знакъ рукою, и Ему подносятъ бумагу съ рѣчью. Государь встаетъ. Гробовое молчаніе... Всѣ взоры устремлены на Него, всѣ съ напряженіемъ чего-то ждуть, всѣ знаютъ, что наступилъ самый торжественный моментъ.

„Я забылъ все, что дѣлалось кругомъ, и смотрѣлъ на Государя. И вотъ Онъ началъ читать... Государь говорилъ серьезно, повелительно и строго. Каждое слово запечатлѣвалось у меня въ сердцѣ. Онъ говорилъ, что надѣется, что всѣ выборные явятся вѣрными Ему помощниками для блага Отечества и что Онъ хочетъ передать Наслѣднику царство благоустроенное, могущественное и сильное. Государь окончилъ рѣчь словами: „Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ!“

„Царь всходилъ къ трону съ лицомъ величественнымъ и серьезнымъ, а сошелъ съ него съ лицомъ просіявшимъ и милостивымъ. Громовое „ура“ Его сопутствовало. На многихъ лицахъ я увидѣлъ слезы. Мнѣ хотѣлось плакать, но я не плакалъ. Этотъ день останется навсегда въ моей памяти“.

Какъ видимъ, маленькій авторъ этихъ словъ глубоко пережилъ то, что являлось знаменательнымъ въ исторіи Россіи, и вложилъ въ свою безхитростную дѣтскую записку и неподдѣльное чувство любви къ Царю и родинѣ, и недюжинную наблюдательность, и отчетливое сознаніе важности событія.

Скоро Князю Олегу снова пришлось видѣть Государя уже на своемъ корпусномъ торжествѣ: 13 мая корпусу было пожаловано въ Петергофъ въ Высочайшемъ присутствіи знамя, и Князь Олегъ съ братьями, по предложенію директора корпуса, принялъ участіе въ этомъ праздникѣ. Рано утромъ 13 мая онъ въ составѣ всего корпуса выѣхалъ на пароходѣ изъ Петербурга. Торжество закончилось парадомъ, который для Князя Олега былъ первымъ Царскимъ парадомъ. „Когда я услышалъ голосъ Государя „Спасибо, кадеты!“, съ жаромъ рассказывалъ потомъ Князь, „то въ эту минуту готовъ былъ рѣшиться на какую угодно опасность: такъ властно и величественно поблагодарилъ насъ Государь“.

Вскорѣ послѣ этого закончился учебный годъ. Предстоялъ переѣздъ на лѣто въ Стрѣльну. Обычно до этого года подобные переѣзды всегда совершались по желѣзной дорогѣ. На этотъ разъ порядокъ передвиженія былъ избранъ другой: рѣшили сдѣлать переходъ въ Стрѣльну верхомъ.

День отъезда был назначен на 24 мая. Ни сильный прохладный вѣтеръ, ни пасмурное небо не смущали маленькихъ кавалеристовъ. Князь Олегъ съ утра горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣ очутиться въ сѣдлѣ и съ восторгомъ говорилъ воспитателю: „А все Дяденька! Это онъ насъ приучилъ къ такой ѣздѣ, и вы увидите, что эти 30 верстъ на насъ и не подѣйствуютъ“. Послѣ завтрака, въ 1½ ч. дня, Князя выѣхали изъ Павловска вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ и въ 7¼ ч. вечера веселые, довольные и бодрые были уже у Стрѣльнинскаго дворца.

Жизнь въ Стрѣльнѣ не была такъ богата разнообразіемъ впечатлѣній, какъ жизнь въ Осташевѣ, и проходила въ мирной обстановкѣ семьи, среди умственныхъ занятій, не требовавшихъ особеннаго напряженія. Вотъ какъ описываетъ эту жизнь самъ Князь Олегъ въ дневникѣ отъ 31 мая 1906 года: „Теперь у насъ по утрамъ бываютъ англійскія, французскія занятія и музыкальныя упражненія. Днемъ бываемъ большею частью свободны. Послѣ завтрака отъ четверти третьяго до 4-хъ верховая ѣзда, въ 4 ч.—чай, потомъ англійская или французская прогулка. Отъ пяти дѣлаемъ, что хотимъ: читаемъ, ѣздимъ на велосипедахъ, на лодкѣ, играемъ въ саду... Отъ семи—обѣдъ съ Папа, Мама и Дяденькой. Послѣ обѣда Дяденька идетъ къ себѣ. Папа съ кѣмъ-нибудь изъ насъ ѣдетъ къ Вавѣ ¹⁾ на велосипедѣ, а я чаще всего остаюсь въ это время у Татьяны, рисуя цвѣты. Черезъ полчаса Папа возвращается и приходитъ къ Татьянѣ читать. Мама слушаетъ, мы четверо рисуемъ, старшіе слушаютъ. Теперь мы читали записки Великой Княгини Ольги Николаевны. Вчера ихъ кончили. Половина десятаго идемъ спать. Утромъ, половина девятаго, чай съ Папа. Въ 10 здороваемся съ Мама и Дяденькой“.

Съ первыхъ же дней переѣзда въ Стрѣльну Князьямъ стало извѣстно о возможности ихъ поѣздки на нѣкоторое время въ село Ильинское къ Великой Княгинѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ, гдѣ проживали тогда Великій Князь Дмитрій Павловичъ и Великая Княжна Марія Павловна. Объ этой поѣздкѣ шли разговоры еще въ теченіе зимы, но теперь было уже получено письменное приглашеніе, и вопросъ о посѣщеніи Ильинскаго былъ лишь вопросомъ времени. Задерживала поѣздку только болѣзнь Августѣйшей бабушки Князей, Великой Княгини Александры Іосифовны. „Пока Ан-мама не поправится, мы въ Ильинское не поѣдемъ“, говорили Князья, сердечно любившіе свою Бабушку.

19 іюня съ Великой Княгиней случился ударъ, но черезъ недѣлю ея здоровье вполне возстановилось, и 26 іюня Князья выѣзжали въ Петербургъ лично поздравить Бабушку съ днемъ ея рожденія. Въ Ильинское, впрочемъ, они отправились только 18 іюля.

Село Ильинское находится къ западу отъ Москвы, верстахъ въ 20, и лежитъ на красивыхъ лѣсистыхъ берегахъ рѣки Москвы. Рядомъ съ селомъ, на самомъ берегу, расположенъ роскошный дворецъ съ множествомъ слу-

¹⁾ В. П. Михайлова, няня Великаго Князя.

жебныхъ построекъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга группами древесныхъ насажденій. По различнымъ направленіямъ во множествѣ идутъ вымощенныя дорожки.

Князь Олегъ былъ очень доволенъ поѣздкой въ Ильинское. „Я какъ будто въ Осташевѣ“, заявилъ онъ къ вечеру перваго же дня пребыванія въ гостяхъ. Помимо развлеченій, Князь Олегъ нашелъ въ Ильинскомъ также возможность приложенія своихъ силъ въ работѣ, которая дала ему, съ одной стороны, много новыхъ впечатлѣній, а съ другой—и извѣстное нравственное удовлетвореніе. Дѣло въ томъ, что въ Ильинскомъ Великой Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной былъ открытъ лазаретъ для раненыхъ нижнихъ чиновъ. По нѣскольکو разъ въ день Великая Княгиня навѣщала раненыхъ и принимала самое дѣятельное и непосредственное участіе въ облегченіи ихъ страданій. Съ Великою Княгинею посѣщали лазаретъ и Князь. Князь Олегъ очень скоро сталъ уже оказывать помощь врачу при измѣреніи температуры, при подачѣ лѣкарствъ и при наложеніи повязокъ. Послѣднее далось ему нелегко, но онъ съ присущей ему силой воли добился своего, къ удивленію сопровождавшаго его воспитателя, который по этому поводу сообщаетъ: Удивительное явленіе. Олегъ Константиновичъ въ раннемъ дѣтствѣ не только никогда не могъ видѣть крови, но даже и слышать самое слово „кровь“. Достаточно было ему увидѣть царапину у себя на пальцѣ, чтобы поблѣднѣть и иногда лишиться сознанія. Однажды, на опросѣ по естественной исторіи, преподаватель предложилъ ему разобрать вопросъ о кровообращеніи у человѣка. Князь произнесъ только слова: „Въ тѣлѣ человѣка непрерывно движется кровь“, и упалъ въ обморокъ. И вотъ теперь здѣсь, въ Ильинскомъ лазаретѣ, Олегу Константиновичу на каждомъ шагу приходилось видѣть кровь. Сперва онъ избѣгалъ смотрѣть на кровавыя повязки и, блѣднѣя, отводилъ глаза въ сторону, либо выходилъ изъ палаты. Обморока съ нимъ ни разу здѣсь не было. Обладая упорнымъ настойчивымъ характеромъ, Князь рѣшилъ работать надъ собой. Все смѣлѣе и смѣлѣе смотрѣлъ онъ и на повязку, и на раны солдатъ, все рѣже и рѣже отворачивался отъ крови... Иногда блѣдный, съ потнымъ лбомъ, Олегъ Константиновичъ заставлялъ себя стоять у постели раненаго до окончанія врачомъ перевязки и только тогда выходилъ на воздухъ. На просьбу врача не дѣлать надъ собой такихъ опытовъ, Князь отвѣтилъ: „Да вѣдь я военный. И ужъ чего-чего, а крови-то я не долженъ бояться“. И дѣйствительно, Князь добился своего: видъ крови пересталъ дѣйствовать на его нервы, и онъ могъ оставаться у раненыхъ цѣлыми часами. Однако, это пребываніе отнюдь не носило характера празднаго препровожденія времени. Князь бралъ книгу и охотно читалъ раненымъ. Припомнились ему „Четверги“ въ Мраморномъ Дворцѣ и, подражая своему учителю Н. К. Кульману, Князь съ большимъ успѣхомъ читалъ статьи изъ его репертуара, причемъ „Вій“ и „Пѣвцы“ пользовались у слушателей особенной популярностью, такъ что искусный чтець повторялъ ихъ во всѣхъ палатахъ“.

Эти чтения сопровождались необходимыми разъяснениями и часто заканчивались бесѣдами и даже спорами, причемъ не обходилось безъ курьезовъ. Такъ, прочитавъ однажды раненымъ „Пѣснь о вѣщемъ Олѣгѣ“, Князь Олегъ спросилъ одного изъ своихъ слушателей, внимательно и, видимо, съ чувствомъ слѣдившаго за чтениемъ: „Ну, а какъ по твоему, кто же былъ этотъ вѣщій Олѣгъ?“ Тотъ не разъ въ предшествовавшихъ бесѣдахъ обнаруживалъ и бойкость, и сообразительность, но тутъ далъ такой отвѣтъ, который совершенно озадачилъ Князя Олега: „Кто? Разумѣется, колдунъ, котораго ежели повѣсить, такъ и то мало“. Этотъ отвѣтъ нисколько не удивилъ остальныхъ раненыхъ, которые только ждали дальнѣйшихъ объясненій относительно этого загадочнаго колдуна. Но Князь Олегъ, совсѣмъ не ожидавшій такихъ результатовъ своего „объяснительнаго чтенія“, которое онъ велъ по всѣмъ правиламъ методики, смущенно замѣтилъ: „Это ты, братецъ, немножко спуталъ. Завтра мы объ этомъ съ тобой поговоримъ“. И, выйдя изъ палаты, Князь Олегъ предался грустнымъ размышлениямъ о томъ, какъ много еще придется учиться нашимъ крестьянамъ, чтобы свободно понимать Пушкина.

„Совсѣмъ иначе“, рассказываетъ воспитатель Князя Олега, „заканчивались бесѣды Олега Константиновича по поводу минувшей войны. Каждый изъ раненыхъ описывалъ ему исторію получения своей раны и особенно подробно останавливался на громѣ пушекъ, свистѣ пуль и боѣ барабана... Глаза загорались у Князя какимъ-то особеннымъ блескомъ, румянецъ покрывалъ все его лицо, и онъ, вскочивъ со стула, говорилъ рассказчику: „И ты не испугался? Молодчина, братъ! Вотъ я буду офицеромъ, мы опять съ тобой пойдемъ на япошекъ“. Въ этихъ случаяхъ необходимо было уже постороннее вмѣшательство, чтобы положить конецъ воинственнымъ разговорамъ и увести пылакаго слушателя изъ палаты раненыхъ“.

Для полноты воспоминаній о пребываніи Его Высочества въ Ильинскомъ лазаретѣ надо упомянуть еще объ интересныхъ занятіяхъ раненыхъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ А. М. Максимовъ: „Въ своихъ заботахъ о завершеніи у больныхъ массы свободнаго времени какимъ-либо плодотворнымъ способомъ, Великая Княгиня устроила обученіе раненыхъ доступнымъ имъ ремесламъ. Тутъ были сапожники, портные, вязальщики. За каждую вещь Дворомъ Ея Высочества была установлена цѣна для продажи. Стоимость матеріала возвращалась Двору, пріобрѣтавшему матеріалъ, вся-же заработная плата цѣликомъ шла въ пользу работника. Вещи широко раскупались не только въ Москвѣ, но даже шли на лондонскія выставки, гдѣ возбудили огромный интересъ среди нашихъ нынѣшнихъ союзниковъ. И работы стоили этого вниманія: благодаря опытнымъ и хорошимъ учителямъ, всѣ отрасли обученія раненыхъ были поставлены прекрасно, работы получались чрезвычайно изящныя и притомъ по крайне низкой цѣнѣ. Ея Высочество рассказывала, что нѣкоторые изъ раненыхъ, уходя по выздоровленіи изъ Ильинскаго, уносили съ собой до 400 руб. кровно ими заработанныхъ

денегъ, выстраивали себѣ на эти деньги хату и писали изъ деревни Великой Княгинѣ письма, полныя глубокой благодарности.

„Обходя работы раненыхъ и вникая въ ихъ технику, Князь Олегъ Константиновичъ остановилъ свое вниманіе на вязкѣ ковровъ. Эта работа при всей ея, такъ сказать, механичности, помимо точности и аккуратности, требовала извѣстнаго творчества. Вотъ это послѣднее обстоятельство и пришлось по душѣ Его Высочеству, и онъ сталъ учиться этому ремеслу. Сидя передъ большой вязальной рамой, рядомъ съ раненымъ въ ногу солдатикомъ, Олегъ Константиновичъ терпѣливо вглядывался въ его работу, помогаль ему при вставаньѣ и подаваль ему костыль. Отъ наблюдений и разспросовъ Князь скоро перешель къ дѣлу и уже собственноручно сдѣлаль нѣсколько рядовъ. Тутъ же онъ заказаль себѣ особую раму и приступилъ къ изготовленію собственнаго ковра. Эту работу Его Высочество продолжалъ затѣмъ съ интересомъ въ Стрѣльнинскомъ дворцѣ“.

Пребываніе въ Ильинскомъ имѣло для Князя Олега значеніе и въ томъ отношеніи, что онъ здѣсь продолжалъ знакомиться съ народной жизнью. Этому способствовали бесѣды съ ранеными, а кромѣ того, и нѣкоторыя картины народнаго быта, которыхъ онъ раньше не видѣль. Такъ, 20 іюля, въ престольный праздникъ Ильинскаго храма, въ Ильинскомъ, въ самомъ центрѣ села, была устроена ярмарка. Маленькія парусиновыя лавченки двумя рядами тянулись вдоль берега Москвы. Тутъ были и карусель, и балаганъ съ доморощенными клоунами, фокусники и визгливыя пѣвицы, хрипѣвшія шарманки и турецкіе барабаны. А. М. Максимовъ передаетъ объ этой ярмаркѣ нѣкоторыя любопытныя подробности: „Народъ большой толпой запрудилъ улицу между каруселью и балаганомъ и съ любопытствомъ и смѣхомъ то слушалъ кривлявшихся на крышѣ балагана клоуновъ, то безмолвно наблюдалъ кружившуюся карусель. У лавченокъ народу было мало, и лишь небольшія группы покупателей стояли то здѣсь, то тамъ. У самага начала улицы, что непосредственно прилегаетъ къ владѣніямъ дворца, бросались въ глаза двѣ фигуры въ бѣлыхъ длинныхъ фартукахъ мороженщика и квасника. У перваго на головѣ стояла кадка съ мороженымъ, у втораго—огромный кувшинъ съ какой-то желтой жидкостью. Первый, остановившись посреди улицы, откашлялся и съ чисто московской удалью запѣль: „Сахарный морожъ“... Второй, выждавъ своего соперника и убѣдившись въ бесполезности его званія, съ задоромъ закричалъ: „А вотъ у насъ заморскій квасъ. Старикъ молодѣеть, больной здоровѣеть. Пятачокъ отдавай, здоровья наживай“...

„Такова была общая картина ярмарки, когда Великая Княгиня Елисавета Теодоровна съ Ихъ Высочествами въ 3 часа дня выходила на ярмарочную площадь. Народъ почтительно привѣтствовалъ свою Августѣйшую хозяйку, обнажая головы и дѣлая низкіе поклоны. Было предположено въ теченіе часа времени обойти ярмарку и вернуться во дворець. Однако, дѣйствительность сложилась иначе. Ярмарочная обстановка чрезвычайно заняла дѣтей. Въ частности, у Олега Константиновича глаза разбѣжались,

въ полномъ смыслѣ этого слова. Ему одновременно хотѣлось и посмотрѣть клоуновъ, и послушать слѣпыхъ пѣвцовъ, и познакомиться съ содержимымъ деревенскихъ „магазиновъ“... Ихъ Высочества разбились на отдѣльныя группы и стали осматривать ярмарку. Что касается Князя Олега, то онъ сперва быстро обошелъ всю ярмарочную территорию и, такъ сказать, ознакомился съ общей ея физиономіей. А затѣмъ онъ перешелъ къ частностямъ. Карусель и балаганъ его не заняли: „Не стоитъ на нихъ время тратить“, добродушно заключилъ Князь и подошелъ къ слѣпому пѣвцу. Рябой, съ рыжей бородой дѣтина сидѣлъ въ пыли на землѣ и, аккомпанируя себѣ на самодѣльной лирѣ, громкимъ гнусавымъ голосомъ выводилъ: „Запишу я письмо отцу кровному, какъ продали меня братья родные“... Маленькій худенькій поводырь съ большой грязной сумой черезъ плечо и деревянной чашкой въ рукѣ стоялъ около пѣвца... Внимательные, серьезные, почти строгіе глаза Олега Константиновича устремлялись то на старца, то на несчастнаго поводыря. „А что если онъ не слѣпой, и только притворяется? а что если у этого мальчика есть отецъ и мать, и этотъ нищій укралъ его у нихъ?“ — такіе и подобные имъ вопросы все время приходили Князю въ голову. Замѣтно было, что грустный видъ поводыря вызвалъ у него чувство жалости и состраданія. Дослушавъ пѣніе до конца и рѣшивъ, что слѣпой пѣлъ объ Іосифѣ Прекрасномъ, Олегъ Константиновичъ вынулъ двѣ монеты и одну изъ нихъ положилъ въ чашку къ пѣвцу, а другую далъ въ руку этому грустному ребенку, сказавъ: „Это—тебѣ“. Тотъ испуганно посмотрѣлъ на Князя и робко положилъ монету къ себѣ въ карманъ.

„Затѣмъ послѣдовалъ обходъ „магазиновъ“. Августѣйшая хозяйка Ильинскаго всегда закупала различнаго товара на ярмаркѣ на солидную сумму. Лично обходя всѣ лавки, Ея Высочество каждую изъ нихъ удостоивала своимъ вниманіемъ и всегда находила что-либо купить въ ней. Этотъ обычай Великой Княгини былъ отлично извѣстенъ всѣмъ торговцамъ ярмарки, и всякій изъ нихъ, желая продать Ея Высочеству на большую сумму, старался привезти и выставить, что получше. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется наличіе на такой глухой провинціальной ярмаркѣ товаровъ весьма разнообразнаго характера и вполне приличнаго качества. Олегъ Константиновичъ съ большимъ интересомъ, даже съ удивленіемъ, обходилъ всѣ лавки и знакомился съ ихъ содержимымъ. Тутъ были: миткаль, ситецъ, игрушки. Матушка-Москва послала сюда даже прекрасную парчу. Видимо, и юркій ярославецъ хотѣлъ заработать лишнюю копейку и имѣлъ здѣсь не одну лавочку со своимъ чуднымъ полотномъ. Вездѣ Князю Олегу съ большою охотой давались объясненія на интересующіе его вопросы, и онъ только слушалъ и удивлялся: такъ много для него новаго и неслыханнаго раскрыла эта деревенская ярмарка съ ея простымъ русскимъ мужичкомъ. „Теперь кое-что изъ географіи Россіи я уже усвоилъ твердо и ясно“, съ удовольствіемъ отмѣтилъ потомъ Его Высочество“.

Хотя пребываніе въ Ильинскомъ было непродолжительнымъ, однако оно успѣло оставить слѣдъ на впечатлительной душѣ Князя Олега: передъ

нимъ раскрылись нѣкоторые уголки народной жизни, которыхъ онъ раньше не видѣлъ, а ежедневное посѣщеніе раненыхъ и бесѣды съ ними невольно заставляли соприкасаться съ міросозерцаніемъ людей, вышедшихъ изъ народа и лично испытавшихъ всѣ тревоженія боевой обстановки.

29 іюня Князья вернулись въ Стрѣльну. До Князя Олега все чаще стали доходить слухи о покушеніяхъ, убійствахъ, казняхъ и прочихъ ужасахъ революціоннаго времени. 6 августа 1906 г. онъ записываетъ: „Съ каждымъ новымъ номеромъ газетъ мы узнаемъ, что кто-нибудь убитъ или кто-нибудь раненъ. Вездѣ забастовки, беспорядки. Россія сама себя губитъ, русскіе сами начинаютъ истязать свою мать—отечество“...

24 августа Князья переѣхали въ Павловскъ тѣмъ же „походнымъ порядкомъ“, на коняхъ, подъ руководствомъ своего Августѣйшаго дяди. Первые дни ушли на устройство помѣщеній, причемъ Князь Олегъ, какъ и всегда, самъ устраивалъ свою комнату, разставляя вещи по личному вкусу. Учебный 1906—1907 годъ прошелъ подобно предыдущему: то же расписаніе занятій, тѣ же преподаватели и та же напряженная работа.

Къ концу 1906 года у Князя Олега начинается все больше и больше проявляться желаніе писать. Послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшается наконецъ сказать объ этомъ своему Августѣйшему отцу. Подъ 12 ноября 1906 г. въ его дневникѣ записано слѣдующее: „Вчера я въ первый разъ сказалъ за обѣдомъ Папа, что пишу стихи. На вопросъ, почему я этого не сказалъ ему раньше, я отвѣтилъ, что стѣсняюсь. Папа сказалъ, что стѣсниться не надо и что поэты всегда до печатанія стиховъ совѣтовались съ кѣмъ-нибудь. Феть въ послѣдніе годы своей жизни совѣтовался съ Папа. Теперь я буду показывать Папа мои стихи. Я хочу показать ему: „О даруй мнѣ талантъ, поэтъ!“ Надо только эти стихи передѣлать“.

Съ этого времени литературные опыты Князя Олега начинаютъ носить болѣе постоянный характеръ, но стихи, видимо, ему не даются. Онъ подвергаетъ ихъ тщательной переработкѣ, и, тѣмъ не менѣе, удовлетворительныхъ результатовъ не получаетъ. Затрудняетъ его и выборъ темъ. По крайней мѣрѣ, подъ 7 апрѣля 1907 г. читаемъ: „Мнѣ иногда хочется писать стихи, но я не знаю, что писать. Теперь весна. Хочется написать про весну—не выходитъ! Лучше бы, пожалуй, мнѣ заняться прозой, заговорами, сказками, пѣснями, рассказами о деревенской жизни. А, можетъ быть, что-нибудь въ родѣ Гоголя???“

Кое-кто изъ окружающихъ говорилъ Князю Олегу, что стихи выходятъ у него хуже, чѣмъ что-либо другое, а когда онъ прочиталъ нѣсколько своихъ стихотворныхъ опытовъ преподавателю русскаго языка, Н. К. Кульману, то тотъ рѣшительно замѣтилъ, что у юнаго поэта еще совершенно нѣтъ чувства ритма и что неудачная погоня Князя за техникой убиваетъ вконцѣ непосредственное творчество и лишаетъ стихи живыхъ образовъ. Услышавъ такой суровый приговоръ, Князь Олегъ съ горечью сказалъ: „Ну, хорошо! Слѣдующій разъ я Вамъ буду тогда читать свои стихи, когда найду

ихъ болѣе или менѣе совершенными“. Надо замѣтить, что такого чтенія больше не повторилось, слѣдовательно, Князь Олегъ своими стихотворными произведеніями не былъ вполнѣ доволенъ. Но тотъ же преподаватель, когда Князь Олегъ прочелъ ему нѣсколько прозаическихъ отрывковъ, ободрилъ его на дальнѣйшую работу въ этомъ направленіи, такъ какъ въ прозѣ Князя, несмотря на его 14 лѣтъ, чувствовались и наблюдательность, и живое воображеніе, и даже извѣстное изящество стили. Вотъ почему 9 апрѣля 1907 г. онъ пишетъ въ дневникѣ: „Я задумалъ заняться русской литературой—сказками, былинами, заговорами, пѣснями и т. п. Мнѣ хочется, въ родѣ Григоровича, описывать деревенскій бытъ, подчеркивая его недостатки и хорошія стороны. Такъ какъ я въ общемъ провелъ въ деревнѣ три лѣта, то могу кое-что записать въ дневникъ, а когда матеріала прибавится, то соединю все вмѣстѣ въ цѣлую повѣсть!“

Подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ онъ пишетъ 24 мая Августѣйшей матери: „Я лѣтомъ собираюсь поработать основательно надъ однимъ литературнымъ трудомъ, о которомъ расскажу въ Стрѣльнѣ. Покамѣстъ скажу, что это не стихотвореніе, а проза. Стихотворенія я бросилъ, а занимаюсь прозой. Обо всемъ этомъ знаетъ Н. К. Кульманъ“.

Въ тетрадяхъ Князя Олега находится небольшой набросокъ, написанный, очевидно, въ это же время и носящій заголовокъ: „Начало предпринимаемой мною повѣсти“. Нѣсколько отрывковъ изъ этого наброска могутъ дать нѣкоторое представленіе о прозѣ Князя Олега въ ранніе годы.

„Осташево,—имѣніе моего отца, въ которомъ мы провели уже два лѣта, расположено въ Московской губерніи, въ Волоколамскомъ уѣздѣ“,—такъ начинается „повѣсть“. „Нашъ домъ стоитъ недалеко отъ села. Отъ главнаго подъѣзда идетъ липовая аллея къ большой площади деревни, на которой по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ бываетъ ярмарка. Сюда прїѣзжаютъ крестьяне, болѣе или менѣе богатые, и торгуютъ разнымъ мелкимъ товаромъ: тутъ стоитъ возъ съ глиняными горшками, тамъ продаютъ пряники и разныя принадлежности сельскаго быта. Площадь окаймляютъ три лавки. Налѣво—лавка Шумова, въ которой можно найти селедку, матерію, чай, сахаръ и табакъ—рѣшительно все. Рядомъ съ нею находится еще маленькая лавченка, а направо отъ площади трактиръ подъ названіемъ „Трудолюбивая пчела“. Подъ названіемъ нарисованъ улей съ пчелами, а подъ нимъ написано: „Безъ крѣпкихъ напитковъ“, что, однако, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Посреди площади, въ каменномъ кіотѣ, покрашенномъ бѣлой краской, находится подъ стекломъ икона Николая Чудотворца.

„Наша спальня расположена въ правомъ углу дома. Когда вы войдете въ нее, то увидите передъ собою столикъ съ иконами. Направо отъ него окно и шкафъ съ бѣльемъ. У второй стѣны три кровати, между которыми лежитъ по коврику. Около кровати стоитъ по стулу съ кожаными сидѣньями и рѣзными спинками, изображающими голову тигра съ открытою

пастью и двумя клыками, между которыми я иногда кладу указательный палецъ. По краямъ этой стѣны двѣ двери. Надъ Костиной кроватью полка съ иконами, а надъ моею—картина, на которой изображено, какъ мальчикъ на бѣленькой лошаdkѣ въ присутствіи родителей перепрыгиваетъ канаву. Подъ картиной написано: „Le premier obstacle“.

„У третьей стѣны стоятъ три умывальника. Съ лѣваго боку—печка, съ праваго—дверь въ нашу классную. Надъ умывальниками виситъ картина, изображающая скачки. На площади много народу, и тутъ же вы видите какой-то высокій брѣкъ, на которомъ стоятъ расфуфыренные дамы и мужчины: они смотрятъ на скачки. При взглядѣ на эту картину вы непременно подумаете, что если лошади дернуть, то вся компанія должна упасть, кто куда. Подъ картиной тоже какая-то французская надпись, смыслъ которой я никогда не могъ понять.

„На четвертой стѣнѣ три окна. Между первымъ и вторымъ окномъ стоитъ столъ, обитый зеленымъ сукномъ, которое на зиму усердно посыпается нафталиномъ. Между вторымъ и третьимъ—комодъ съ зеркаломъ. Наши окна выходятъ въ садъ. Передъ ними клумбы и дорожки, за ними большой лугъ съ двумя маленькими озерами, въ которыхъ цѣлый день разводятъ концертъ лягушки. На одномъ изъ нихъ два лѣсистыхъ острова. За лугомъ рѣка Руза, притокъ Москвы. За рѣкой стоитъ большая церковь, окрашенная въ розовую краску, а налѣво отъ нея домикъ батюшки.

„Направо отъ церкви большой лугъ, а за нимъ виднѣется деревня Жулино, куда мы разъ ходили подъ сильнымъ ливнемъ и гдѣ укрылись отъ дождя у одной замѣчательно гостепріимной крестьянки Дуни.

„Налѣво отъ церкви водяная мельница, а за нею въ лѣсу Бражниковская церковь. На нашемъ берегу Рузы налѣво отъ оконъ—терасса, а направо, далеко въ лѣсу, виденъ надъ рѣкою большой обрывъ подъ прозваніемъ «Красный Яръ»“.

Какъ видимъ, Князь Олегъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Л. Толстого, но это вліяніе сказалось только на общемъ планѣ и на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ, все же остальное носить на себѣ печать самостоятельности. Помимо Толстого, судя по разбросаннымъ въ разныхъ тетрадяхъ отрывкамъ, на Князя Олега оказали также вліяніе Тургеневъ и Гончаровъ, однако и тутъ вліяніе ограничивалось только стилемъ, а не приводило къ слѣпому подражанію.

Между прочимъ, въ 1906—1907 учебномъ году Князь Олегъ много работалъ по математикѣ, которая вообще ему давалась не легко. Какъ ни любилъ онъ словесные предметы и, въ частности, русскій языкъ и литературу, однако сознаніе долга заставляло его удѣлять не мало вниманія и математикѣ. Этимъ предметомъ занимался съ Княземъ Олегомъ въ послѣдніе годы его учебной жизни извѣстный военный педагогъ, генералъ З. А. Макшеевъ. „Олегъ Константиновичъ“, вспоминаетъ А. М. Максимовъ, „дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы его успѣхи по математикѣ были не ниже

другихъ. И въ концѣ концовъ онъ добился своего. Зато, какъ иногда Князь мучился, когда задача не выходила или теорема не усваивалась. „А вдругъ Захарій Андреевичъ подумаетъ, что я нарочно не приготовился по геометріи, такъ какъ у меня вообще нѣтъ математическихъ способностей“, безпокойно разсуждалъ онъ... Однако „терпѣніе и трудъ“ помогли Его Высочеству преодолевать всякія геометрическія и алгебраическія трудности, и уроки Захарія Андреевича проходили съ такимъ же интересомъ и успѣхомъ, какъ и по наукамъ словеснымъ“.

Въ 1907 году предстояло производство въ офицеры двухъ старшихъ братьевъ Князя Олега, Князей Іоанна и Гавріила Константиновичей. Вполнѣ понятно, что будущая служба братьевъ занимала Князя Олега и была предметомъ постоянныхъ бесѣдъ. И вотъ какъ-то во время этихъ разговоровъ одинъ изъ братьевъ обратился къ Князю Олегу съ вопросомъ: „Ну, а ты, Олегъ, къмъ думаешь быть?“—„Князь“, разсказываетъ воспитатель, „откинулся на спинку стула, немного помолчалъ и сказалъ: „На этотъ вопросъ я отвѣчу тебѣ словами генерала В. А. Шильдера“. И тутъ же припомнилъ слѣдующій случай. Три года тому назадъ Его Высочество въ вагонѣ желѣзной дороги встрѣтился съ директоромъ Псковскаго кадетскаго корпуса, ген. В. А. Шильдеромъ. Зная, что у генерала есть сынъ, мальчикъ лѣтъ 9—10, Олегъ Константиновичъ въ разговорѣ задалъ ему такой вопросъ: „А Вы Вашего сына куда готовите? въ корпусъ?“ На это ген. Шильдеръ отвѣтилъ: „Я его готовлю въ хорошіе люди“. Это воспоминаніе Князь закончилъ словами: „Такъ и я. Прежде всего я хочу быть хорошимъ человѣкомъ. А что будетъ дальше, я не знаю...“ Какъ видимъ, мысль сдѣлаться „хорошимъ человѣкомъ“ была постоянной спутницей Князя Олега, и слова ген. Шильдера крѣпко запали ему въ голову.

Весною 1907 г. воспитатель младшихъ Князей А. М. Максимовъ получилъ новое назначеніе и общее руководство по воспитанію и образованію Князей временно принялъ на себя завѣдывающій Дворомъ Великаго Князя Константина Константиновича штабсъ-ротмистръ А. В. Короченцовъ. 24 мая Князь Олегъ сообщаетъ о происшедшей перемѣнѣ Августѣйшей матери: „Теперь вмѣсто Алексѣя Михайловича у насъ „Саса“. Послѣдній присутствуетъ почти каждый разъ у насъ на одѣваньѣ и раздѣваньѣ, дѣлаетъ съ нами прогулки на велосипедахъ, играетъ въ теннисъ. Онъ взялся насъ отучить отъ трехъ главныхъ привычекъ — кричать за столомъ, трогать и обнимать всѣхъ и дѣлать все время другъ другу замѣчанія. У насъ теперь процвѣтаетъ игра въ теннисъ“.

Въ это лѣто Князь Олегъ опять не увидѣлъ Осташева, но зато ему удалось побывать въ своемъ родномъ корпусѣ, въ Полоцкѣ. 26 августа Великій Князь отбылъ изъ Петербурга для осмотра военно-учебныхъ заведеній и, предполагая навѣстить Полоцкъ, рѣшилъ взять съ собой и полочанина-сына. Вотъ какъ описываетъ пережитыя здѣсь впечатлѣнія самъ Князь Олегъ: „Я хочу Тебѣ написать все съ начала до конца“, пишетъ

онъ Августѣйшей матери 31 іюля—2 августа: „Я сталъ волноваться, когда увидѣлъ изъ окна вагона бѣлую колокольню собора. Вотъ поѣздъ остановился. Мы съ Папа выходимъ на платформу, гдѣ насъ встрѣчаетъ самъ директоръ. Я вытянулся передъ нимъ и сказалъ: „Ваше Превосходительство! честь имѣю явиться по случаю прибытія въ корпусъ“. Потомъ мы съ Папа и директоромъ сѣли въ экипажъ и поѣхали въ корпусъ. Я мысленно повторялъ рапортъ. Вотъ мы выльзаемъ, и меня вводятъ прямо въ 5-ый классъ, 2-ое отдѣленіе (это не нашъ классъ). Папа меня беретъ за шиворотъ и говоритъ кадетамъ: „Вы видали эту фигуру?“ Потомъ меня повели въ нашъ классъ и посадили на скамейку рядомъ съ очень милымъ мальчикомъ по фамиліи Руссетъ. Оказалось, что у насъ идетъ урокъ геометріи... Меня нѣсколько разъ спрашивали. Я за урокомъ все понималъ. Потомъ пошли другіе уроки. Отмѣтокъ въ 1-ый день не было. Когда Папа ушелъ, у меня началось ужасно противное чувство, мнѣ хотѣлось плакать. Это чувство продолжалось два дня. Папа появлялся довольно часто. Вдругъ приходитъ „няня Миша“¹⁾ и говоритъ, что полочане хотятъ, чтобъ я говорилъ имъ „ты“. Я сразу отвѣтилъ, что этого не хочу, такъ какъ Папа и всѣ наши дома этого не хотятъ. — Завтракъ былъ очень вкусный. Меня много предупреждали, что пища у насъ невкусная — я съ этимъ не согласенъ... Кадеты никогда не бываютъ сыты: очень часто видишь кадета въ кровати съ яблокомъ въ рукѣ. — Самое веселое время — сидѣть въ курилкѣ. Въ ней находится гимнастика. Мое любимое мѣсто это придвинутые къ стѣнѣ параллельные брусья. Въ курилку собирается вся рота, и почти всѣ курятъ. Начальство смотритъ на это сквозь пальцы. — Послѣ завтрака у насъ всегда бываютъ разныя прогулки въ монастыри и тому подобныя мѣста. Мы уже были въ подземномъ ходу и видѣли отдѣльную комнату, заваленную костями. Сегодня я былъ въ католической церкви съ цѣлью посмотрѣть ихъ святого, „Боболю“. Хранится преданіе, что это — іезуитъ, убитый нашими казаками во время войны съ Польшей. Его нашли въ торфяныхъ болотахъ. — Послѣ прогулокъ обѣдъ, приготовленіе уроковъ, чай и спанье. Первую ночь я спалъ скверно и заснулъ только подъ утро. Это все произошло съ непривычки спать вмѣстѣ съ пятьюдесятью кадетами въ одной комнатѣ. — Я чувствую, что если буду продолжать письмо, то никогда его не кончу. Цѣлую Тебя и всѣхъ. Мнѣ такъ мало времени для писемъ“.

Въ теченіе недѣли Князь Олегъ былъ въ корпусѣ совершенно одинъ, такъ какъ Великій Князь уѣхалъ на югъ. Къ возвращенію Великаго Князя Князь Олегъ вполнѣ свыкъся съ жизнью корпуса и чувствовалъ себя какъ дома: на перемѣнахъ весело игралъ съ товарищами, на урокахъ отвѣчалъ хорошо и бойко. Между прочимъ, въ корпусѣ ему удалось блеснуть своею способностью къ декламаціи: на одномъ изъ уроковъ онъ такъ выразительно прочелъ „Пророка“ Пушкина, что вызвалъ общее изумленіе.

¹⁾ Ген. Драшковскій.

7 сентября Великій Князь отбылъ изъ Полоцка. Полочане, среди которыхъ находился и Князь Олегъ, съ оркестромъ музыки отправились строемъ на вокзалъ, куда скоро прибылъ въ экипажѣ съ директоромъ корпуса и Великій Князь. Обойдя строй и милостиво разговаривая, Великій Князь взялъ своего сына, простился съ корпусомъ и подъ звуки преображенскаго марша покинулъ Полоцкъ.

Поѣздка въ Полоцкъ имѣла для Князя Олега значеніе и въ томъ отношеніи, что во время ея онъ ближе познакомился съ будущимъ своимъ воспитателемъ, адъютантомъ Великаго Князя, Н. Н. Ермолинскимъ, который оказалъ на Князя большое вліяніе и съ которымъ, какъ увидимъ дальше, его связало впослѣдствіи чувство глубокаго уваженія, любви и дружбы. 27 марта 1908 г. онъ пишетъ сестрѣ: „Я уже раньше думалъ, хорошо ли было бы, если бы Е. былъ у насъ воспитателемъ, и рѣшилъ, что это было бы хорошо“. Въ этомъ же письмѣ сказалось и то волненіе, которое обычно испытывалъ Князь при перемѣнахъ въ воспитательскомъ составѣ. „У меня всегда бывало такое непріятное чувство, что если я люблю новаго воспитателя, то я этимъ обижаю бывшаго. Это очень трудно объяснить“...

Дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1908 года общее руководство по воспитанію и образованію Князей Константина, Олега и Игоря Константиновичей перешло къ Н. Н. Ермолинскому. Для Князя Олега начинался новый періодъ жизни.

Спальня Князя Олега Константиновича
въ Осташевѣ.

Павловскій дворець.

1908—1913

Весною 1908 года въ Мраморномъ дворцѣ состоялось совѣщаніе лицъ воспитательскаго и преподавательскаго состава. Совѣщанію предстояло намѣтить планъ занятій на слѣдующій 1908—1909 учебный годъ въ связи съ выясняющимися все болѣе и болѣе личными наклонностями каждаго изъ Августѣйшихъ воспитанниковъ. Относительно Князя Олега члены совѣщанія единодушно указали, что онъ крайне чуткій, воспріимчивый, любознательный и работоспособный ученикъ. Излюбленными предметами для него являются русская литература, исторія, отечествовѣдѣніе, рисованіе и музыка. Въ этихъ областяхъ онъ страстно жаждетъ новыхъ знаній и готовъ работать до изнеможенія.

Когда совѣщаніе перешло къ выработкѣ самаго плана занятій, то было высказано пожеланіе оставлять въ расписаніи нѣсколько часовъ совершенно свободными, такъ какъ Августѣйшіе ученики при настоящемъ положеніи дѣлъ лишены какой бы то ни было самодѣятельности: все время имъ стремятся оказать помощь въ томъ или другомъ направленіи, весь день

распределенъ по получасамъ, такъ что отдаваться самостоятельно любимымъ занятіямъ некогда.

Новая воспитательная система поставила себѣ вполне опредѣленные задачи: „Съ сотню лѣтъ тому назадъ“, читаемъ въ одной запискѣ, поданной Великому Князю, „жизнь текла спокойно и медленно. Баринъ-вотчинникъ, выѣзжая, напримѣръ, по дѣламъ въ столицу, уже за мѣсяцъ до отъѣзда начиналъ собираться: вытаскивались съ антресолей сундуки; красились форейторскія сѣдла; неторопливо обдумывались порученія, покупки и тутъ же записывались ровнымъ, спокойнымъ почеркомъ... Потомъ шла длинная, безконечная дорога, подолгу останавливались на почтовыхъ станціяхъ и терпѣливо ожидали переменны лошадей или починки экипажа... Во всемъ, что дѣлалось, не было замѣтно ни тѣни торопливости: художники просиживали надъ картиной по 30 лѣтъ; писатели писали б-томные романы; переписчики сами себѣ точили перья, прежде чѣмъ покрывать чистый листъ мелкимъ и вычурнымъ почеркомъ; сѣнныя дѣвушки пряли и ткали въ ручную подъ аккомпанементъ пѣсенъ. Повсюду шла работа прочная, но медлительная... Въ наши дни, чтобы собраться въ путешествіе на край свѣта, достаточно часа. Изъ окна летящаго съ головокружительною скоростью поѣзда или мотора вы не успѣваете различить окрестности. Остановки на станціяхъ уже рѣдкость. Усадебной жизни почти нѣтъ. Помѣстья смѣнены дачами и курортами. Художники на полотнѣ успѣваютъ давать только настроенія или впечатлѣнія отъ природы. Литература съ б-томнаго романа перешла на коротенькую повѣсть. Гусиное перо смѣнилось пишущей машинкой, письмо — телефономъ, ручная работа — фабричнымъ производствомъ, и все человѣчество торопится, летитъ, какъ будто продолжительность его жизни сократилась на три четверти“.

Этотъ быстро несущійся потокъ жизни въ связи съ усложнившимися общественными и экономическими условіями, въ связи съ борьбой различныхъ классовъ между собою, несомнѣнно, долженъ былъ ставить воспитанію Князей новыя задачи. „Прежде всего“, читаемъ въ той же запискѣ, „нельзя забывать, что Ихъ Высочества переступаютъ порогъ юности съ особыми правами и при наличности особо благоприятныхъ условій существованія. Со дня совершеннолѣтія имѣя почти всѣ русскіе знаки отличія и съ этихъ же поръ вполне обеспеченные матеріально, они не только могутъ, но, по словамъ Императора Николая I, обязаны оправдать въ глазахъ Монарха и народа свои исключительныя права и привилегіи. Вѣдь, они стоятъ такъ высоко, такъ на виду, что вся Россія знаетъ ихъ жизнь, повторяетъ ихъ слова, даже часто слѣдуетъ ихъ примѣру... Кто, какъ не они, при наличности матеріальной обеспеченности и всѣхъ знаковъ отличія, полученныхъ еще въ юности, можетъ явиться для Государя „безъ лести преданнымъ“? Кто, какъ не они, такъ высоко стоящіе надъ толпою, обязаны явить собою примѣръ людей, окупившихъ громадныя

дарованныя имъ права еще большими великими дѣлами? Общество ждетъ отъ нихъ этого и надѣется“.

Новому завѣдующему дѣломъ воспитанія казалось, что Князьямъ вслѣдствіе особыхъ условій ихъ уклада жизни не хватаетъ знанія Россіи въ ея цѣломъ, не хватаетъ ясныхъ и твердыхъ отвѣтовъ на многіе запросы времени, не хватаетъ, наконецъ, можетъ быть, воли. Въ самомъ дѣлѣ, лишены они не знаютъ, толпы близко не видятъ, а съ окружающими людьми столкновений обычно не испытываютъ, горячихъ споровъ не ведутъ. Всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства рѣшено было, по возможности, устранить или смягчить.

Что касается классной, будничной работы, то на совѣщаніи преподавателей было рѣшено прежде всего оживить ее устройствомъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, спектаклей и лѣтнихъ экскурсій. Всѣ эти пожеланія нашли немедленное осуществленіе. Уже 21 мая 1908 года въ Павловскомъ дворцѣ состоялся первый дѣтскій спектакль, въ которомъ приняли участіе Князь Константинъ, Олегъ и Игорь Константиновичи, Княжна Татьяна Константиновна и И. П. Пѣшкова. Представлена была старинная пьеса въ стихахъ Хмѣльницкаго „Свѣтскій случай“. Готовились къ спектаклю очень старательно. Князь Олегъ игралъ роль гусара Рамірскаго, былъ необыкновенно счастливъ носить красивый мундиръ и лихорадочно изучалъ роль. Спектакль сошелъ настолько успѣшно, что полторы недѣли спустя, 30 мая, былъ повторенъ въ Высочайшемъ присутствіи.

Вскорѣ послѣ этого Королева Эллиновъ Ольга Константиновна и вся Великокняжеская семья, за исключеніемъ Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны и двухъ ея младшихъ дѣтей, отправились въ путешествіе по Волгѣ. Во время этой поѣздки посѣщены были: Тверь, Угличъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ, Ярославль, Ростовъ Великій, Кострома, Нижній Новгородъ, Владиміръ, Суздаль и Москва, причемъ путь былъ совершенъ отъ Твери до Нижняго на пароходѣ по Волгѣ, затѣмъ отъ Нижняго до Москвы по желѣзной дорогѣ, а отъ Владиміра до Боголюбова и Суздаля на лошадахъ.

Путешествіе произвело на Князя Олега глубокое впечатлѣніе. Вся старая дореформенная Русь глянула ему въ глаза, плѣнилъ его воображеніе религіозностью, забытыми формами и оригинальными сочетаніями красокъ. В. Т. Георгіевскій, сопровождавшій Высокихъ путешественниковъ и впервые здѣсь встрѣтившійся съ Княземъ Олегомъ, рассказываетъ, что его поразила неистощимая любознательность и хорошая подготовка Князя, какъ историческая, такъ и художественная. Все останавливало вниманіе юнаго путешественника: мѣстныя святыни, стѣнопись, рѣзьба старинныхъ иконостасовъ, царскихъ дверей, сѣней и царскихъ мѣстъ, церковная утварь, цвѣтные изразцы и т. д. Особенно тщательно былъ осмотрѣнъ Ростовскій кремль съ его башнями и длинными переходами, съ его обширнымъ музеемъ, и Романовскія палаты въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Полюбовавшись красотой Нижняго Новгорода и помолвившись у гробницъ Минина и Пожарскаго, путешественники отправились въ столицу Великаго княжества Владимірскаго, древнестольный Владимірь, куда прибыли рано утромъ. Всѣ еще спали, и вагонъ былъ отцѣпленъ и поставленъ на запасный путь. По словамъ В. Т. Георгіевскаго, съ мѣста стоянки были видны и высокій холмъ, на которомъ раскинулся Владимірь, и древніе владимірскіе соборы съ золочеными главами, и высокіе валы, широкой лентой опоясывающіе городъ. Когда В. Т. Георгіевскій вышелъ на площадку вагона, онъ неожиданно встрѣтилъ Князя Олега. На вопросъ, почему онъ не спитъ, Князь Олегъ воскликнулъ: „Да какъ же можно спать при видѣ такой красоты!“ И онъ сталъ засыпать своего собесѣдника вопросами: съ какой стороны подошли къ Владиміру татары въ 1237 году? можно ли видѣть то мѣсто, гдѣ они прорвались въ городъ? какъ было устроено въ древности укрѣпленіе города? и т. п.

Рано утромъ всѣ путешественники уже были въ Успенскомъ соборѣ и любовались его архитектурой. Послѣ молитвы у раки великаго князя Георгія, они поднялись на хоры, гдѣ въ 1237 году искала спасенія вся великокняжеская семья. Здѣсь, какъ извѣстно, всѣ члены семьи Великаго Князя вмѣстѣ съ женами и дѣтьми владимірскихъ гражданъ были задушены дымомъ и зноемъ костровъ, разведенныхъ въ храмѣ татарами. Князь Олегъ внимательно прочелъ надписи по стѣнамъ — отрывки изъ Ипатьевской лѣтописи 1237 года, подробно описывающіе это событіе, — и какъ-то, по словамъ очевидца, особенно затихъ: яркій румянецъ говорилъ о сильномъ волненіи, а глаза были полны слезъ. Когда всѣ ушли въ ризницу, онъ спросилъ В. Т. Георгіевскаго, гдѣ похоронены всѣ погибшія княгини, и затѣмъ скрылся. Черезъ нѣсколько времени В. Т. Георгіевскій его нашелъ стоящимъ на колѣняхъ у гробницы погибшаго великокняжескаго семейства: онъ тихо молился передъ образомъ, вставленнымъ въ верху аркосолія. „Мерцающій свѣтъ цвѣтной лампы“, рассказываетъ В. Т. Георгіевскій, „среди полумрака древняго собора одинокая колѣнопреклоненная фигура Князя надолго врѣзались мнѣ въ память... Я не хотѣлъ мѣшать его молитвѣ... Отступивъ въ глубь храма, я видѣлъ затѣмъ, какъ Олегъ Константиновичъ подошелъ къ гробницѣ великаго князя Юрія Всеволодовича и еще разъ склонился предъ его мощами и надолго припалъ своей головой къ рукамъ святого страдальца за землю русскую, какъ бы прося его благословенія“...

Въ этотъ же день были подробно осмотрѣны историческія Золотыя ворота, гдѣ происходила битва владимірскихъ князей съ татарами. Князь Олегъ, по-прежнему взволнованный, взбирался по древней лѣстницѣ внутрь стѣны Золотыхъ воротъ, на остатки помоста вверху воротъ, съ котораго въ древности лили кипятокъ, сыпали камни и пускали стрѣлы въ осаждавшихъ враговъ, внимательно разсматривалъ уцѣлѣвшія гнѣзда для балокъ этого помоста и, видимо, желалъ возможно яснѣе представить себѣ картину боя съ татарами.

Къ сожалѣнію, въ дневникахъ Князя Олега нѣтъ свѣдѣній объ этомъ путешествіи, а писемъ его за время поѣздки въ нашемъ распоряженіи только два, оба къ Августѣйшей матери. Одно изъ нихъ написано 1 іюня: „Сейчасъ отходимъ изъ Борисоглѣбска. Тутъ очень красивый соборъ. Твое порученіе Е. передали. Больше писать нѣтъ времени. Цѣлую“. Другое, болѣе обстоятельное, послано изъ Нижняго Новгорода 4 іюня. Въ немъ находятся нѣкоторыя довольно любопытныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ пребыванія въ Костромѣ. Вотъ что пишетъ Князь Олегъ: „Надѣюсь, что Ты получила мою почтовую карточку, которую я написалъ изъ Борисоглѣбска. Мы вчера были въ Костромѣ... Когда мы вышли изъ собора, толпа стала насъ страшно жать и толкать. Мы еле-еле пробрались. Меня вытащили изъ толпы полицейскіе и какой-то священникъ. При всемъ этомъ лошади горячились и не хотѣли итти. Потомъ мы уже стали ходить за руку, чтобы насъ другъ отъ друга не оторвали.— Теперь вокругъ парохода летаютъ чайки, и мы ихъ кормимъ хлѣбомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ ловятъ хлѣбъ на лету. Наша каюта находится между Татьяниной и М-ле Бальтадзи. Когда мы утромъ просыпаемся, то стучимъ другъ другу и разговариваемъ. Съ нами изъ Твери ѣдетъ археологъ Ивановъ, котораго, кажется, весь пароходъ очень полюбилъ... Въ Ярославлѣ былъ обѣдъ у губернатора, за которымъ я себя ужасно чувствовалъ. Мнѣ очень хотѣлось спать, меня тошнило и болѣла голова. Но удивительно, что, когда встали изъ-за стола, у меня сразу все стало проходить. На другой день только иногда у меня было чувство, что меня тошнить. — Какъ поживаютъ маленькіе? Мы послѣдній день на пароходѣ, такъ какъ сегодня будемъ въ Нижнемъ. До свиданія, милая Мать! Тутъ очень весело! Цѣлую тебя“.

Вскорѣ послѣ возвращенія Великокняжеской семьи въ Осташево Князь Олегъ, находясь подъ впечатлѣніемъ поѣздки и видѣнной имъ въ Москвѣ извѣстной Рѣпинской картины „Убіеніе Іоанномъ Грознымъ сына“, задумываетъ свое первое драматическое произведеніе, въ которомъ старается выяснить себѣ душевныя переживанія Грознаго, предшествовавшія кровавой драмѣ. Подготавливается онъ къ этой большой работѣ чрезвычайно обстоятельно, не прибѣгая, по своему обыкновенію, ни къ чьей посторонней помощи: роется въ библіотекахъ, книгахъ, дѣлаетъ выписки и т. п. Работа тѣмъ не менѣе не дается и выходитъ очень слабой. Это его раздражаетъ, но онъ долго не расстаётся со своимъ замысломъ, дѣлая одинъ набросокъ за другимъ.

Къ тому же приблизительно времени относятся и первыя мечты Князя Олега о романѣ, который онъ начинаетъ фактически писать только спустя три года подъ заглавіемъ „Вліянія“. Осенью 1908 года онъ намѣчаетъ общій планъ произведенія, но на этомъ дѣло и останавливается: вскорѣ приходится переѣзжать въ Павловскъ, начинается учебная работа, и жажда литературнаго творчества у Князя Олега находитъ себѣ удовлетвореніе лишь въ писаніи мелкихъ стихотвореній. Большинство ихъ не отдѣлано и имѣетъ далеко не совершенную форму.

Стихотворныя произведенія, какъ мы уже говорили, Князю Олегу вообще не давались, хотя онъ и написалъ ихъ въ теченіе своей короткой жизни около 70. На поляхъ тетрадей, являющихся живымъ доказательствомъ его упорства въ обработкѣ стиховъ, порою попадаются замѣтки, въ которыхъ чувствуются „муки слова“. Въ одной изъ этихъ замѣтокъ читаемъ:

„Мнѣ говорятъ, что нѣтъ порыва
Въ моихъ бессмысленныхъ стихахъ;
Меня бранятъ, что некрасива
Моя разнузданность въ слогахъ“.

Въ другомъ мѣстѣ наталкиваемся на такія строки:

„И хочется писать, да нѣтъ умѣнья;
И хочется умѣть, да нѣтъ терпѣнья;
Сидишь, корпишь—анъ, нѣтъ и вдохновенья“.

Однако окончательно Князь Олегъ опытовъ своихъ не бросалъ.

Въ началѣ октября 1908 года въ Павловскѣ были устроены первые историческіе вечера, имѣвшіе цѣлью ознакомить молодыхъ Князей съ русскимъ творчествомъ до-петровской эпохи въ различныхъ областяхъ: въ архитектурѣ, живописи и иконописи, въ музыкѣ и литературѣ. Вечера эти проходили при любезномъ участіи Я. Л. Барскова, П. Г. Васенки, В. Т. Георгіевскаго, С. Н. Гладкой, Н. А. Ершова, М. Д. Каменской, Н. Н. Кедрова, Н. К. Кульмана, А. М. Миклашевскаго, Ю. Э. Озаровскаго, Н. Н. Привалова, В. И. Петрова, Е. П. Петровой, С. Э. Платонова, М. А. Поліевктова, А. П. Сабуровой, Л. А. Саккетти, А. Э. Штейна, хора г. Смолена, хора старообрядцевъ-поморовъ и хора пѣвчихъ Л. Гв. 1-го Стрѣлковаго полка. Въ одномъ изъ вечеровъ принялъ личное участіе Августѣйшій хозяинъ Павловска, Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

Историческіе вечера живо заинтересовали Князя Олега. Съ одной стороны было нарушено нѣсколько однообразное теченіе жизни дворца, съ другой—передъ его глазами въ связной картинѣ стала воскресать многообразная жизнь древней Руси, все болѣе и болѣе его увлекавшая.

Всѣхъ вечеровъ состоялось пять: первый, 18 октября, былъ посвященъ эпохѣ до 1237 года; второй, 29 ноября,—эпохѣ до 1480 года; третій 20 декабря,—до 1489 года; четвертый, 10 января,—до 1584 года, и пятый, 24 января,—до 1689 года. Программы и ноты этихъ вечеровъ, а также отчеты о нихъ хранятся до сихъ поръ въ библиотекѣ Павловскаго дворца.

11 января 1909 года въ тронномъ залѣ дворца состоялся въ Высочайшемъ присутствіи спектакль, во время котораго были исполнены: „Сцена въ кельѣ Чудова монастыря“ и пьеса Б. М. Маркевича „Дважды весны не бываетъ“. Участниками первой сцены были Князь Олегъ и Игорь Константиновичи, причемъ первый игралъ Пимена. Трудно было болѣе войти въ роль лѣтописца, чѣмъ это сдѣлалъ 16-лѣтній юноша, почти мальчикъ.

Онъ забылъ все окружающее, перевоплотился въ глубокаго старца и, зная роль на зубокъ, игралъ, какъ говорятъ актеры, „нутромъ“, поражая публику вѣрностью жестовъ и интонацій. Только свѣжій, молодой голосокъ напоминалъ, что подъ строгимъ аскетическимъ видомъ „душой въ минувшемъ погруженнаго“ монаха, скрывается артистъ юноша.

Князья были очень обрадованы, когда узнали, что вслѣдъ за этимъ, такъ удачно сошедшимъ, спектаклемъ предполагается новый: въ апрѣлѣ должно было состояться празднованіе серебряной свадьбы Великаго Князя и Великой Княгини, и потому рѣшено было дать Князьямъ случай еще разъ выступить на сценѣ. Репетиціи къ этому спектаклю начались еще въ мартѣ и внесли въ жизнь Князей не мало оживленія. Въ пьесѣ П. С. Соловьевой „Свадьба солнца и весны“, предположенной къ постановкѣ, принимало участіе до 50 дѣтей. Почти каждый вечеръ собирались они во дворцѣ, принося съ собой жизнерадостность, веселье, шумъ и возню. Чинныя стѣны дворца рѣдко видѣли у себя такой цвѣтникъ молодости, какой появился въ эти дни.

Князь Олегъ въ связи съ спектаклемъ пережилъ рядъ настроеній, о которыхъ онъ подробно говоритъ въ своемъ дневникѣ 19 апрѣля:

„Вчера состоялся спектакль. Главныя роли Солнца и Весны исполняли Татьяна и Костя, роль зимняго вѣтра взялъ на себя Игорь, а я вышелъ въ роли весенняго дождя. Кромѣ этихъ представителей весны и зимы было множество ролей, какъ яблони, сирень, жаворонки, головастики, ласточки, снѣжинки и разные цвѣты. Всѣ были одѣты въ очень красивые костюмы. Еще 12 апрѣля, въ воскресенье, была сдѣлана генеральная репетиція. Она сошла очень слабо, такъ что между днемъ самаго спектакля и генеральной репетиціей пришлось опять повторить пьесу, которая на этотъ разъ сошла лучше. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали 17-аго числа, когда должно было состояться представленіе. Вотъ наступилъ, наконецъ, этотъ день, и съ двѣнадцатичасовымъ поѣздомъ стали собираться всѣ актеры. Папа и Мама пригласили къ спектаклю Государя, Государыню, Наслѣдника и Великихъ Княженъ. Всѣ поочередно подходили къ намъ, спрашивая, будутъ ли Ихъ Величества, и я всѣмъ отвѣчалъ: „Будутъ“, такъ какъ зналъ, что Государь любитъ разныя представленія. Мало по малу всѣ актеры надѣли свои костюмы и, когда все было готово, вышло приказаніе стать за кулисы. Выходъ зимняго вѣтра и танецъ снѣжинокъ долженъ былъ совершиться подъ музыку, а мнѣ, весеннему дождю, надо было мелодекламировать. Но вдругъ я узналъ, что нашего музыканта, А. М. Миклашевскаго, еще нѣтъ, и, можетъ быть, придется начать безъ него. Всякій пойметъ волненіе, охватившее меня при этомъ извѣстїи. Начались томительныя минуты ожиданья... Я нѣсколько разъ выбѣгалъ изъ-за кулисъ, чтобы узнать, прїѣхалъ ли Миклашевскій, но всегда получалъ отрицательный отвѣтъ. Откуда-то пришло извѣстіе о прибытіи Государя во дворецъ, которое шопотомъ передавалось отъ актера къ актеру. До поднятія занавѣса оставалось пять минутъ. Я почти съ отчаяніемъ

выбѣжалъ послѣдній разъ изъ-за кулисъ, чтобы узнать о прибытіи Миклашевскаго, и вдругъ съ радостнымъ лицомъ входитъ М. Н. Бухаринъ и объявляетъ: „Миклашевскій пріѣхалъ!“ У меня какъ камень съ сердца свалился. Въ эту минуту я былъ бы въ состояніи отъ радости заплакать, броситься на шею къ Михаилу Николаевичу ¹⁾ или сдѣлать что-нибудь другое, невозможное... Возвратившись на сцену, я, конечно, не замедлилъ объявить радостную вѣсть. Съ минуты на минуту долженъ былъ войти въ залу Государь. Все на сценѣ было тихо. Изрѣдка слышался шопотъ нѣкоторыхъ актеровъ и шушуканье другихъ. Въ это время мы услышали шаги приближающагося Царскаго семейства, и загремѣла „Слава“. У всѣхъ насъ отъ высокаго наслажденія слышать эту русскую пѣсню, отъ чувства преданности Государю, который находился тутъ же рядомъ и слушалъ ту же „Славу“, и отъ волненія передъ игрой забѣгали мурашки по кожѣ. Сдѣлалось холодно... Забренчали балалайки и полились звуки нашихъ родныхъ русскихъ пѣсенъ. Куда я ни смотрѣлъ въ это время въ кулисы, гдѣ толпились играющіе, вездѣ видѣлъ актеровъ, отбивающихъ тактъ. Это дѣлалось какъ-то машинально. Послышались послѣдніе аккорды балалайки. Вотъ сейчасъ поднимется занавѣсъ. Всѣ начали креститься. Сестра и я внутренно молились. Раздался шумъ, и занавѣсъ поднялся. Первая снѣжинка заговорила:

„Отчего намъ стало скучно?“

„Вторая ей отвѣтила:

„Что-то неблагополучно“.

„И вотъ пьеса пошла. Раздались аккорды, подъ которые долженъ былъ выбѣжать вѣтеръ, и вотъ вылетаетъ съ шумомъ Игорь, и я слышу, какъ онъ увѣренно и громко говорить:

„Пути мои далеки
Я надуваю щеки,
Лечу, лечу, лечу“...

„Въ это время особой машиной изображается шумъ вѣтра. Игорь забѣгаетъ на холмъ и кричить:

„Пляшите же, сестренки,
Кружитесь предо мной!
Я научу васъ шмыгать,
Валетать, кружиться, прыгать.
Я—братъ вашъ ледяной!“

„Послѣ этихъ словъ снѣжинки начали одна за другой бѣгать по сценѣ подъ очень красивую музыку. Я слышу, что раздаются послѣдніе аккорды;

¹⁾ М. Н. Бухаринъ.

сейчас мнѣ надо будетъ выходить. На меня вдругъ налетаетъ какое-то торжественное настроеніе весенняго дождя... Я расправляю руки, съ которыхъ падаютъ зеленовато-серебряныя ленты на подобіе воды, и выхожу тихо и медленно на сцену. Все залито зеленоватымъ свѣтомъ. Сначала я останавливаюсь у дерева... и смотрю въ ряды. Вотъ сидитъ Государь въ стрѣлковомъ мундирѣ, Государыня и на ея колѣняхъ—маленькій Наслѣдникъ. Мама нагнулась къ Государынѣ и что-то шепчетъ. Она меня не видитъ. Вотъ она откинулась, замѣтила меня и какъ будто вздрогнула. Все это, конечно, произошло въ одно мгновеніе. Я иду впередъ и говорю подъ музыку:

„Я къ вамъ иду, иду я къ вамъ!“

„Я краснѣю, чувствуя близость Государя, котораго немного вижу.
„Вотъ дошла очередь до моего любимаго мѣста, которое я стараюсь сказать повышеннымъ голосомъ:

„Мои струи сольются съ вами,
И надъ полями и лугами
Мы вознесемъ къ небесамъ“...

„Въ это время я всегда чувствовалъ, будто бы я дѣйствительно вознесся высоко въ голубое небо. Тотъ, кто бывалъ въ деревнѣ, пойметъ меня, если я скажу, что у меня было чувство „деревенское“, которое бываетъ въ деревнѣ въ хорошую лѣтнюю пору.

„Кромѣ этихъ стиховъ, я очень любилъ мои послѣднія слова, послѣ которыхъ долженъ былъ выйти Костя ¹⁾ (Солнце). Обращаясь къ вѣтру, я говорю:

„Но погляди: за мною
Лазурною тропею
Идетъ великій вождь!“

„Въ это время вышло Солнце въ золотомъ костюмѣ, и въ рядахъ пошелъ шопоть. Послѣ длинной рѣчи, которую оно говоритъ, я ухожу за кулисы...

„На представленіи за кулисами было очень тѣсно. Кромѣ актеровъ, тамъ стояли еще рабочіе, которые поднимали на блокахъ заднюю движущуюся декорацию. Татьяна, Игорь, Старицкій, Мухановъ и я были сценаріусами. И такъ, мнѣ надо было толкаться между рабочими и актерами, чтобы всѣхъ во-время послать на сцену. Въ эти минуты я бывалъ всегда ужасно злымъ, такъ какъ приходилось толкать всѣхъ, торопить всѣхъ, отвѣчать на глупые вопросы всѣмъ и т. д. Я даже поругался съ „сиренью“, съ которой, конечно,

¹⁾ Князь Константинъ Константиновичъ.

мы помирились послѣ представленія. Она мнѣ говоритъ: „Олегъ Константиновичъ, ради Бога, уйдите отсюда, вы мнѣ ужасно мѣшаете!“ Черезъ нѣсколько мгновений она мнѣ еще что-то сказала, а я ей отвѣтилъ: „Да бросьте ко мнѣ приставать!“ Но, въ сущности, она была права, такъ какъ я имѣ ужасно мѣшалъ.

„У насъ, какъ я уже писалъ, въ роли яблонь играли двѣ дѣвочки — Шидловская и Зернина. Мы ихъ всегда очень изводили и спрашивали, кто изъ нихъ древо познанія добра и кто—древо познанія зла. Обѣ отвѣчали, что онѣ древо познанія зла. Я очень любилъ ихъ выходъ. Шидловская начинаетъ:

„Бѣлорозовый цвѣтъ
Мы тебѣ принесли“...

„Зернина продолжаетъ:

„Ты прими нашъ привѣтъ,
Солнце, радость земли!“

„Первую мы всегда дразнили, называя ее „бѣлорозовой“. Вотъ и она вышла. Вышла также прелестная ласточка, которую изображалъ Мухановъ. Вскорѣ послѣ того появились и двѣ маленькія бабочки. Послѣ словъ ласточки:

„Меня послала къ вамъ весна
Сказать, что здѣсь всѣхъ ждетъ она“,

„Солнце говорить:

„Скорѣй сплетайтесь въ хороводъ:
Она пришла! Она идетъ!“

„Въ это время вышла Татьяна подъ звуки великолѣпной музыки, протягивая обѣ руки къ Солнцу. Въ своемъ нарядѣ она была очень красива. Всѣ дѣйствующія лица подходятъ къ ней поодионокѣ и говорятъ привѣтствія. Пьеса кончается словами Солнца:

„Все, что сказкой называется,
Все свершится, все свершается
Въ царствѣ Вѣчнаго Отца“.

„Занавѣсъ падаетъ. Всѣ въ одно мгновенье становятся въ живую картину, и онъ поднимается во второй разъ.

„Въ общемъ, представленіе сошло хорошо, и публика была очень довольна. Послѣ этого играли французскіе актеры Andrieu и Paul Robert очень смѣшную пьесу, читала стихи Стрѣльская, и было еще нѣсколько номеровъ. Мнѣ приходилось еще участвовать въ двухъ живыхъ картинахъ въ роли альтен-

бургской невесты и Великой Княжны Екатерины Павловны. Первая картина представляла сватовство русских витязей съ альтенбургскими крестьянами, а вторая — семью Императора Павла Петровича.

„По окончаніи спектакля Папа, Мама и всѣ приглашенные собрались въ картинной галлерей и ждали шествія цвѣтовъ, жуковъ, птицъ и другихъ участвовавшихъ въ первой пьесѣ. Всѣ они съ цвѣтами въ рукахъ проходили мимо Папа и Мама, причемъ клали цвѣты у ихъ ногъ. Самые маленькіе продѣлывали это настолько смѣшно, что всѣ улыбались. Въ ногахъ Папа и Мама лежала цѣлая куча чудныхъ цвѣтовъ. По окончаніи шествія всѣхъ позвали обѣдать. Въ шести залахъ стояли круглые столы, за которыми сидѣли дѣти, ихъ матери и много другихъ приглашенныхъ. Намъ, т. е. Татіанѣ, Костѣ и мнѣ, хотѣлось устроить такой столъ, чтобы никого изъ большихъ за нимъ не сидѣло, а сидѣли бы только мы и самая симпатичная дѣти...

„Въ концѣ обѣда мы устроили депутацію отъ каждаго стола, которая должна была подходить по очереди къ Папа и Мама съ бокалами шампанскаго и поздравлять ихъ отъ имени сидящихъ. Въ особенности было мило, когда маленькій Лейхтенбергскій въ костюмѣ подснѣжника подошелъ къ Папа и съ самымъ серьезнымъ видомъ сказалъ ему: „Ваше Высочество! нашъ столъ поздравляетъ Васъ съ серебряной свадьбой!“

„Вскорѣ всѣ задвигали стульями, и надо было прощаться. Это всегда такъ грустно! за эти репетиціи и представленіе всѣ такъ сошлись, всѣмъ было такъ весело! И вотъ теперь все это кончилось и кончилось навсегда! Всѣ побѣжали переодѣваться, чтобы поспѣть на экстренный восьмичасовой поѣздъ. Я бѣгу на квартиру къ Н. Н. Ермолинскому, чтобы тоже переодѣться, и встрѣчаю тамъ Макса. Мы съ нимъ очень подружились за послѣднее время. Я его схватилъ, поцѣловалъ и сказалъ: „Спасибо тебѣ, Максъ, что ты такъ помогалъ намъ и что такъ хорошо исполнилъ свою роль!..“

„Я побѣжалъ на большой подѣздъ, откуда всѣ отъѣзжали. Гости говорили, что имъ тоже жалко, что все кончилось. Меня одна дѣвочка даже остановила и сказала: „Кланяйтесь Татіанѣ Константиновнѣ, Константину Константиновичу и Игорю Константиновичу, скажите имъ, что было очень весело и поблагодарите ихъ!“

„Всѣ уѣхали. Я пошелъ въ залу, гдѣ стоитъ наша сцена, и показалось мнѣ, что тутъ сдѣлалось такъ грустно. Я взошелъ на подмости. Вездѣ беспорядокъ. Лежатъ декораціи, стружки, стулья. Между мусоромъ я нашель вѣтку какого-то цвѣтка, кажется, вѣтку одной изъ яблонь. Я улыбнулся, поднялъ ее и ушелъ“.

Какъ видимъ, спектакль доставилъ Князю Олегу много очень яркихъ впечатлѣній.

Между тѣмъ подходили лѣтнія каникулы, и снова пришлось думать объ экскурсіяхъ. Прошлогондя поѣздка по Волгѣ при всей своей поэтичности

имѣла одинъ крупный недостатокъ: на ней былъ отпечатокъ чего-то официальнаго. Во время этой парадной поѣздки, среди шумныхъ встрѣчъ, привѣтственныхъ рѣчей и торжественныхъ обѣдовъ, Князья не могли ознакомиться съ будничной жизнью народа. Вотъ почему рѣшено было этотъ недостатокъ исправить и совершить путешествіе съ Князьями въ такой обстановкѣ, которая нисколько не ставила бы ихъ въ исключительное положеніе. Для этого, по окончаніи весеннихъ повѣрочныхъ испытаній, въ первыхъ числахъ мая Князья Олегъ и Игорь Константиновичи въ сопровожденіи полковника Н. Н. Ермолинскаго выѣхали безъ всякаго предупрежденія мѣстныхъ властей по Николаевской дорогѣ до станціи Волховъ. Тамъ, оставивши вещи на станціи, путешественники отправились пѣшкомъ правымъ берегомъ Волхова въ бывшее имѣніе гр. Аракчеева „Грузино“, отстоящее отъ станціи въ 14 верстахъ. Прошли они туда, съ остановками, въ 4 часа времени. Въ Грузинѣ осмотрѣли домъ и всѣ историческія достопримѣчательности, позавтракали и послѣ небольшого отдыха вернулись на пароходъ обратно. Почти одновременно съ возвращеніемъ Князей къ станціи „Волховъ“ со стороны Петербурга подошелъ поѣздъ, на которомъ прибыла Княжна Татіана Константиновна въ сопровожденіи фрейлины Т. В. Олсуфьевой и В. Т. Георгіевскаго. Обѣ партіи экскурсантовъ соединились и на зафрахтованномъ пароходѣ предприняли поѣздку въ Новгородъ, Званку, Нередицу, Хутынъ и Юрьевъ монастырь. Погода за все время поѣздки стояла великолѣпная, и, такъ какъ мѣстами удавалось соблюдать строжайшее инкогнито, то все путешествіе оставило по себѣ наилучшія воспоминанія. Въ письмѣ, посланномъ послѣ возвращенія изъ поѣздки къ одному изъ любимыхъ преподавателей, П. Г. Васенкѣ, Князь Олегъ пишетъ:

„Новгородъ и всѣ его окрестности мнѣ очень понравились. Почти вездѣ мы были инкогнито. По правдѣ сказать, монахи, за исключеніемъ одного, произвели на насъ всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Игорь и я завѣдывали поочередно расходами. Мнѣ, какъ простому путешественнику, приходилось давать на чай священникамъ-монахамъ, которые очень радовались всякому лишнему рублю. Конечно, они — люди бѣдные, но моя сестра Татіана сказала мнѣ, что если бы она была монахомъ, то не взяла бы деньги. Думаю, что и я поступилъ бы такъ же. Да и на видъ монахи не были похожи на монаховъ. Въ прошлогоднемъ путешествіи мы видѣли лицевую сторону медали, теперь же обратную. Я дѣлалъ замѣтки на счетъ каждаго монастыря, записывая его древности. Такъ, въ монастырѣ Антонія Римлянина В. Т. Георгіевскій нашелъ икону съ 4-мя святыми: Годунова, Царицы, Θεодора и Ксеніи. Юрьевскій монастырь поразилъ насъ какъ своими богатствами, такъ и своимъ архимандритомъ. Это былъ тотъ самый Анатолій, котораго мы видѣли въ прошломъ году въ Ростовѣ... Теперь его перевели въ Юрьевскій монастырь.

„Въ музеѣ намъ показывали драгоценности. Мы видѣли жемчужину дѣйствительно колоссальныхъ размѣровъ, такіе же сапфиры, митры, украшенные камнями, митру всю изъ жемчуга (она, впрочемъ, не красива и

никогда не надѣвается). Потомъ тамъ были панагіи, но такія панагіи, о которыхъ можно было бы исписать еще 20 страницъ, о которыхъ мнѣ никогда и не снилось и какихъ, вѣроятно, никогда больше не увижу. Сергіевскій соборъ мнѣ тоже очень понравился. Мы очень подробно осмотрѣли ризницу. Были еще у Чуднаго креста, у памятника тысячелѣтія Россіи, на ярмаркѣ, даже у старьевщика. Ѣздили мы тоже въ скитъ Юрьевского монастыря, который называется Перынь. Это чудный сосновый островъ. Въ серединѣ за оградой и находится самый скитъ. Мы пили рано утромъ 29-го тамъ чай. В. Т. Георгіевскій, Игорь и я ходили за ограду въ церковь, гдѣ служилъ обѣдню схимникъ. Общество у насъ было самое милое“...

Первая половина іюня этого года была проведена въ Павловскѣ, а 16-го состоялся выѣздъ Великаго Князя Константина Константиновича съ Княземъ Игоремъ Константиновичемъ, тогда кадетомъ Петровско-Полтавскаго корпуса, на торжества 200-лѣтія Полтавской битвы въ Полтаву. Князь Олегъ, почти никогда не разлучавшійся съ младшимъ братомъ, тоже былъ взять въ эту поѣздку. Во время самыхъ торжествъ Князь Игорь Константиновичъ находился въ строю своего корпуса, Князь же Олегъ осматривалъ Полтаву, побывалъ въ Диканькѣ, а одну ночь провелъ въ лагерѣ Л.-Гв. Семеновскаго полка, гдѣ ему была приготовлена особая палатка. Эта поѣздка на торжества тоже оставила извѣстный слѣдъ въ душѣ Князя Олега: въ Полтавѣ онъ перечитывалъ поэму Пушкина и вспоминалъ боевое прошлое Россіи, которая „въ искушеньяхъ долгой кары“ „мужала съ гениемъ Петра“; Диканька заставила его живѣе почувствовать эстетическія впечатлѣнія, навѣяанныя безсмертными „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“, которые онъ такъ любилъ.

Послѣ окончанія торжествъ Князья, украшенные юбилейными медалями, вернулись въ свое любимое Осташево. Началась снова мирная деревенская жизнь: вставали и ложились рано, цѣлые дни проводили на воздухѣ, устраивали пикники, ловили рыбу, ѣздили верхомъ, принимали дѣятельное участіе въ полевыхъ работахъ.

24 іюля оба Князя, въ сопровожденіи полковника Ермолинскаго, предприняли экскурсію въ Новый Іерусалимъ, Троицкую Лавру и обратно. Прошлая поѣздка въ Новгородъ показала, какъ важно соблюдать инкогнито для полученія впечатлѣній, соответствующихъ дѣйствительности, хотя, можетъ быть, и не всегда приглядной, но, во всякомъ случаѣ, искусственно не прикрашенной. Съ этой цѣлью было рѣшено не доѣзжать до Новаго Іерусалима, а, выйдя изъ вагона на предыдущей станціи, идти пѣшкомъ 12 верстъ до монастыря. Въ письмѣ къ Августѣйшей сестрѣ Князь Олегъ такъ описалъ это путешествіе:

„Только что мы пришли пѣшкомъ на станцію изъ монастыря, въ которомъ провели сутки. Вчера, 24 іюля, мы выѣхали изъ Волоколамска на Холщевники. Оттуда прошли двѣ версты по шпаламъ, потомъ свернули налѣво въ лѣсъ, потомъ прошли деревню Микитино и, наконецъ, по красивой кустистой мѣстности добрались до монастыря. У воротъ насъ поразила

своими криками полупьяная компанія, сидѣвшая на скамейкѣ. Оказалось, что тамъ были и монахи. Пошли искать гостиницу. Намъ указали на каменную, лучшую. Вошли по лѣстницѣ въ контору. Тамъ какой-то типъ, напоминающій швейцара дяди Миши¹⁾, въ одной рубахѣ съ открытымъ воротомъ и папиросой во рту (изъ простыхъ) сказалъ намъ: „Садитесь, молодые люди!“... Намъ отвели двѣ комнаты. Мы поужинали и легли спать. Утромъ пошли осматривать монастырь. Большой соборъ — копія съ настоящаго. Внутри него, подъ золоченой сѣнью, находится Гробъ Господень, куда ведутъ низенькія двери, такъ что приходится вбираться въ нихъ почти ползкомъ. Ходили по хорамъ, гдѣ много притворовъ. Были въ скиту, гдѣ течетъ Іорданъ. Были въ музей. Теперь я сижу на станціи, на открытомъ воздухѣ, и меня ждетъ свѣжая икра, очень соблазнительная на видъ“.

Съ 5 по 9 августа Князя Олегъ и Игорь Константиновичи провели въ имѣніи „Домниха“, принадлежащемъ Н. Н. Ермолинскому. Князь Олегъ впослѣдствіи не разъ сюда прїѣзжалъ, а въ послѣдній годъ передъ кончиной провелъ здѣсь безвыѣздно три мѣсяца. Онъ всегда говорилъ, что „Домниха“ дѣйствуетъ на него успокоительно и вдохновляетъ на литературную работу. Дѣйствительно, въ „Домнихѣ“ были написаны наиболѣе крупныя изъ произведеній Князя Олега, какъ, напримѣръ, „Сцены изъ моей жизни“ и „Ковылинъ“. Тутъ же были написаны нѣсколько стихотвореній, и положено начало задуманной Княземъ Олегомъ біографіи его Августѣйшаго дѣда, Великаго Князя Константина Николаевича.

Уже въ первый свой прїѣздъ въ „Домниху“ Князь Олегъ, видимо, былъ охваченъ мыслями о писательствѣ. По крайней мѣрѣ, 8 августа онъ пишетъ сестрѣ:

„Пишу тебѣ изъ милой Домнихи, гдѣ мы уже живемъ 3-й день. Завтра уѣзжаемъ, чтобы поспѣть ко дню рожденія Папа. Домниха — прелестный, мирный, заброшенный отъ всего свѣта уголокъ, гдѣ ходитъ извѣстная тебѣ „Мамочка“²⁾ и всѣмъ распоряжается. Время отъ времени она разговариваетъ съ разными Оеньками и Васьками. Около дома старый садъ. Сейчасъ я сижу и пишу въ кабинетъ Н. Н., куда онъ только что самъ заходилъ и прослушалъ отрывокъ письма, касающійся его помѣстья. Онъ сказалъ: „Совершенно вѣрное опредѣленіе“. А Мамочка, находящаяся въ сосѣдней комнатѣ, такъ называемой „дѣвичьей“, и слышавшая нашъ разговоръ, говоритъ шутиливо-сердито: „Что онъ тамъ про меня пишетъ?“ Черезъ нѣсколько комнатъ доносится французское чтеніе: это читаетъ Параня съ Mademoiselle. Вокругъ меня старые столы, комоды, диваны, горки, а въ окно смотритъ все то же „не измѣняющееся, вѣчное небо“, какъ пишетъ Л. Н. Толстой. И все такъ мирно, обыденно, просто, спокойно. Подумать страшно, что послѣ всего этого должна наступить болѣзненная зима, съ работой, со звонками на

¹⁾ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

²⁾ Е. М. Ермолинская.

урокъ, съ десятиминутными перемѣнами... Потомъ позднія приготовленія уроковъ и раннія повторенія ихъ же. Потомъ суровыя, несносныя, старыя лица, и самъ дѣлаешься старымъ, несноснымъ, глупымъ и озлобленнымъ.

„А пока все та же тихая Домниховская общая семейная жизнь. И зачѣмъ трудиться, волноваться, болѣть и плакать? Суета суеть и всяческая суета.

„Я, какъ ты, можетъ быть, замѣтила, вдохновленъ сегодня литературно. Пользуюсь этимъ вдохновеніемъ, чтобы писать тебѣ, милая Татьяна! Вдохновеніемъ надо пользоваться, надо писать и писать. Вообще я вывелъ такое правило: если тебѣ приходитъ въ голову какая-нибудь тема, хотя бы самая незначительная, передавай ее тотчасъ на бумагу, не лѣнься, пиши! Можетъ быть, у тебя ничего не выйдетъ, ты не сердись, не рви бумагу, а успокаивайся тѣмъ, что всетаки записалъ свою мысль. Этимъ способомъ ты съ теченіемъ времени научишься писать, творить, и, кто знаетъ? можетъ быть, станешь даже писателемъ.

„Если ты въ глубинѣ души чувствуешь желаніе писать, то начинай. Вслѣдъ за желаніемъ писать стоитъ въ твоей душѣ—талантъ, который тебѣ это желаніе подсказываетъ. Надо, конечно, различать желанія. Желаніе желанію рознь. Бываетъ желаніе писать, чтобы удовлетворить духовную потребность, и бываетъ желаніе писать для прославленія. Это трудно различать. Оба эти чувства почти всегда сплетаются. Надо разбираться, является ли писаніе духовной потребностью. Если это даже только отчасти, то опять говорю: пиши и пиши! Ну, довольно. Боюсь, что моралью наскучилъ“.

Въ началѣ сентября Великокняжеская семья вернулась въ Павловскъ, и Князю Олегу снова пришлось засѣсть за уроки. 1909—1910 учебный годъ былъ послѣднимъ годомъ пребыванія его въ спискахъ корпуса. Онъ проходилъ курсъ VII класса, и скоро предстояло рѣшать вопросъ, приниматься ли этому высокоодаренному юношѣ за высшее образованіе или же непосредственно поступать въ училище, чтобы черезъ два года сдѣлаться офицеромъ. Самого Князя Олега манилъ Лицей. Вспомнимъ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, читая книгу Авенаріуса о Пушкинѣ, онъ мечталъ стать лицейстомъ. Теперь эти дѣтскія мечты уступили мѣсто сознанію важности высшаго общаго образованія. Вотъ почему уже съ осени Князь Олегъ постоянно возвращался къ этой темѣ въ бесѣдахъ съ окружающими, но эти разговоры пока еще не выходили за предѣлы предположеній.

Къ этому времени способности Князя Олега начинаютъ развѣртываться все шире. Вотъ что сообщаютъ о его занятіяхъ нѣкоторые изъ преподавателей:

„Каждое слово“, пишетъ А. А. Ешевскій, „покойный Олегъ Константиновичъ ловилъ и запоминалъ, ибо послѣ я видѣлъ отмѣтки въ книгѣ или тетради, если я говорилъ что-нибудь, чего не было въ учебникѣ. Къ

слѣдующему уроку онъ всегда составлялъ конспекты того, о чемъ мы говорили, наносилъ всѣ данныя на репетиціонную карту и превосходно ориентировался на стѣнной. Мнѣ пришлось заниматься съ нимъ лишь одинъ годъ, когда онъ проходилъ курсъ VII кл. кадетскаго корпуса. По программѣ кадетскихъ корпусовъ курсъ географіи Россіи проходилъ въ теченіе двухъ лѣтъ: въ первый годъ (въ VI кл.) физическое обозрѣніе Россіи вообще, а во второй (VII кл.) обозрѣніе этнографическое и экономическое изученіе Россіи по частямъ и ея окраинныя области.

„Мнѣ пришлось къ тому времени лично посѣтить какъ многія мѣста центральной Россіи, такъ и ея окраины: я былъ въ разныхъ углахъ Сибири, Туркестана, Кавказа, Сѣвера (Печора и Мурманъ), Крыма и Финляндіи; кромѣ того, восемь разъ былъ за-границей, посѣтивъ всѣ страны западной Европы, Японію и сѣверныя области Китая, такъ что у меня матеріала для сравненій и разсказовъ было много. Часто я иллюстрировалъ уроки фотографіями, вывезенными съ мѣстъ, и, такъ какъ контролировать уроковъ не приходилось—Олегъ Константиновичъ зналъ всегда больше, чѣмъ было въ учебникѣ,—то уроки наши состояли преимущественно въ моихъ разсказахъ, причемъ *факты и мысли*, его особенно интересовавшіе, онъ бѣгло отмѣчалъ въ тетрадь, прося разъясненія, если что-нибудь ему сразу было неясно. Такимъ образомъ, курсъ географіи Россіи намъ удалось расширить до болѣе широкаго курса отечествовѣдѣнія. Самыми интересными отдѣлами были этнографическій и экономическій: при изученіи перваго отдѣла мы обсуждали, между прочимъ, вопросъ, почему пестрота населенія Россіи не угрожаетъ такъ ея политическому и культурному единству, какъ Австро-Венгріи (настоящая война подтвердила бы правильность нашихъ разсужденій), а при изученіи экономики Россіи я подробно разсказывалъ ему о разныхъ видахъ промышленности добывающей и обрабатывающей въ Россіи и за границей. Имѣя въ виду, что Олегъ Константиновичъ долженъ быть на военной службѣ, я старался обратить его вниманіе на значеніе нашихъ границъ и на непремѣнную связь экономическаго благосостоянія съ военнымъ могуществомъ страны, какъ въ тѣсномъ смыслѣ снабженія арміи, такъ и въ томъ смыслѣ, что высоко развитая производительность страны обезпечиваетъ тѣ громадныя финансовыя средства, которыя требуются современными войнами.

Съ величайшимъ интересомъ относился Олегъ Константиновичъ къ описанію нашихъ окраинъ, особенно Сибири и Туркестана, и къ колонизаціи. Я самъ давно интересовался переселенческимъ вопросомъ и много имъ занимался, такъ что мнѣ представлялся случай указать ему на то, что въ колонизаціи нашихъ окраинъ, кромѣ непосредственнаго приобщенія къ производительной культурѣ мертвыхъ до сихъ поръ естественныхъ богатствъ, лежитъ еще громадной важности рѣшеніе аграрнаго вопроса, совершенно неправильно при нашихъ земельныхъ запасахъ обострившагося ¹⁾).

¹⁾ Вопросы благосостоянія русской деревни Олега Константиновича особенно живо интересовали.

Князь Олегъ Константиновичъ въ 1909 г.

Мой внимательный и талантливый слушатель очень радовался, когда мнѣ приходилось развивать передъ нимъ оптимистическія перспективы будущаго экономическаго и культурнаго развитія Россіи, перспективы, въ которыя я самъ, разумѣется, глубоко вѣрилъ и вѣрю. Я ему подробно рассказывалъ о возможности осушенія громадныхъ болотъ Россіи, орошеніи значительной части нашихъ азіатскихъ степей, использованіи Сибирской тайги, водъ Ледовитаго и Тихаго океановъ, нашихъ еще не изслѣдованныхъ ископаемыхъ богатствъ, съ другой стороны—о благоустройствѣ западно-европейскихъ путей сообщеній, каналовъ, торговыхъ гаваней Англій и Германіи и объ условіяхъ міровой торговли. Олегъ Константиновичъ постоянно и искренно заявлялъ, что все это его очень интересуетъ, и послѣ разговоровъ съ нимъ я убѣждался, что при его счастливой памяти, рѣдкомъ сочетаніи анализа и синтеза его ума и исключительной жажды знанія, онъ, дѣйствительно, все понималъ и отчетливо излагалъ“.

Другой преподаватель, П. Г. Васенко, отмѣчая въ Князѣ Олегѣ тѣ же черты, указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наклонность его къ работѣ надъ первоисточниками:

„Я былъ приглашенъ преподавателемъ къ Князю весной 1908 г.“, пишетъ П. Г. Васенко. „Изъ бесѣдъ съ Н. Н. Ермолинскимъ и покойнымъ П. Е. Кеппенемъ я выяснилъ себѣ (въ общихъ чертахъ) характеръ и наклонности моего будущаго ученика, и съ нѣкоторыми надеждами приступалъ осенью того же года къ занятіямъ съ нимъ. Надежды мои не были обмануты. Съ первыхъ же дней наладились у насъ какъ занятія, такъ и отношенія. Князь занимался съ большою охотой, съ интересомъ разсматривая снимки и рисунки съ предметовъ старины, архитектурныхъ памятниковъ, рукописей и пр. Съ большимъ рвеніемъ составлялъ онъ конспекты, очень часто необычайныхъ размѣровъ, что вызывало возраженія и замѣчанія съ моей стороны. Это дѣло предпринято было по его собственной инициативѣ, и онъ имъ увлекался.—Классныя занятія, а также особенные „историческіе вечера“, устраивавшіеся въ Павловскѣ зимой 1908—1909 г., бесѣды о томъ, что нѣкоторыя мои ученицы помимо классныхъ занятій дѣлаютъ иногда мнѣ посильныя сообщенія по поводу прочитаннаго, привели насъ (Н. Н. Ермолинскаго и меня) мало по малу къ мысли предложить Князю попробовать свои силы въ этомъ направленіи. Князь съ удовольствіемъ выслушалъ о нашей затѣѣ—она кажется, насколько помню, и ему приходила на мысль—и остановилъ свой выборъ на темѣ о патріархѣ Ермогенѣ. Зная стремленія и способности Князя, я предложилъ ему, хотя элементарную, работу по первоисточнику. Князь поработалъ надъ этой темой и слѣдующей весной сдѣлалъ намъ сообщеніе. Юношески наивное и еще неумѣлое сообщеніе это содержало въ себѣ все же недурныя наблюденія и обнаруживало въ его авторѣ интересъ къ родному прошлому и вкусъ къ чтенію первоисточниковъ. Въ ту же зиму у Князя окончательно опредѣлился глубокій интересъ къ гуманитарнымъ наукамъ, благодаря которому созрѣло желаніе поступить въ высшее учебное заведеніе“.

Ю. Ю. Бальи-Контъ, преподававший Князю Олегу французскій языкъ и литературу, далъ блестящую характеристику Князя. Правда, она рисуеъ Князя Олега нѣсколько шире, выходя за предѣлы пребыванія его въ корпусѣ, но черты, отмѣченныя Ю. Ю. Бальи-Контотъ въ Князѣ Олгѣ, какъ лицествъ, уже обнаружились передъ поступленіемъ его въ Лицей. Вотъ почему слова г. Бальи-Конта умѣстно привести здѣсь въ видѣ дополненія къ воспоминаніямъ г.г. Ешевскаго и Васенки.

„Il était la conscience même,“ пишетъ Ю. Ю. Бальи-Контъ. „Enfant, il fut le plus exact, le plus discipliné, le plus diligent des écoliers: toujours attentif, aimant l'effort, il accomplissait sa tâche avec une sorte de joie fiévreuse, qui lui faisait oublier tout le reste. Jamais il n'a négligé de préparer la leçon, qui lui était donnée, jamais il n'a cherché à recourir à un de ces expédients dont usent les enfants pour avoir le droit de négliger leurs devoirs. Si par hasard le temps manquait, si l'heure du sommeil avait sonné, le livre était emporté à la chambre à coucher, et là le travail continuait.

„Jeune homme, il fut le plus scrupuleux des étudiants. C'est quand il préparait ses répétitions ou ses examens du Lycée qu'il fallait le voir: toujours en mouvement, se levant, se rasant, s'asseyant, répétant, notant, répétant encore, il n'abandonnait une question qu'à regret, incertain toujours de la connaître assez.

„Ces scrupules il les portait dans la vie de l'âme et ils provoquaient en lui cette inquiétude morale propre aux grands consciencieux, pour qui le devoir consiste à faire plus que leur devoir.

„Il était de ceux-là, qui pensent n'avoir rien fait, tant qu'il leur reste à faire et qui, hélas, parce qu'il nous reste toujours à faire, sont destinés à être toujours troublés par le désir du mieux, par le besoin de se surpasser sans cesse. Il leur faut pour vivre pleinement, la lutte, l'énergie hardiment déployée, la grande tâche acceptée, désirée, cherchée, inventée, si elle n'est pas, embrassée avec ivresse, si elle s'offre.

„Mais en même temps, il avait su rester enfant, enfant très jeune, très tendre, très simple, et sachant rire encore, comme les enfants, d'un bon rire franc et sonore qui partait en fusée à la moindre occasion. Ce mélange de haute conscience et de vraie jeunesse étonnait d'abord, puis charmait.

„Ainsi doué, il ne pouvait pas ne pas éprouver cette noble curiosité de l'esprit qui fait qu'un homme veut tout apprendre, pour savoir un peu. Quel bonheur pour lui le jour où il lui fut permis de faire au Lycée des études supérieures, universitaires et de devenir un étudiant. Avec quel courage il se plongea dans l'étude des matières les plus abstraites! Il voulait savoir; mais son esprit rapide, mobile, ondoyant, chatoyant, tout de finesse, trouvait plus de jouissances dans la littérature et dans l'art. Son sens littéraire était très sûr, très éclectique aussi, et le rendait capable de goûter à la fois nos grands classiques et nos plus modernes poètes, un Gauthier ou un Sully-Prudhomme; et quand il lisait, appuyé sur le coude, le front barré d'une ride que creusait à

ce moment la concentration de sa pensée, si sa voix haute et claire cessait de résonner, c'était pour intervenir par des réflexions ou des questions toujours opportunes, toujours fines et toujours délicates“.

Наступилъ 1910 годъ. Въ февралѣ и мартѣ должны были состояться въ Павловскомъ дворцѣ четыре интересныхъ спектакля, находившіеся въ связи съ тѣми пожеланіями, которыя были высказаны на педагогическомъ собраніи 1908 года. Эти спектакли явились по общему своему характеру продолженіемъ предшествовавшихъ историческихъ вечеровъ. Каждому спектаклю предпосылалась лекція по исторіи русскаго театра и музыки, а представленіе было какъ бы иллюстраціей къ лекціи.

Первый спектакль, 20 февраля, обнималъ исторію театра за время царствованій Петра Великаго, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Поставлены были сцены изъ трагедокомедіи Теофана Прокоповича „Владимиръ“, опера „Serva Padrone“ Перголезе и 5-ое дѣйствіе „Хорева“ Сумарокова. Второй спектакль, 25 февраля, долженъ былъ напомнить о русской комедіи и комической оперѣ эпохи императрицы Екатерины II, для чего была поставлена комедія самой Императрицы „О время!“ и опера Аблесимова и Омина „Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и свать“. Третій спектакль, 14 марта, касался исторіи царствованій Императоровъ Павла I и Александра Благословеннаго: были поставлены 3-е дѣйствіе комедіи Капниста „Ябеда“ и опера Кавоса „Иванъ Сусанинъ“. Наконецъ, четвертый спектакль, 20 марта, обнимавшій собою царствованіе Императора Николая I, былъ посвященъ водевилямъ. „Много шуму изъ пустяковъ“ Яблочкина и „Зало для стрижки волосъ“ Григорьева I, а также оперѣ Верстовскаго „Аскольдова могила“. Докладчиками на этихъ спектакляхъ были: профессоръ Петроградской Консерваторіи Л. А. Саккетти по исторіи музыки и Н. Н. Ермолинскій по исторіи театра. Благодаря любезному участію лучшихъ силъ Императорскихъ и Малаго театровъ, а также талантливому режиссерству Н. Н. Арбатова, Павловскіе историческіе спектакли имѣли выдающійся успѣхъ и всѣ безъ исключенія были осчастливлены Высочайшимъ присутствіемъ.

Такъ какъ непосредственно участвовать въ представленіяхъ Князь Олегъ не могъ, то онъ вмѣстѣ съ Княземъ Игоремъ Константиновичемъ старался оказать хотя бы какую-нибудь помощь: Князья замѣняли сценаріуса, суфлера, помогали въ установкѣ декорацій, составляли для программъ конспектированное содержаніе дававшихся пьесъ. О дѣятельности Князя Олега во время спектаклей мы имѣемъ любопытную страницу въ воспоминаніяхъ Б. С. Захарова, который по очереди съ профессоромъ А. М. Миклашевскимъ аккомпанировалъ пѣвцамъ. Вотъ что онъ пишетъ: „Живо помню, какъ передъ однимъ изъ Историческихъ спектаклей въ Павловскѣ Князь Олегъ обѣщалъ мнѣ и другимъ артистамъ помочь во время представленія— сидѣть рядомъ со мной за роялемъ, показывать артистамъ вступленія и перелистывать ноты. Неожиданно за недѣлю до спектакля Князь просту-

жается и ложится въ постель. Болѣзнь его страшно угнетаетъ, но онъ безпрестанно твердитъ, что во что бы то ни стало исполнить свое обѣщаніе. И дѣйствительно, чуть ли не за часъ до спектакля Князь встаетъ съ постели и, несмотря на повышенную температуру, со вниманіемъ слѣдитъ за исполненіемъ, отчетливо показываетъ всѣ вступленія и чувствуетъ себя счастливымъ отъ сознанія исполненнаго обѣщанія“.

Послѣдній Историческій спектакль ознаменовался для Князя Олега особо важнымъ событіемъ. На этомъ спектаклѣ было получено Высочайшее соизволеніе на поступленіе Августѣйшаго кадета-полочанина въ Лицей. Ликованіе Князя Олега въ послѣдующіе дни не поддается описанію: онъ весь сіялъ и торопился подѣлиться своей радостью съ каждымъ знакомымъ.

Въ маѣ должно было состояться перенесеніе мощей св. Евфросиніи, Княжны Полоцкой, изъ Кіева въ Полоцкъ, въ основанный св. Евфросиніей Спасскій монастырь. Представителемъ Государя Императора на священныхъ торжествахъ былъ назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Великій Князь рѣшилъ отправить въ Полоцкъ и Августѣйшаго полочанина съ тѣмъ, чтобы онъ занялъ мѣсто въ строю кадетъ въ качествѣ знаменщика. 16 мая Князь Олегъ съ Княземъ Игоремъ Константиновичемъ въ сопровожденіи полковника Ермолинскаго прибыли въ Полоцкъ и остановились въ квартирѣ директора корпуса. Князь Олегъ къ этому времени блестяще сдалъ уже всѣ выпускные экзамены, кромѣ двухъ— по исторіи и по законовѣдѣнію. Эти экзамены, съ соизволенія Августѣйшаго отца, онъ долженъ былъ сдать въ стѣнахъ родного корпуса. На другой день послѣ пріѣзда Князей прибылъ и Великій Князь.

19 мая Князю Олегу предстоялъ экзаменъ по законовѣдѣнію и, хотя онъ къ этому экзамену былъ основательно подготовленъ во время учебнаго года, тѣмъ не менѣе онъ сейчасъ же по пріѣздѣ принялся за книги, а передъ самымъ экзаменомъ занимался почти всю ночь напролетъ. Экзаменъ, какъ никто, впрочемъ, и не сомнѣвался, былъ выдержанъ прекрасно. Несмотря на уговоры хорошенько отдохнуть отъ утомительной подготовки и напряженія нервовъ на экзаменѣ, Князь Олегъ вечеромъ того же дня принялъ участіе въ публичномъ состязаніи на рапирахъ на гимнастическомъ праздникѣ въ корпусѣ и даже получилъ призъ. Эту ночь Князь Олегъ провелъ въ корпусѣ, въ общей кадетской спальнѣ.

20 мая въ корпусѣ происходило открытіе бюста портъ-артурскаго героя, полочанина Кондратенки. На торжествѣ присутствовала, вмѣстѣ съ Августѣйшимъ Главнымъ Начальникомъ, Ея Величество Королева Эллиновъ, только что прибывшая въ Полоцкъ на встрѣчу мощей св. Евфросиніи. Знаменщикомъ баталіона кадетъ во время парада былъ Князь Олегъ.

Послѣ парада и завтрака, корпусъ со знаменемъ выступилъ за городъ по дорогѣ въ лагерь на встрѣчу мощамъ. Въ то же время изъ Николаевскаго собора вышелъ крестный ходъ, въ которомъ принимали участіе Высочайшія Особы: Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константи-